

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИКА ПОБЕДЫ:
УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(К 75-летию Победы СССР
в Великой Отечественной войне)

Москва
2020

Редакционная коллегия:

Е.Б. Ленчук, д.э.н.; М.И. Воейков, д.э.н.;

М.Ю. Головин, д.э.н., член-корреспондент РАН; В.Ю. Музычук, д.э.н.

- Э 40 **Экономика Победы: уроки истории и современность (К 75-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне)** / Отв. ред. М.И. Воейков. М.: Институт экономики РАН, 2020. – 158 с.

ISBN 978-5-9940-0682-5

В сборнике обсуждаются вопросы экономического развития СССР до, во время и после войны. Анализируются вопросы подготовки страны к войне, экономического потенциала СССР до войны, развитие экономики во время войны, планирования и мобилизации ресурсов. Особый акцент делается на проблемах экономической разрухи после войны и либеральных реформ 1990-х гг., а также на экономической науке восстановления и либеральной концепции. Показано, что экономика социализма обладала мощным потенциалом, советская экономическая наука разработала адекватные методы и подходы управления экономикой (народнохозяйственное планирование, хозрасчетные методы управления, централизованное руководство, материальное стимулирование, управление персоналом и др.) для сложных условий, которые позволили СССР стать второй державой в мире. Делается вывод, что либеральная экономическая концепция должна быть заменена национально ориентированной экономической концепцией государственного регулирования.

Ключевые слова: советская экономическая система, промышленная политика, мобилизационная модель, оборона, производство танков, орудий, боеприпасов, эвакуация.

Классификация JEL: H30, H56, H57, H60, N00, N4, N6.

The formation of an integrated city-village system as a factor in the structural modernization Economy of Victory: Lessons from History and the Present (To the 75th Anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic War) / Resp. ed. M.I. Voeykov. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. – 158 p.

The collection discusses questions of the economic development of the USSR before the war, during the war and after the war. The authors of the articles analyze the issues of preparing the country for war, the economic potential of the USSR before the war, economic development during the war, planning and mobilization of resources. The problems of economic devastation after the war and after the liberal reforms of the 1990s, as well as the economic science of restoration and the liberal concept, are especially highlighted. The materials of the collection show that the Soviet economy had a powerful potential, Soviet economic science developed adequate methods and approaches for managing the economy (national economic planning, self-supporting methods of management, centralized leadership, material incentives, personnel management, etc.) for difficult conditions that allowed USSR to become the second power in the world. It is concluded that the liberal economic concept should be replaced by a nationally oriented economic concept of state regulation.

Keywords: soviet economic system, industrial policy, mobilization model, defense, production of tanks, guns, ammunition, evacuation.

JEL Classification: H30, H56, H57, H60, N00, N4, N6.

ББК 65.9(2)-98

© Институт экономики РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
Ленчук Е.Б., Караваева И.В. Великая Отечественная война и мобилизационная экономика России.....	10
Ермолов А.Ю. Мобилизационное планирование в СССР накануне Великой Отечественной войны и промышленность боеприпасов.....	21
Колганов А.И. Экономическая загадка Победы.....	46
Караваева И.В. О роли финансов населения в создании экономического фундамента великой Победы.....	69
Сенявский А.С. Почему СССР победил нацистскую Европу.....	84
Гловели Г.Д. Великая Победа в мир-системном контексте.....	109
Павленко Ю.Г. Великая Отечественная война: политико-экономические уроки и современные вызовы.....	123
Воейков М.И. Великая Отечественная война в политэкономическом измерении.....	140

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические проблемы Великой Отечественной войны, подготовка к ней и восстановление народного хозяйства всегда являлись важнейшими темами исследований ученых Института экономики АН СССР (ныне РАН). Уже в 1941 г. ряд ученых Института подготовили несколько работ по проблемам Великой Отечественной войны. Среди них можно назвать следующие: *Бровер И.* «Советские патриотки у станков куют победу над фашизмом»; *Грановский Е.А.* «Самоотверженный труд — залог победы над врагом»; *Михалевский Ф.* «Звериное лицо германского фашизма». Научные труды сотрудников Института, посвященные данной тематике, выходили и позже. Назовем, например, «Историю социалистической экономики» (отв. редактор И.А. Гладков) в 7 томах, где 5-й том был целиком посвящен экономическим проблемам Великой Отечественной войны. В заключительной части было отмечено, что СССР за время войны потерял почти 30% национального богатства. Издержки СССР в войне превысили военные расходы всех воюющих стран в первой мировой войне в 2,3 раза. Они были значительно больше, чем совместные издержки США, Англии и Франции в годы Второй мировой войны. Тем не менее экономика выдержала все тяготы войны и обеспечила победу СССР.

Сегодня Институт экономики РАН продолжает и развивает эту традицию. В 2010 г., к 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, Институт совместно с Российским государственным архивом экономики (РГАЭ) организовал первую конференцию, посвященную современной

оценке экономического развития нашей страны в предвоенные и военные годы. Именно тогда появилось название «Экономика Победы». Эта конференция сопровождалась интересной выставкой документов и фотографий военных лет, организованной РГАЭ. Тогда же вышел первый сборник статей ученых ИЭ РАН, сотрудников РГАЭ, вузовских ученых «Экономика Победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне». Он отмечен научным академическим сообществом и получил признание.

В мае 2015 г. в Институте экономики РАН состоялась научная конференция «Экономика Победы», посвященная 70-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. Она была организована Институтом экономики РАН, Российским государственным архивом экономики и Новой экономической ассоциацией. Конференцию открыли директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг и директор Российского государственного архива экономики Е.А. Тюрина. Кратко суть их вступительных слов можно передать следующим образом.

Семь десятилетий (а сегодня и больше. — Е.А.) отделяют нас от неоспоримого по значимости исторического события в развитии мировой цивилизации — окончания Второй мировой войны. Великий подвиг наших отцов, дедов и прадедов в тяжелейшие 1941—1945 военные годы внес определяющий вклад в обеспечение Победы антифашистской коалиции над гитлеровской Германией и милитаристской Японией во Второй мировой войне. И сейчас, спустя десятилетия, жива память россиян о Великой Победе, о горечи и потерях ей предшествующих, о той беде, через которую пришлось пройти всем семьям, чтобы выстоять и дать жизнь следующим поколениям. Именно поэтому принципиально важно, чтобы память о войне и экономике тех лет поддерживалась на основе достоверных фактов и объективных оценок в противовес тем искажениям и откровенным фальсификациям, которые все чаще встречаются в «научных» изданиях дальнего и ближнего зарубежья.

В рамках научной конференции была представлена книга, подготовленная в Институте экономики РАН к 70-летию Победы, — «Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности» под редакцией проф. И.В. Караваевой. В ней ученые Института экономики постарались документально обосновать, благодаря чему в годы войны экономика Советского Союза, несмотря на все тяжелейшие испытания, быстро преобразовывалась и, что самое главное, росла. Было продемонстрировано под воздействием каких факторов и жестких волевых решений, влияние которых на выбор экономического развития было подчас определяющим, это происходило.

Основной задачей ученых Института экономики РАН стало формирование объективного, научного взгляда на процессы преобразования и развития отечественной экономики предвоенного, военного и отчасти послевоенного периодов со всеми ее противоречиями, успехами и неудачами, впечатляющими свершениями и пониманием страшной цены за их достижение. В трудах сотрудников Института много говорится о феномене мобилизационной экономики, изучение экономической природы которого вновь становится актуальным объектом исследования в современном неустойчивом мире.

Ученые Института экономики РАН в статьях настоящего сборника сосредоточиваются на характеристике экономических источников Победы СССР в Великой Отечественной войне, на их современной оценке и трактовке. Можно выделить следующие основные направления исследований:

- характеристика затрат и оценка эффективности методов формирования индустриальной основы российской экономики в предвоенный период;
- анализ феномена мобилизационной экономики, обеспечившей форсированное перебазирование на значительные расстояния крупных промышленных предприятий;
- обобщение уникального опыта организации и быстрого развертывания значительных объемов передового

для тех лет военного производства, осуществленного в очень сжатые сроки;

- изучение опыта быстрого восстановления высококвалифицированных трудовых ресурсов и социального обеспечения их профессионального роста в условиях тыла;
- вклад советской экономической науки в разработку и реализацию инновационных методов управления мобилизационной экономикой.

В статьях показано, что Победа в Великой Отечественной войне — это в значительной мере победа советской экономики и методов ее управления. Убедительно продемонстрировано как в начале войны, когда наши войска отступали, была впервые в мировой экономике осуществлена акция перебазирования комплекса промышленных предприятий на восток страны. Были перемещены более 10 млн чел., более 2 тыс. предприятий, эшелоны оборудования, сотни тысяч квалифицированных рабочих и инженеров. На востоке страны за несколько месяцев были созданы действующие военные заводы, налажено производство вооружения. Данная экономическая акция дала возможность после существенного спада промышленного производства в 1941–1942 гг. уже в начале 1943 г. и в последующие годы войны обеспечить быстрый рост отечественной промышленности.

Сегодня особенно важно понимать непреходящую значимость сохранения и возрождения исторической памяти военных лет. Память об этом переломном рубеже в российской и мировой истории формирует нравственные факторы, на которых должна базироваться современная экономическая наука, обеспечивает достоверность экономического мышления, вызывает гордость за нашу страну, прошедшую через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны и практически сохранившую современную цивилизацию.

Е.Б. Ленчук,
д.э.н, директор Института экономики РАН

Е.Б. Ленчук

д.э.н., директор Института экономики РАН

И.В. Караваева

д.э.н., зав. сектором экономической безопасности
Института экономики РАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ

В статье рассматривается мобилизационная модель экономического развития, с помощью которой удалось в короткие сроки перебазировать многие предприятия и рабочую силу на восток страны, наладить производство военной техники и создать необходимые условия для победы СССР над гитлеровской Германией. Ее основные инструменты — целеполагание, планирование, ресурсное обеспечение, балансовые методы — могут быть крайне полезными для решения современных стратегических задач развития экономики России.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, стратегическое планирование, балансовый метод, военное производство, советская экономическая система.

Великая Отечественная война явилась серьезным испытанием для всей общественной системы Советского Союза, в особенности экономической, которая выдержала все тяготы войны и оказалась более мощной, чем система гитлеровской Германии. Ее главным звеном была мобилизационная экономика, уроки которой надо знать и помнить.

Сегодня они приобрели особую актуальность. В условиях современного турбулентного мира, нарастающих геополитических, научно-технологических, демографических и экологических вызовов перед Россией стоит важнейшая задача — запустить механизм ускорения экономического роста, являющийся залогом сохранения национальной безопасности страны. Это возможно лишь при переходе к новой модели развития, базирующейся на структурных сдвигах в экономике, возрождении реального сектора, технологической модернизации, освоении и продвижении самых совре-

менных технологий. Причем решение этой проблемы имеет ограничения во времени и требует огромных ресурсов. Все чаще идет разговор о необходимости возврата к планированию, переходу к мобилизационной экономике. Это те инструменты, которые позволяют добиваться запланированных результатов в сложных внешних и внутренних условиях, в кратчайшие сроки и при ограниченных ресурсах. В этой связи особое значение приобретает уникальный опыт развертывания мобилизационной экономики СССР в условиях военного времени 1941–1945 гг., который не стоит забывать. Он сегодня может быть использован для разработки перспективных моделей стратегического управления успешным развитием экономики нашей страны, проведения ее структурной и технологической модернизации.

Условия формирования мобилизационной экономики

Великая Отечественная война Советского Союза с гитлеровской Германией стала самым жестоким испытанием для нашей страны. Ни одному из воюющих государств никогда не приходилось организовывать военное хозяйство в столь тяжелых условиях. Ряд крупных зарубежных политиков, в том числе и У. Черчилль, высказывали мнение о безнадежности положения СССР и скором его поражении. Но этого не произошло. Советский Союз сумел в исключительно короткие сроки перестроить свою экономику согласно требованиям современной войны, создать принципиально новую систему мобилизационной экономики.

Напомним, что к 1941 г. Германия уже захватила ряд европейских стран и активно использовала их экономический потенциал. Помимо этого из СССР в Германию сплошным потоком шли стратегические ресурсы по договору, который был заключен в надежде на отсрочку начала войны. Вот почему к июню 1941 г. основные экономические показатели Германии были почти в 2 раза выше советских. Следует также

учесть потери в связи с захватом европейской части СССР, в которой было развернуто до 40% всего промышленного потенциала страны. В результате во второй половине 1941 г. объем промышленного производства в СССР сократился в 2 раза, выплавка чугуна и стали уменьшилась соответственно в 2 и 2,8 раза.

Потери, в том числе и в производстве вооружения, в начале войны были огромны. С августа по ноябрь 1941 г. из прифронтовых районов выбыло 303 предприятия, изготовлявшего боеприпасы. Месячный выпуск указанных предприятий составлял 8,4 млн корпусов снарядов и много другой военной продукции. В результате военных потерь, а также эвакуации сотен предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшились в 2,1 раза. Выпуск проката черных металлов — основы военной промышленности — в декабре 1941 г. уменьшился против июня 1941 г. в 3,1 раза. Производство проката цветных металлов, которые необходимы для военного производства, сократилось в 43 раз. Производство шарикоподшипников, без которых невозможен выпуск самолетов, танков, артиллерийских орудий, — в 21 раз (Вознесенский, 2009. С. 112). В таких тяжелых экономических условиях пришлось вести войну на начальном ее этапе.

Стратегическая перестройка системы управления народным хозяйством в 1941–1942 гг.

С началом войны задания третьего пятилетнего плана не были отменены. Уже 24 июня 1941 г. был создан *Совет по эвакуации*, который возглавляли Л. Каганович и Н. Шверник. В его ведение были переданы перебазирование промышленности на восток страны и координация всех транспортных перевозок с запада на восток для восстановления и развития производственного потенциала, а с востока на запад — для фронта. В это же время был сформирован *Государственный Комитет Оборона* (ГКО), возглавляемый И. Сталиным. Здесь

была сосредоточена вся идеологическая, политическая, организационная и военная деятельность в стране.

Во главе Госплана СССР в этот период стоял Н. Вознесенский. Именно под его руководством во многом определялись направления предвоенной модернизации производства, пропорции воспроизводства экономики, осуществлялось размещение производительных сил, создавался в гражданских отраслях производственный потенциал для нужд военного времени. За 1932–1940 гг. в производстве и экономике в целом произошли весьма важные позитивные трансформации (табл. 1).

Таблица 1. Динамика промышленного производства в СССР в предвоенный период

Показатели	1932	1937	1940
Валовая продукция промышленности, млрд руб.	38,5	95,5	138,5
Уголь, млн т	64,4	128,0	165,9
Нефть, млн т	21,4	28,5	31,1
Чугун, млн т	6,2	14,5	14,9
Сталь, млн т	5,9	17,7	18,3
Прокат, млн т	4,4	13,0	13,1
Станки металлорежущие, тыс. шт.	19,7	48,5	58,4
Электроэнергия, млрд кВт·ч	13,5	36,2	48,3

Источник: (Экономическая история СССР, 2007. С. 37).

Эти результаты развития производства определили базу для создания эффективной структуры военной экономики СССР на основе плановой модели трех пятилеток, но с принципиально новым подходом к размещению производства, базирующегося на двух главных принципах — все для фронта и социальной стабильности в тылу.

Созданный *Комитет по учету и распределению рабочей силы* сумел совместно с ГКО и Госпланом возместить отток миллионов рабочих и специалистов на фронт за счет быстрой трансформации структуры занятых во всех регионах страны. При этом в данной структуре резко возросла доля женщин —

с 37 до 53% от общей численности занятых. Примерно 30% составляли опытные работники с довоенным стажем. Резко возросла роль ФЗУ в подготовке к труду молодого поколения. По решению ГКО специалисты по вооружению были демобилизованы из армии для работы на военных заводах.

По предложениям Н. Вознесенского с первых дней войны был разработан *Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г.* В нем коренным образом пересматривался действующий пятилетний план за счет включения *Программы военной конверсии*, которая предусматривала увеличение производства военной техники на 26%, а также всех необходимых для этого ресурсов, особенно капитальных вложений, утверждение заданий по дополнительному производству необходимых объемов металла (включая прокат для военной техники, танков, бронемашин). Все эти ресурсы направлялись в регионы размещения эвакуированных производств и строительства новых военно-промышленных предприятий и комплексов на Урале, в Западной части Сибири, в Поволжье.

Был практически заново разработан план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. с поквартальной разбивкой, а по конкретной новой военной технике – и с ежемесячной, кроме того, обоснованы новые структура, балансы, размещение производственного и военного потенциала наряду с адекватным развитием всей инфраструктуры, включая энергетику, транспорт, жилье для рабочей силы, сформирована система обеспечения необходимой пропускной способности транспорта с учетом всего объема встречных перевозок, что потребовало полной реконструкции железнодорожной сети страны.

Особое внимание уделялось следующим факторам:

1) переводу в ВПК (военно-промышленный комплекс) всех необходимых по балансу предприятий из всех отраслей народного хозяйства;

2) высвобождению производственных мощностей на всех промышленных предприятиях гражданского произ-

водства для размещения заказов для фронта и для населения, работающего в новых условиях;

3) ускорению разработки и производства новой техники и других средств для фронта (например, бронелист в металлургии, организация массового поточного производства снарядов, пулеметов, автоматов Калашникова);

4) мобилизации всех возможных ресурсов сельского хозяйства; расширению посевных площадей в Поволжье, в Сибири и других регионах с учетом выпадения из баланса ресурсов на захваченных немцами территориях;

5) мобилизации мощностей для военных нужд и строительства новых предприятий, обустройству на Урале и за Уралом промышленных производств, эвакуированных с запада;

6) пересмотру всех нормативов потребления, издержек производства без ухудшения качества продукции;

7) усилению контроля качества военной техники с помощью военпредов на оборонных предприятиях и в производстве продукции для армии;

8) мобилизации средств населения для бюджета (выпуск государственных займов и облигаций), помощи фронту и госпиталям;

9) перестройке структуры и методов работы Госплана, наркоматов, министерств и ведомств. В 1941 г. вместо бывших 6 был создан 21 наркомат;

10) реформированию подготовки и переподготовки кадров;

11) усилению трудовой дисциплины и укреплению национального единства СССР.

Исходя из этого, развернулась невиданная по масштабам работа в народном хозяйстве, что позволило уже в первой половине 1942 г. восстановить потерянные мощности европейской части СССР. В декабре 1941 г. прекратилось падение промышленного производства, а с марта 1942 г. начался коренной перелом в развитии военной промышленности.

Роль плановой системы в формировании военной экономики нельзя правильно оценить, если не вспомнить, что к завершению первого этапа перебазирования предприятий

из регионов, занятых фашистскими войсками (примерно ноябрь 1941 г.), общий объем промышленного производства составлял немногим более 50% от довоенного уровня. Но уже к лету 1942 г. все эвакуированные предприятия заработали в полную силу, и начался планомерный подъем промышленного производства и экономики в целом.

Такие результаты были обеспечены путем планового перераспределения и интеграции ресурсов с целью достижения сбалансированности на отраслевом и региональном уровнях и недопущения несогласованных действий предприятий. Особое значение придавалось развитию транспортной инфраструктуры. В Госплане была серьезно усилена балансовая работа.

Мобилизационная модель военной экономики в период 1943–1945 гг.

Результативность мобилизационной модели управления военной экономикой можно реально оценить с учетом не только самих масштабов военных действий, но и потерь от разрушения городов, деревень и предприятий. Их объем оценивался Н. Вознесенским в конце войны как превышающий в 5,5 раза весь национальный доход СССР в 1940 г. Иначе говоря, на каждый год войны потери составили более 1,3 национального дохода 1940 г. Эти данные подробно анализируются Н. Вознесенским в книге «Военная экономика СССР» (Вознесенский, 1947. С. 87–95).

Кроме того необходимо учитывать и социально-экономические результаты от восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства после возвращения беженцев и эвакуированного населения на освобожденные территории в ходе победоносного наступления советских войск, обеспечившего прирост потенциала уже в 1943 г. В итоге многие аспекты послевоенного планирования и конверсии военной экономики стали неотъемлемыми составляющими мобилизационной экономической модели.

Уже к концу 1942 г. и началу 1943 г. перестройка экономики позволила СССР производить для фронта техники больше, чем это могла сделать Германия, несмотря на использование труда пленных и потенциала захваченных стран и территорий. При этом динамично, по ускоренным технологиям и с высокими качественными характеристиками выпускалась новая боевая техника (танки Т34-36, самолеты ИЛ), вытесняя довоенную. Уже в марте 1942 г. в восточных районах страны промышленное и оборонное производство, развернутое на не имевших до прибытия эвакуированных заводов необходимых ресурсов и коммуникаций территориях, достигло довоенного уровня в среднем по всей территории СССР. Практически началось расширенное воспроизводство военной экономики в условиях жесточайшей войны. Валовая продукция за 1942 г. увеличилась более чем в 1,5 раза, а в 1943 г. против 1942 г. — на 17%. Объем капитальных вложений за 1942–1944 гг. составил почти 79 млрд руб. В восточных регионах страны было вновь построено и введено в действие 2250 крупных предприятий, в освобожденных районах восстановлено свыше 6000 предприятий. Особенно быстро процесс восстановления шел в 1943–1944 гг. В итоге к 1944 г. в стране был достигнут самый высокий уровень производства вооружений для фронта (там же. С. 93–94).

Это сказалось и на структуре государственного бюджета, улучшалось использование производственных мощностей и обеспечило ускоренное овладение новыми технологиями и производством. Военная техника непрерывно совершенствовалась, и планы по новой технике неукоснительно выполнялись и перевыполнялись. К примеру, уже в конце 1941 г. производство артиллерийских систем с учетом новых образцов увеличилось в 1,3 раза. Достаточно вспомнить производство новой реактивной техники («Катюши»), снарядов для нее, пистолетов-автоматов.

В результате уже в годы войны был создан оборонный потенциал, развитие и модернизация которого в процессе «холодной войны», объявленной У. Черчиллем в Фултоне

и планом Маршалла, обеспечили безопасность мирного развития СССР в послевоенном периоде. Четвертый и пятый пятилетние планы составлялись с учетом достижения за пять лет военного периода формирования экономического потенциала и проведения необходимой конверсии. Восстановление основных отраслей экономики наглядно демонстрируют данные, представленные в табл. 2.

Таблица 2. Продукция отраслей промышленности в годы войны

Отрасли	В % к 1940 г.				
	1941	1942	1943	1944	1945
Черная металлургия	105	62	70	88	89
Топливная промышленность	94	53	59	71	73
Производство электроэнергии	97	62	67	81	91
Химическая промышленность	115	79	104	133	92
Машиностроение и металлообработка (включая производство вооружения)	112	119	142	158	129
Легкая промышленность	88	48	54	64	62
Пищевая промышленность	80	42	41	47	51

Источник: (Шаги пятилеток, 1968. С. 135–141).

Баланс народного хозяйства и его новая структуризация стали основой планирования, хозяйствования и соблюдения необходимых макро- и мезопропорций. Балансы производства и распределения общественного продукта, основных фондов были дополнены балансом распределения рабочей силы, в том числе в региональном разрезе. Особое место заняли балансы денежных доходов и расходов производства и распределения национального дохода.

За годы войны в госбюджете снизилось финансирование сфер народного хозяйства гражданской направленности в целом с 7,7 до 2,2 млрд руб. Надо учитывать, что в эти годы на государственном снабжении находилось до 77 млн чел. Для этого была разработана система мобилизации и распределения всех важнейших видов ресурсов (материальных и продоволь-

ственных). Госбюджет стал центром такой мобилизации. Уже со второго полугодия 1941 г. военные расходы пополнились на сумму в более чем 21,6 млрд руб. В первый год войны военные расходы увеличились вдвое. Укрепление самого государственного бюджета началось уже в 1943 г. При этом доходы и расходы бюджета были обеспечены относительно небольшим превышением расходов — на 1,8 млрд руб. в 1942 г.; на 0,6 млрд руб. в 1943 г., а в 1945 г. доходы превысили расходы бюджета на 0,4 млрд руб. Это стало возможно за счет мобилизации резервов и запасов на всех уровнях народного хозяйства, а также мер по повышению налоговой и страховой составляющих, развитию сберегательной системы, допущению «коммерческой» торговли и установлению высоких цен на водку, табак, парфюмерию и предметы роскоши (Зверев, 1967. С. 25). Характерно, что параллельно получила развитие система самообеспечения населения в качестве дополнения к карточной системе распределения продуктов. С военного времени в стране укоренилась система коллективных и индивидуальных подсобных участков (их освоили около 19 млн чел.). Активизировалась роль местных доходов в едином федеральном бюджете.

Налоговая система была перестроена в соответствии с целями стабилизации и роста бюджетных ресурсов страны. Повысилась прогрессивность подоходного налога, был введен налог на холостяков, увеличен почти в 5 раз сельскохозяйственный налог, введен особый военный налог. Эти меры обеспечили существенное увеличение поступлений средств от населения за годы войны. Сумма поступлений за счет облигаций и других военных сборов с населения за годы войны составила 90 млрд руб., а более 84 млрд руб. военнослужащие сами сдали в фонд обороны (Астахов, 1995. С. 64).

Принятая система мер по формированию военного бюджета позволила при всех трудностях добиться с 1944 г. практической сбалансированности доходов и расходов при их ежегодном росте (табл. 3).

Характеризуя уникальный опыт мобилизационной экономики, стоит вспомнить слова Н. Вознесенского о том, что

Таблица 3. Доходы и расходы государственного бюджета СССР за период 1940–1945 гг. (млрд руб.)

Годы	Доходы	Расходы
1940	18,0	17,4
1941	17,7	19,1
1942	16,5	18,3
1943	20,4	21,0
1944	26,8	26,4
1945	30,2	29,8

Источник: (Чадаев, 1985. С. 137).

«...Периоду военной экономики СССР соответствует особая глава науки политической экономии» (Вознесенский, 1947. С. 10). Действительно, тогда, 75 лет назад, была сформирована теоретическая основа плановой кризисной экономики, способной функционировать в условиях геэкономических и геополитических сдвигов мирового масштаба. Безусловно, ее отдельные инструменты — целеполагание, планирование, ресурсное обеспечение, балансовые методы и т.п. — могут быть крайне полезными для решения современных стратегических задач развития экономики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов А.А. Роль финансов в обеспечении победы государства в Великой Отечественной войне. М.: Финансы, 1995.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ, 1947.
3. Вознесенский Николай Алексеевич. Стратег экономической Победы. Глава «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны». М.: Дом «Экономической газеты», 2009. С. 110–111.
4. Зверев А. Советские финансы в первый период Великой Отечественной войны // Финансы СССР. 1967. № 5. С. 25–35.
5. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985.
6. Шаги пятилеток. М.: Экономика, 1968.
7. Экономическая история СССР / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: ИНФРА-М, 2007.

А.Ю. Ермолов

к.и.н., старший научный сотрудник
Института экономики РАН

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БОЕПРИПАСОВ

В статье исследуется опыт мобилизационного планирования в советской экономике СССР в предвоенный период. Целью этого планирования была подготовка к перестройке работы промышленности в случае войны и перераспределения ресурсов в пользу военного производства. В СССР мобилизационное планирование стало также средством влияния на экономическую политику, подстегивания ускоренного развития отдельных отраслей производства. Анализируется мобилизационный план по производству боеприпасов и его влияние на инвестиционную политику государства. Рассматриваются причины, по которым этот план не был выполнен после его введения в действие. Делается вывод, что влияние мобилизационной подготовки оказалось меньшим, чем управленческих усилий руководителей советской промышленности. Сравняются те военно-экономические дилеммы, которые возникали в Германии и СССР в результате мобилизации экономики и развертывания военного производства, объясняется, как они повлияли на ход войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационное планирование, промышленность боеприпасов, мобилизационная экономика, военная экономика.

Победу СССР в Великой Отечественной войне принято связывать с мобилизационной экономикой, благодаря которой СССР произвел больше вооружений, чем Германия. Понятие «мобилизационная экономика» впервые использовал американский экономист Сеймур Харрис в книге «Мобилизационная экономика и инфляция» (Harris, 1951). Применено оно было по отношению к американской, а не советской экономике, т.е. с самого начала речь шла о явлении, присущем разным промышленно развитым странам, не только социалистическим. Мобилизационная понималась прежде всего как экономика, в которой в результате активного государственного вмешательства (экономическая моби-

лизация) произошло перераспределение производственных мощностей, дефицитного сырья, трудовых ресурсов и т.д. в пользу производств, необходимых для ведения войны (Седов, 2003; Сенявский, 2012). Такое перераспределение неизбежно требовало введения значительных элементов централизованного планирования. Позднее понятие «мобилизационная экономика» стало расширяться, его стали применять к различным моделям экономики, в которых активное вмешательство государства использовалось для того, чтобы сосредоточить имеющиеся ресурсы на решении какой-либо жизненно важной задачи. В связи с этим неизбежно возникают дискуссии о том, что может, а что не может считаться мобилизационной экономикой, когда и где такая экономическая модель имела место. Но если вернуться к первоначальному смыслу этого понятия, то оно неразрывно связано с индустриальной экономикой и индустриальными методами ведения войны. С этой точки зрения, сердцевиной мобилизационной модели экономики должен быть механизм, обеспечивающий перераспределение экономических ресурсов для ведения войны, управление этими ресурсами и подготовку к такого рода перераспределению в будущем. В последнем случае мы имеем дело с мобилизационным планированием, одной из важнейших составных частей мобилизационной экономической модели. И так же как и мобилизационная экономика, мобилизационное планирование присуще не только социалистическим странам. В связи с этим важное значение представляет собой история появления и развития в СССР этого элемента экономической модели и особенно то влияние, которое он оказал на подготовку страны ко Второй мировой войне и военно-экономическую борьбу с Германией в ее ходе.

Мобилизационное планирование было необходимым элементом подготовки экономики. В СССР оно отталкивалось от представленной военным ведомством мобилизационной заявки, на основании которой составлялся соответствующий план, в котором содержались мобилизационные задания для конкретных заводов и фабрик (объемы производства военной

продукции, которые они должны были выпустить в установленные периоды после введения в действие данного плана) (Артиллерийское..., 1977). Вместе с распределением мобилизационных заданий определялись необходимые для их выполнения дополнительные капиталовложения (в том числе в виде фондов на оборудование). Наличие плана позволяло осуществлять непосредственную подготовку к производству военной продукции, а именно: разрабатывать чертежи, техпроцесс, обучать персонал, изготавливать необходимые инструменты и приспособления, создавать мобилизационные запасы сырья и полуфабрикатов (там же). Все это было необходимо для того, чтобы в случае начала войны как можно быстрее увеличить производство оружия и боеприпасов. Мобилизационный план не представлял собой некий единственный большой документ, а фактически состоял из комплексов документов, формируемых на разных уровнях отраслевого и регионального управления. Выдающийся советский военный теоретик А.А. Свечин подчеркивал в своем труде «Стратегия» как важность экономической мобилизации, так и необходимость ее предварительной подготовки. Он считал, что экономия на такого рода расходах в мирное время может привести к десятикратно большим расходам в случае войны (Свечин, 1927. С. 59). Одновременно он предполагал, что СССР с точки зрения мобилизации экономики находится в более выгодном положении: «Наше преимущество при мобилизации экономики — такое же, какое имела армия Фридриха Великого, выступавшая на войну в постоянном мирном составе, над современными полумилиционными армиями. В значительной степени наша промышленность уже в мирное время работает по общему плану. Руководящие органы с объявлением войны останутся на своих местах, изменится лишь осуществляемая ими экономическая программа» (там же. С. 64).

В данной статье по ряду причин я рассматриваю мобилизационное планирование в одной сфере — производстве боеприпасов. Первая причина состоит в том, что только в этой отрасли на момент начала войны имелся подготовленный

и утвержденный мобилизационный план, а вторая связана с тем, что производство боеприпасов — важнейшая отрасль военной экономики. Боеприпасы не зря называют «хлебом войны», без них невозможна успешная боевая работа ни одного рода войск. Для ведения боевых действий их требуется очень много. Спецификой промышленности боеприпасов была относительная простота изготовления многих видов ее продукции, что позволяло в большей мере использовать перераспределение производственных мощностей из гражданского сектора, чем в отраслях, производящих более сложную военную продукцию. Во время Великой Отечественной войны практически все металлообрабатывающие заводы, включая специализировавшиеся на других видах военной продукции, были в той или иной степени вовлечены в производство боеприпасов.

Мобилизационное планирование в СССР имеет долгую историю. Оно опирается на противоречивый опыт Первой мировой войны. С одной стороны, русская промышленность была совершенно не готова к проведению промышленной мобилизации, что, в частности, привело к печально известному «снарядному кризису». С другой — энергичные усилия Главного Артиллерийского Управления (ГАУ) и отдельных представителей частного бизнеса, предпринятые в 1915–1916 гг., продемонстрировали возможность значительного наращивания производства боеприпасов даже в условиях недостатка технических средств. Анализ опыта России, также как Германии, Франции и Великобритании, говорил о необходимости заблаговременной подготовки мобилизации промышленности.

Как показали исследования Л. Самуэльсона (*Самуэльсон, 2001*), советское политическое и военное руководство в 1920-е гг. осознавало необходимость тесной связи между экономическим развитием и подготовкой к будущей войне. Для этих целей были созданы специальные структуры: сектор обороны Госплана и управление мобилизационного планирования в ВСНХ. В 1928 г. было принято решение начать разработку мобилизационного плана, который получил название

С-30. Согласно этому плану в его варианте 1930 г., в случае войны промышленность должна была выпускать 23,3 млн снарядов в год. По оценке Госплана, этот план был более-менее обеспечен производственными мощностями (на 17 млн снарядов), но очень плохо — сырьем и материалами, несмотря на то, что по ряду дефицитных позиций все ресурсы выделялись только для военного производства, что могло бы привести к катастрофическим последствиям для экономики, если бы такое распределение попытались осуществить на самом деле. Тем не менее авторы доклада «О подготовке промышленности к обороне» (от 24 октября 1930 г.) Г.М. Кржижановский и К.А. Мехоношин считали возможным не только выполнить план С-30 за счет невыявленных ресурсов, но и обеспечить в 1932 г. готовность к производству 50 млн снарядов по новому мобилизационному плану (Становление..., 2008. С. 494–503). Далее запросы продолжали расти. В 1933 г. был принят новый план МП-33, который предусматривал выпуск 60 млн снарядов в год (Simonov, 2000. P. 209). В 1938 г. был утвержден МП-1, последний полноценный мобилизационный план предвоенного периода. Но из-за принятия на вооружение новых образцов военной техники меньше чем за два года он устарел по целому ряду позиций. Что же касается боеприпасов, то попытка ввести его в действие во время войны в Финляндии привела к разочаровывающим результатам. К 1941 г. МП-1 окончательно устарел, и его уже не предполагали использовать в случае войны.

В 1920–1930-е гг. сложилась специфическая практика мобилизационного планирования в СССР. Данное планирование помимо своей основной функции — подготовки мобилизации промышленности — стало средством управления экономикой через определение целевых показателей, зачастую принимая при этом типичную для СССР 1930-х гг. форму «подстегивания». Условно обозначим эти две функции как «подготовительную» и «подстегивающую». От тех, кто работал над мобилизационными планами, зависела не только скорость перехода экономики на военный режим работы, но

и пути развития советской экономики в мирное время. Это означало не только абстрактную возможность воздействовать на историю страны, но и вполне конкретное административное влияние, которое способствовало укреплению их политического авторитета и росту значимости занимаемых ими постов. При этом если, скажем, народный комиссар обороны и без использования этого средства воздействия был, безусловно, влиятельной политической фигурой, то, к примеру, начальник военного отдела Госплана и курировавший его работу заместитель председателя Госплана становились таковыми именно благодаря использованию «подстегивающей» функции мобилизационного планирования. Для военных «подстегивающая» функция была важна и с другой точки зрения. Она могла ими использоваться как козырь при обсуждении военно-политических решений. Имея на руках задокументированный факт, что промышленность не может обеспечить их потребности в случае войны, военные могли использовать его как аргумент при взаимодействии с высшим руководством страны.

Проблема в том, что «подготовительная» и «подстегивающая» функции в определенной мере противоречили друг другу. Для скорейшей мобилизации промышленности необходимо было ориентироваться на уже имеющиеся производственные мощности, а «подстегивающая» функция, напротив, предполагала необходимость задавать повышенную планку, требовать заведомо невозможного в настоящий момент, поскольку именно такая планка и была в данном случае средством управления развитием экономики. Поскольку именно «подстегивающая» функция давала в руки использующих ее средства повышения своего административного веса, то «подготовительная» функция закономерно приобретала по сравнению с ней меньшее значение. Косвенным следствием преобладания «подстегивающей» функции были затруднения с выявлением существующих в промышленности «узких мест». Если бы мобилизационное планирование исходило из приоритета «подготовительной» функции, то можно было

бы легко выявить, в каких областях имеются избыточные на настоящий момент производственные мощности, а где, напротив, их недостаточно, и это ограничивает возможности использования мощностей в других областях. Но если во всех областях предъявляются завышенные требования, то получается, что все они являются «узким местом», везде требуется особое внимание (а «езде» на практике означает «нигде»). В этом случае приоритеты новых вложений будут определяться не необходимостью ликвидации «узких мест», а другими соображениями. Скажем, производственные мощности по производству корпусов снарядов можно использовать в мирное время и для других целей. А вот оборудование пороховой промышленности сугубо специфично и в другой области использовано быть не может. Поэтому закономерно получалось, что пороховое производство оставалось плохо оснащенным технически и значительно уступало по своим возможностям производству снарядных корпусов. В условиях «подстегивающего» мобилизационного планирования этот отрыв не так бросался в глаза, так как обе отрасли не соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Но после начала войны этот разрыв в возможностях проявил себя достаточно резко, ограничив возможности производства боеприпасов. Возможно, прав был М.Н. Тухачевский, предлагавший в 1927 г. функционально разделить составление мобилизационных планов и согласование с военным руководством планов экономического развития (*Самуэльсон*, 2001. С. 59).

Кроме того, приоритет «подстегивающей» функции влиял на отношение к специальным типам боеприпасов. Точно так же, как и в обычной жизни, те, кому не хватает хлеба, не думают о потреблении пирожных, так и в условиях, когда не хватает «хлеба войны», т. е. основных ходовых типов боеприпасов, важность специализированных боеприпасов не чувствуется. Если исходить из предположения, что армии не хватает десятков миллионов осколочно-фугасных снарядов, то дефицит в несколько сотен тысяч 76-мм бронебойных снаря-

дов (которые на порядок легче крупнокалиберных осколочно-фугасных, а вот возни с их производством ничуть не меньше) уже не выглядит принципиально важной проблемой, сначала надо решить более приоритетные проблемы. После же начала войны оказалось, что осколочно-фугасных снарядов на складе значительно больше, чем необходимо в настоящий момент. А вот 76-мм бронебойных снарядов действительно остро не хватало (вплоть до того, что порой танкистам приходилось идти в бой вообще без них) (Бальши, 2009). Похожая ситуация сложилась и с рядом других видов боеприпасов: малокалиберными трассирующе-зажигательными зенитными снарядами, дымовыми снарядами.

Фактически к началу войны никакого всеобщего плана экономической мобилизации в СССР не имелось. Разработки 1930-х гг. устарели, сделав значительную часть проведенных подготовительных мероприятий бессмысленными. Совершенно не нужны оказались, к примеру, запасы деталей для устаревших легких танков, которые уже не предполагалось производить. Развитие вооруженных сил шло настолько быстро, что старые планы уже не отражали их потребностей ни по номенклатуре производства, ни по его структуре. Руководство страны понимало, что в условиях надвигающейся войны необходим новый мобилизационный план, но, видимо, склонялось к тому, чтобы решать задачу по частям. На первом этапе оно ограничилось наиболее сложной и важной частью: производством боеприпасов.

Весной 1941 г. началась разработка мобилизационного плана по производству боеприпасов. Нарастающая военная угроза, казалось бы, должна была переориентировать советских руководителей от «подстегивающей» роли плана к «подготовительной», но фактически правила игры не изменились. Установленные показатели производства значительно превосходили те производственные мощности, которые считалось возможным выделить для производства боеприпасов. Так, производство снарядов среднего и крупного калибров должно было в первый год войны выйти на уро-

вень 82 млн штук¹. Это очень большая цифра, и ее появление вызывает сомнение в обоснованности расчетов военных. Как демонстрируют данные табл. 1, в 1944 г., когда объемы производства боеприпасов были наивысшими, а Советская армия успешно проводила масштабные наступательные операции, в IV квартале они планировались в более скромном масштабе. Для правильного понимания приводимой цифры следует уточнить, что по весу 122-мм снаряд можно приблизительно приравнять к четырем 76-мм снарядам, 152-мм – соответственно к 8, а 203-мм – к 16. Если пересчитать производство в таких условных единицах, то соотношение получится примерно 2,5 к 1 в пользу плана 1941 г. При этом, правда, в мобилизационном плане не было производства реактивных снарядов, а мины для минометов планировалось изготавливать в значительно меньших размерах. Но все же можно утверждать, что вес продукции по плану 1941 г. был примерно в 1,5 раза тяжелее. Что важнее, он был более трудным для исполнения, так как в нем была выше доля более сложной продукции (крупнокалиберные снаряды значительно сложнее минометных мин).

Разумеется, Советская армия в 1944 г. чувствовала бы себя более уверенно, имея она больше снарядов: в частности, сократились бы людские потери. Но предъявление завышенных требований было не оправдано в условиях, когда промышленность не могла их удовлетворить, оно порождало лишние трения и конфликты при составлении и согласовании плана, которые существенно затормозили его принятие. Возможно, такая линия поведения была для военного руководства способом подстраховать себя на случай не очень удачного начала войны. В этом случае оно могло сослаться на то, что, как было указано в записке Г.К. Жукова и С.К. Тимошенко о стратегическом развертывании вооруженных сил на случай войны с Германией (документ, известный в первую очередь тем, что в нем предлагалось нанести по Германии превентивный

1. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 319. Л. 118–19.

удар), запасов боеприпасов хватило бы только на один месяц войны, а затем армия будет вести войну, используя текущее производство промышленности (1941 год, 1998. С. 219–220). Поэтому в записке они настаивают, что необходимо обеспечить бесперебойные поставки боеприпасов от промышленности в точном соответствии с планами. Если бы предложения Жукова и Тимошенко были приняты, но нападение на Германию не привело бы к военному успеху, то они могли бы оправдываться, указывая на то, что промышленность не выполнила мобилизационный план, а он, как мы увидим, не мог быть исполнен не только летом 1941 г., но и даже если бы война началась в 1942 г.

Таблица 1. Производство снарядов и мин в первый год войны по мобилизационному плану 1941 г. и плану производства боеприпасов на IV квартал 1944 г. (в пересчете на год, млн шт.)

Калибр снаряда	Мобилизационный план 1941 г.	План на IV кв. 1944 г.	В пересчете на годовое производство
76 мм	34,24	9,8	39,2
122 мм	22,03	2,6	10,4
152 мм	15,29	1,1	4,4
203 мм	0,9	0,058	0,232
Реактивные снаряды	–	1,05	4,2
82 мм мины	25,17	13,5	54
120 мм мины	3,44	5,35	21,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 319. Л. 100–119. И ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 319. Л. 2–4.

В общей сложности, по расчетам Наркомата боеприпасов, имеющиеся мощности позволяли обеспечить программу мобилизационного плана примерно наполовину. При этом разрыв в разных подотраслях представлялся примерно одинаковым (от 1,7 до 2,8 раза). Тому, что разные подотрасли могут наращивать свои возможности в разном темпе, не было придано значение. Между тем, например, производство корпусов боеприпасов может очень успешно расширяться за счет конверсии производственных мощностей других отрас-

лей машиностроения, а производство взрывчатых веществ значительно более специализировано и обособлено от других отраслей. Впрочем, план в меньшей степени ориентировался на конверсию гражданских производств, а в большей — на рост производственных мощностей. Увеличение их до нужных размеров требовало дополнительных капиталовложений в производство боеприпасов в размере 2161 млн руб., что вместе с уже запланированными на 1941 г. капиталовложениями (1878 млн руб.) составило 4030 млн руб.² Для освоения этих сумм требовалось дополнительно 200 тыс. строительных рабочих. Нарком боеприпасов П.Н. Горемыкин считал, что завершить строительство всех требуемых объектов в 1941 г. физически невозможно.

По расчетам машиностроительного отдела Госплана, требовалось дополнительно 26 тыс. металлорежущих станков (это примерно половина их годового производства в СССР), из которых 17950 предназначались для Наркомата боеприпасов, а еще 8 тыс. — для других наркоматов³. 6 тыс. станков предполагалось выделить за счет поставок, предназначенных другим отраслям (пострадать должны были производство текстильного, бумагоделательного и полиграфического оборудования), 4 тыс. — за счет перераспределения неиспользуемого оборудования, 1 тыс. — импорта. Остальные 15 тыс. станков предполагалось обеспечить за счет сверхпланового производства. Это означало, что план производства станков должен был быть перевыполнен примерно на четверть. Возможно ли было достичь такого результата в 1941 г.? Заместитель председателя Госплана Н.А. Борисов считал, что 13–16 тыс. станков могут дополнительно выпустить предприятия Наркомата общего машиностроения, чьи производственные возможности использовались недостаточно, а еще 4 тыс. — Наркомата тяжелого машиностроения⁴.

2. РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 789. Л. 28–29.

3. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 319. Л. 70.

4. Там же. Л. 71.

Но из этого числа больше половины станков могло быть изготовлено только в 1942 г.

Аналогичная ситуация сложилась и с кузнечно-прессовым оборудованием. Его требовалось дополнительно 1709 шт., а в 1941 г. поставить можно было только в 1276 (в основном за счет сверхпланового производства)⁵. Тяжелее всего ситуация была с производством взрывчатых веществ. По ряду причин этой сфере в 1930-е гг. не уделялось большого внимания. В результате наблюдался критический дефицит сырья (преодоленный впоследствии только в результате поставок по ленд-лизу) и производственных мощностей, причем последние не могли быть заимствованы на предприятиях другого профиля. Подробно о проблемах в этой области, в частности, о том, почему без ленд-лиза нельзя было решить проблему толуола, изложено в исследовании А.Н. Балыша (*Балыш*, 2009).

В конечном итоге 6 июня 1941 г. мобилизационный план производства боеприпасов был принят совместными постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1509-620сс, № 1510-621сс, № 1511-622сс. Но времени до начала войны оказалось слишком мало, чтобы осуществить в соответствии с ним какую-либо подготовку, тем более что часть предприятий получила задания на незнакомую им ранее продукцию. Некоторые заводы получили свои мобилизационные задания только 19 июня. Впрочем, многие предприятия уже проводили подготовку к производству аналогичной продукции в соответствии с предыдущими мобилизационными планами.

Поскольку мобилизационный план не мог быть выполнен на имеющихся производственных мощностях, то одновременно с его принятием было утверждено еще два документа. Совместное постановление ЦК и СНК №1503-615сс предписывало провести силами Наркомата госконтроля три проверки подготовки предприятий к выполнению мобилизационного плана — в июле, сентябре и ноябре 1941 г. Руководителей предприятий, начальников главков и соответ-

5. Там же. Л. 197–198.

ствующих отделов наркоматов предупреждали об уголовной ответственности за провалы в этой сфере. Совместное постановление ЦК и СНК № 1511-622сс вводило в действие новый план развития промышленности боеприпасов. Ряд предусмотренных им мероприятий должен был завершиться в 1942 г. или даже 1943 г. Например, Наркомату боеприпасов следовало «проработать мероприятия», которые должны были обеспечить рост производственных мощностей до 620 тыс. т олеума к январю 1943 г. и до 284 т крепкой азотной кислоты к июлю 1943 г.⁶ Олеум и азотная кислота были необходимыми материалами для производства тротила. Использование формулировки «проработать мероприятия» вместо утверждения конкретного плана говорит о том, что строительство необходимых объектов не только еще не начали, но даже и не приступили к проектированию. В то же время принятое решение отражало раздвоенность целей советского руководства, так как предполагало, что утверждаемый мобилизационный план может быть введен в действие с 1 июля 1941 г., несмотря на то, что он не был сбалансирован на эту дату.

Исполнителями этих решений предстояло стать руководителям ключевых промышленных наркоматов СССР. Некоторые из них завизировали соответствующие приказы сами, другие предоставили это сделать своим заместителям, как это было в Наркомате тяжелого машиностроения, где приказ подписал не сам нарком Н.С. Казаков, а его заместитель С. Степанов⁷. В них выдвигались требования, связанные с распределением производственных заданий между заводами, разработкой технологических процессов, проектированием и изготовлением необходимых приспособлений, заложением необходимого инструмента в мобилизационный запас⁸. На каждом предприятии следовало составить перечень станков и другого оборудования, которые будут исполь-

6. РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 804. Л. 57-67.

7. РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 7. Д. 237. Л. 115-119.

8. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 81. Л. 113-119.

зованы для производства боеприпасов в случае мобилизации, отремонтировать его и определить место установки (т. е. подготовить план расстановки оборудования в цехах), определить потребности в рабочей силе, запланировать ее перераспределение в рамках завода и в случае необходимости представить заявку на недостающее количество. Кроме того, предприятия должны были составить заявки на получение дополнительных фондов на станки, прессы, литейное оборудование и т.д. Все эти меры являлись необходимыми, но если предприятие в соответствии с мобилизационным планом получало новую задачу, уже запоздавшими. Для их осуществления был необходим хотя бы еще один месяц.

Вторым этапом стала подготовка мобилизационного плана производства гражданской продукции. Видимо, это было связано с тем, что при работе над проектом мобилизационного плана по боеприпасам советское руководство столкнулось с определенной проблемой — невозможностью перераспределения существующих производственных мощностей без снижения производства гражданской продукции. При этом зачастую она была продукцией двойного назначения (автомобили, тракторы) или же могла использоваться для расширения военного производства. Следовательно, сохранив ее прежнюю специализацию, можно было получить больше оружия и боеприпасов в будущем. Подобная идея была заложена в постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) от 6 июня: произвести больше станков, чтобы через год иметь возможность произвести больше снарядов, а не свернуть производство станков, чтобы производить больше снарядов сейчас. Все это требовало очень взвешенной и стратегически точной оценки того, когда именно потребуются наибольшие усилия от военной промышленности и какая именно продукция будет приоритетной. Но советское руководство перед войной попыталось пойти по другому пути: оно решило определить, до каких пределов можно сократить гражданское производство в случае войны. Процесс составления нового плана к началу войны был близок к завершению, были подготовлены проекты по отрас-

лям с показателями по ключевым промышленным предприятиям. План предполагал сокращение промышленной продукции, но в достаточно умеренных масштабах по сравнению с тем сокращением, которое реально пришлось осуществить в годы войны. И он тем самым противоречил решениям по сверхплановому производству станков и другого оборудования для промышленности боеприпасов. Эти проекты могли бы стать основой для плана на III квартал 1941 г., который срочно готовился в Госплане, но Н.А. Вознесенский не решился идти на жесткие меры и санкционировать сокращение гражданской продукции даже в достаточно умеренных пропорциях, а по многим показателям, наоборот, запланировал рост производства.

Несмотря на слабую предварительную подготовку, мобилизационный план по боеприпасам был введен в действие 23 июня 1941 г. совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВПК(б) № 1734-743сс (1941 год, 1998. С. 441–442). Этот процесс был незамедлительным, все предприятия, имевшие мобилизационные задания, получили разрешение разблокировать мобилизационные запасы приспособлений и инструмента, а также устанавливать сверхурочные часы работы до 3 часов в смену и продолжать работу в воскресенье. О результатах работы заводы должны были сообщать каждые 10 дней, начиная с 10 июля 1941 г.

Введение в действие мобилизационного плана подтолкнуло наркома станкостроения А.И. Ефремова к поиску новых решений. 24 июня он издал приказ № 37сс, в котором распорядился начать разработку новых типов станков упрощенной конструкции, предназначенных исключительно для производства боеприпасов: токарного станка на базе станка тип 26; револьверного станка – станков Р5СУ и тип 137; отрезных и подрезных станков⁹. Эту задачу должны были совместно выполнять ЭНИМС (Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков)

9. РГАЭ. Ф. 8251. Оп. 4. Д. 18. Л. 205–206.

и заводы «Красный пролетарий», им. Орджоникидзе в Москве, «Комсомолец» и им. Ворошилова в Минске. В тот же день Ефремов в приказе №24 распорядился начать разработку на заводе им. Орджоникидзе токарного станка «простейшей конструкции» на базе станка №117¹⁰. Этот станок должен был быть настолько простым, чтобы его могли производить на любом машиностроительном заводе без применения точных и продольно-строгальных станков. Это были правильные решения, но 24 июня 1941 г. они уже сильно запоздали. Будь эти станки разработаны и подготовлены к производству до 22 июня 1941 г., это было бы превосходной мерой по подготовке мобилизации промышленности, но эта возможность была упущена. Винить в этом наркома Ефремова нельзя, так как сам его наркомат был образован только 5 июня 1941 г. Но почему вопрос о разработке такого оборудования не был поднят ни в Наркомате боеприпасов, ни в Госплане? Получается, руководители этих ведомств не хотели искать инженерного, технократического решения проблемы, а предпочитали действовать административными методами.

Между тем, последние давали все больше и больше сбоев. Мобилизационный план по боеприпасам начал разваливаться сразу же после своего введения в действие, не выдержав сочетания собственных внутренних изъянов и несбалансированности, с одной стороны, и давления внешних обстоятельств — с другой. Уже 10 июля нарком боеприпасов П.Н. Горемыкин написал в письме, направленном В.М. Молотову и Н.А. Вознесенскому, что необходимо внести серьезные изменения в план на III квартал. Это было связано с тем, что, во-первых, невозможно продолжать инвестиционную программу, так как часть заводов, на которых планировалось расширение производства, попала в зону, где запрещено капитальное строительство; во-вторых, необходимо готовить эвакуацию заводов из Ленинграда; в-третьих, правительство постоянно принимает новые решения по производству новых видов бое-

10. РГАЭ. Ф. 8251. Оп.1. Д. 1. Л. 109.

припасов, в том числе реактивных снарядов и снарядов малокалиберной зенитной артиллерии¹¹. Единственным выходом из этой ситуации, по мнению Горемыкина, было сокращение производственных планов по некоторым позициям, прежде всего по 152-мм снарядам. Дальше ситуация только усугублялась, развиваясь в тех же трех направлениях, о которых писал Горемыкин. С одной стороны, стало совершенно очевидным, что масштабная программа капиталовложений в промышленность боеприпасов уже не может быть выполнена из-за ухудшающегося положения экономики, к тому же многие ее пункты уже утратили смысл из-за нарастающих диспропорций. Амбициозные планы наращивания парка металлорежущих станков были забыты, но строительство, начатое в целях повышения производства взрывчатых веществ, постарались довести до конца.

С другой стороны, высшее руководство страны – отчасти под влиянием выявившихся узких мест в системе вооружения Красной армии, отчасти желая воспользоваться новыми военными технологиями – продолжало выдавать дополнительные задания на новую продукцию, непредусмотренную планом. Особенно много организационных усилий потребовало производство реактивных снарядов. Его создавали на производственных мощностях средних и мелких предприятий, которые не предполагалось ранее привлекать к выполнению мобилизационного плана по боеприпасам и которые не представляли большого интереса для других, более высокотехнологичных отраслей промышленности. Чтобы упростить задачу для производителей, производство строилось на принципах кооперации: каждый из них изготовлял только несколько типов относительно простых деталей, из которых потом завод-сборщик собирал реактивный снаряд. Это позволяло наиболее эффективно использовать производственные мощности. Еще одной потребностью армии, учтенной, но недооцененной в мобилизационном плане, были минометные

11 РГАЭ. Ф. 8516. Оп. 1. Д. 828. Л. 80–81.

мины. Число минометов в армии увеличивалось, ими пытались частично заменить понесшую большие потери полевую артиллерию. Минометные мины были проще снарядов, и их производство было возможно на примитивном оборудовании, которое имелось в различных ремонтных мастерских, лагерях ГУЛАГа и т.д. Таким образом, новые запросы на боеприпасы одновременно позволяли привлечь к военному производству более широкий круг предприятий.

Таблица 2. Производство снарядов среднего калибра в I квартале войны по мобилизационному плану 1941 г. и реальное производство в III квартале 1941 г. (тыс. шт.)

Калибр снаряда	Мобилизационный план 1941 г. (I кв. войны)	Производство в III кв. 1941 г.
76 мм	4928	3571,2
122 мм	2320	1418,6
152 мм	2230	954,5
Всего среднего калибра	11052	7457,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. 7561. Оп. 1. Д. 828. Л. 81.

Третим этапом стала эвакуация, которая по мере продвижения немецких войск охватывала все большую часть экономики и принимала все более хаотичный характер. Потери оборудования и рабочей силы были значительными. Но одновременно, парадоксальным образом, эвакуация позволила решить проблему мобилизации промышленности самым радикальным образом. В ходе ее произошло не только грандиозное перемещение, но и перераспределение производственных мощностей между отраслями. Обычно эвакуируемые предприятия перемещались на уже действующие заводы в восточных районах страны, и часто на одной производственной площадке размещалось оборудование сразу нескольких эвакуируемых заводов. При этом производственные мощности перемешивались, и производственные комплексы не восстанавливались в том виде, в котором они существовали до эвакуации. Возникали новые производственные комплексы военной промышленности, зачастую

более крупные, чем существовавшие ранее в западных районах, и они с самого начала были ориентированы именно на военное производство как основное. Оборудование и люди, ранее работавшие на гражданскую промышленность, вливались и растворялись в них. Таким радикальным способом решался вопрос о том, в какой мере можно перераспределить производственные мощности гражданской промышленности в военных интересах. Можно было бы сказать, что сам ход событий разрубил тот гордиев узел, который завязался в результате предшествующих поворотов военно-экономической политики. Но сама по себе грандиозная встряска экономики, произошедшая из-за эвакуации, не гарантировала, что по ее итогам промышленность придет в нужное для ведения войны состояние, более того, логичнее было бы ожидать противоположного результата. То, что великое потрясение не добило советскую экономику, а, напротив, создало экономический фундамент будущей победы – это результат упорства и терпения рядовых рабочих и служащих и организаторских способностей, а также дальновидности руководителей промышленности, в первую очередь директоров заводов, которые организовывали производство непосредственно на месте, и народных комиссаров, способных действовать даже тогда, когда система управления находилась на грани развала.

В результате к 1944 г. в СССР сложилась обновленная промышленность боеприпасов, более мощная, чем довоенная, и значительно шире интегрировавшая в себя бывшие гражданские производства, чем предполагал мобилизационный план 1941 г. (см. табл. 3). Она включала в себя, помимо системы Наркомата боеприпасов, предприятия 56 ведомств союзного и республиканского уровней: наркоматов, комитетов, самостоятельных главных управлений. Из них наиболее значимыми были следующие наркоматы: минометного вооружения; среднего машиностроения; танковой промышленности; черной металлургии; внутренних дел; путей сообщения. Продукция промышленности боеприпасов составляла

19,9% валовой промышленной продукции СССР, в данной отрасли было занято 9% промышленных рабочих¹².

Таблица 3. Промышленность боеприпасов СССР в 1944 г.

Показатели	НКБ	Другие ведомства	Всего
Количество предприятий	128	855	983
Валовый выпуск (млрд руб.)	14,4	11,6	26
Количество оборудования	52530	51720	104250

Составлено по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 313. Л. 165–169.

Оценивая проблемы военно-экономической мобилизации, стоявшие перед советским руководством, и принятые им решения, следует помнить о том, что они в значительной степени пересекались с теми решениями, которые принимало руководство Германии. Оно тоже сталкивалось с дилеммой: когда, как и за счет чего наращивать военное производство и в какой момент надо добиться приложения наивысших усилий. Эти решения влияли на стратегическую обстановку, создавая тот контекст, который в свою очередь определял правильность военно-экономических решений советской стороны. И здесь советское руководство оказалось в выигрышном положении. Хотя по своему экономическому потенциалу Германия превосходила СССР, решения ее руководства не позволили воспользоваться им в полной мере тогда, когда это еще могло оказать влияние на ход войны.

Данные табл. 4 демонстрируют, что доля базовых товаров (электроэнергия, топливо, сырье и т.д.) и товаров народного потребления в промышленном производстве была относительно стабильной, а прирост доли производства вооружений произошел в основном за счет конструкционных материалов и других инвестиционных товаров. На начальном этапе рост вооружений произошел за счет сокращения строительства на треть, но в целом производство строительных и других инвестиционных товаров оставалось достаточно высоким,

12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 313. Л. 169–165.

Таблица 4. Продукция германской промышленности по группам (%)

Группа	Годы					
	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Вооружение	9	16	16	22	31	40
Базовые товары	21	22	25	25	24	21
Строительные товары	23	15	13	9	6	6
Другие инвестиционные товары	18	18	18	19	16	11
Потребительские товары	29	29	28	25	23	22

Источник: (Abelsbauser, 1998, P. 153).

что свидетельствует о том, что экономика в большей мере была ориентирована на инвестиции и экономический рост, чем на военное производство. В 1942 г. ситуация начинает меняться. Строительные проекты сворачиваются, но инвестиции в машины и оборудование продолжают осуществляться даже в несколько больших масштабах. И только в 1943–1944 гг. производство вооружений становится главной точкой приложения усилий немецкой промышленности. Именно в 1944 г. производство боеприпасов, оружия и военной техники в Германии достигло своего пика. Но война к этому времени была уже фактически проиграна. Правда, такая военно-экономическая политика заложила основы для будущего немецкого экономического чуда. Благодаря масштабным инвестициям в основной капитал его рост в период 1939–1942 гг. был достаточен для того, чтобы компенсировать будущие военные разрушения, репарации и упадок инвестиций в последние военные и первые послевоенные годы. За счет этого в 1948 г. основной капитал немецкой промышленности в английской и американской оккупационных зонах составлял 111,1% от основного капитала в 1936 г. (Abelsbauser, 1998, P. 168).

Таким образом, в 1941–1942 гг., когда победа над СССР была еще возможна, германская промышленность еще не была в полной мере отмобилизована, значительная часть ее производственных мощностей все еще производила инвести-

ционные товары. Более того, в области производства боеприпасов ее положение было особенно тяжелым. Виной этому — ошибочные оценки стратегической перспективы и неверный выбор приоритетов. Германская промышленность боеприпасов наращивала производство в 1939—1940 гг. и достигла пика в июле 1940 г. Однако затем, по результатам французской кампании, произошла переоценка потребностей сухопутных войск в боеприпасах, и их производство начало снижаться. Принятие решения о подготовке нападения на СССР не изменило этой ситуации, поскольку германское руководство считало, что война будет скоротечной. План «Барбаросса» исходил из предположения, что советские войска будут разгромлены в приграничном сражении, после чего вермахту надо будет лишь оккупировать территорию. Предполагалось, что накопленных запасов боеприпасов будет для этого достаточно. Несмотря на то, что уже к концу июля было понятно, что расчеты закончить кампанию одним решительным ударом не оправдались, пересмотра решения о сокращении производства боеприпасов не произошло. Более того, их и без того небольшой выпуск продолжал сокращаться. Дело в том, что металлургическая промышленность Германии давала в этот период меньший объем продукции, чем было запланировано. Сократить потребление было решено именно за счет производства боеприпасов. Хуже всего положение было в конце 1941 г. Норма отпуска стали для всех видов военного производства в интересах сухопутных войск была снижена до 173 тыс. т в месяц (Туз, 2019. С. 215). Общие показатели промышленности боеприпасов были несколько лучше за счет снарядов для зенитной артиллерии, но войскам на советско-германском фронте были нужны были не зенитные, а гаубичные снаряды. Снарядный кризис был не единственной причиной провала немецкого наступления на Москву, но все равно его влияние сложно переоценить. Впрочем, советская артиллерия в конце 1941 г. тоже была на голодном пайке, что не позволило завершить битву за Москву полным разгромом группы армий «Центр».

В 1942 г. приоритетность производства боеприпасов была пересмотрена, и немецкая промышленность смогла быстро нарастить их выпуск. Летом 1942 г. превосходство в огневой мощи явно было на стороне вермахта, который располагал значительно большим количеством снарядов среднего и тяжелого калибра. Но этого превосходства все же оказалось недостаточно, чтобы добиться целей летнего наступления. В дальнейшем Красная армия сократила разрыв по боеприпасам. В 1943 г. советские войска расходовали их на советско-германском фронте почти в тех же масштабах, что и вермахт. Большую роль в этом сыграли американские поставки тротила и толуола.

Адам Туз совершенно справедливо указывал на то, что немецкое руководство посадило свою промышленность боеприпасов на голодный паек, чтобы сохранить материалы, необходимые для расширения авиационной промышленности, строительства заводов искусственного топлива и реализации других важных для военной экономики проектов (там же. С. 183). Безусловно, все эти мероприятия внесли свой вклад в результаты военного производства 1943–1944 гг. Но было ли оправданным ради этих будущих результатов отказаться от возможности положить на весы войны дополнительную гирю в несколько миллионов снарядов тогда, когда исход борьбы еще не был предрешен?

Можно ли считать успешную работу советской экономики в годы Великой Отечественной войны следствием ее мобилизационного характера? Очевидно, нет, поскольку мобилизационная экономика была характерна для всех крупных участников Второй мировой войны, в том числе главного противника СССР — Германии. Можно говорить о борьбе двух мобилизационных экономик. И при их создании были допущены просчеты, имевшие весомые экономические и военно-стратегические последствия. Советская экономика плохо использовала возможность подготовиться к экономической мобилизации. Германская военная экономика была ослаблена в результате ошибочного определения приорите-

тов, из-за которого пик ее усилий пришелся на 1944 г., когда военно-стратегическое положение этой страны уже стало безнадежным.

Парадоксально, но одним из уязвимых мест советской экономики была слабая мобилизационная подготовка. На 22 июня 1941 г. не было разработанного плана мобилизации народного хозяйства, имелся лишь мобилизационный план производства боеприпасов, ключевые показатели которого были ориентированы на состояние, к которому экономика должна была прийти через полтора года мирного развития. Возможно, нам не стоит судить слишком строго советских руководителей, так как стоящая перед ними задача была сложной. Во-первых, речь шла о непростых стратегических дилеммах, прежде всего о том, когда именно военная экономика должна развить максимум усилий и чем ради этого можно пожертвовать. Во-вторых, мало было эту дилемму решить кому-то одному из высшего круга руководства, необходимо было добиться согласованной позиции всех остальных, от которых зависела выработка и реализация стратегии. Весьма вероятно, что И.В. Сталин, санкционировав разработку и утверждение мобилизационного плана по боеприпасам, на самом деле предполагал, что тем самым он создаст условия для разработки более реалистичного плана, который позволит лучше подготовить экономику к переходу на военные рельсы в случае, если летом 1941 г. начнется война (не случайно же, в конце концов, появилась дата 1 июля). Но на практике это начинание вылилось в еще один раунд бюрократических игр по перетягиванию капиталовложений и подготовке «бумажного щита» на тот случай, если что-то пойдет не так. И это зависело не только от Сталина, но и от председателя Госплана Н.А. Вознесенского, военного руководства, двух десятков ключевых промышленных наркомов, каждый из которых имел свое представление о том, что нужно и не нужно делать, директоров крупных заводов и даже от относительно мелких чиновников Госплана, дававших свои справки, заключения и предложения. Эта система плохо сработала весной 1941 г., но хорошо потом, когда СССР стоял на грани поражения — соз-

дание новой военно-экономической базы в восточных районах страны позволило не перейти ее. Отчасти это было следствием того преимущества советской экономики, о котором писал Свечин (наличия уже действующих в мирное время органов управления экономикой), отчасти — организаторских способностей лучшей части советских промышленных руководителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва; Тула: Изд-во ГАУ, 1977.
2. *Балаш А.Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века: промышленность боеприпасов. М.: МАИ-Принт, 2009.
3. *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001.
4. *Свечин А.А.* Стратегия. М.: Военный вестник, 1927.
5. *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2003.
6. *Сенявский А.С.* От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2012. С. 67–76.
7. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1932) / Под ред. А.А. Кольтюкова. Т. 3. Ч. 1. М.: ТЕРРА, 2008.
8. *Туз А.* Цена разрушения: создание и гибель нацистской экономики. М.: Изд-во института Гайдара, 2019.
9. 1941 год / Под ред. В.П. Наумова. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
10. *Abelsbauser W.* Germany: guns, butter, and economic miracles / The economics of World War II: six great powers in international comparison / Ed. by M. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 122–176.
11. *Harris S.E.* The Economics of Mobilization and Inflation. New York: Norton, 1951.
12. *Simonov N.S.* Mobpodgotovka: mobilization planning in interwar industry / The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber and M. Harrison. New York: St. Martin's Press, inc., 2000. Pp. 205–222.

А.И. Колганов

д.э.н., профессор, зав. лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Института экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА ПОБЕДЫ

В статье рассматриваются особенности экономической системы СССР, которая позволила одержать военно-экономическую победу в Великой Отечественной войне. В столкновении нацистской Германии и СССР превосходство в военно-экономической сфере оказалось на стороне последнего, хотя его экономический потенциал был гораздо слабее. Несмотря на потерю в ходе войны значительной части этого потенциала, СССР превзошел Германию по производству военной техники и вооружений. Из совокупности факторов, позволивших экономике СССР добиться такого результата, главными являются те, которые были связаны со спецификой его социально-экономической системы.

Ключевые слова: СССР, Германия, экономический потенциал, Великая Отечественная война, военная техника, вооружения, производительность труда.

Экономический потенциал СССР и нацистской Германии

Каким образом СССР, который к лету 1941 г. обладал значительно меньшим экономическим потенциалом, чем нацистская Германия, сумел не только выдержать удар самой мощной военной машины в Европе, но и превзойти Германию по производству военной техники и вооружений?

На этот вопрос нет простых ответов, несмотря на то, что стремление к ним было заметно как в советский, так и в постсоветский период. В СССР официальная точка зрения все сводила к преимуществам социалистического строя и к героизму советских людей на фронте и в тылу. Со времен перестройки простой ответ ищут в другом направлении — ссылаясь на превосходство экономического потенциала антигитлеровской коалиции и на роль поставок в СССР по ленд-лизу.

Каждый из этих ответов приоткрывает лишь часть истины. Советский ответ остается неполным не только из-за тенденции к преуменьшению роли поставок союзников, но и потому, что официальная пропаганда не давала внятного объяснения, за счет каких именно преимуществ советского строя удалось из меньшего количества ресурсов произвести больше оружия. Ссылка же на экономическую помощь наших союзников никак не объясняет того факта, что СССР выстоял в самый тяжелый начальный период войны, несмотря на то что в 1941–1942 гг. их поставки были наименьшими.

С чисто количественной точки зрения экономический потенциал Германии действительно по большинству позиций значительно превосходил таковой СССР. Производство основных видов промышленной продукции в Германии (вместе с Австрией) значительно превышало его объемы в СССР, за единственным исключением – уровень добычи нефти в нашей стране был существенно выше. Германия, кроме того, поставила себе на службу ресурсы своих союзников (Италии, Венгрии, Румынии – особенно ценной для Германии за счет наличия нефтяных месторождений, Финляндии). Пожалуй, еще более важными для нее было использование ресурсов оккупированных стран, особенно обладавших развитой военной промышленностью, – Франции, Бельгии, Чехословакии, Голландии, Польши. Заводы этих стран давали нацистской Германии очень много – от грузовиков до самоходных артиллерийских орудий, от стрелкового вооружения до комплектующих для военных самолетов. Норвегия давала никель, необходимый для производства танковой брони.

Еще более значительным экономическое превосходство Германии будет выглядеть, если мы рассчитаем показатели производства на душу населения: по стали – в 2,7 раза, по электроэнергии – более чем в 4 раза, по грузовым автомобилям – в 5,7 раза (см. табл. 1).

Таблица 1. Экономический потенциал (годовое производство) СССР и Германии с союзниками и оккупированными территориями

Показатели	Германия с Австрией (1941)	Германия с союзниками и оккупированными территориями (1941)	СССР (1940)
Население (млн чел.)	76	283	190
Производство электроэнергии (млрд кВт·час)	52	110	48
Добыча нефти (млн т)	0,5	10	31,1
Добыча угля (млн т)	185	348	165,9
Выплавка стали (млн т)	20	43,6	18,3
Производство зерновых (млн т)	136	540	95,6
Производство автомобилей (тыс.)	333	676	145

Источник: (История Второй мировой войны..., 1974. С. 285, 376–378).

Превосходство мобилизационных возможностей СССР — на чем оно основано?

Чтобы понять истоки экономической победы СССР, остановимся на ходе боевых действий в начальный период войны. Разгромив в июне—июле 1941 г. войска советских приграничных округов, вермахт столкнулся на линии Днестра с войсками второго стратегического эшелона. Это была неприятная неожиданность, не предусмотренная в плане «Барбаросса». Вермахт сумел нанести поражение и этой группировке, но путь к Москве, Ленинграду и на Кавказ ему преградили новые соединения. А в вермахте запасы горючего и боеприпасов были истощены, потери танковых соединений было нечем восполнить. В результате «Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 года, что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования. “В военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна”» (Рейнгардт, 1980. С. 219).

Разумеется, начиная войну, гитлеровские генералы знали, что по численности населения СССР превосходит Германию и в этом смысле обладает более высоким мобилизационным

потенциалом. Но людей мало призвать в строй, их надо вооружить, экипировать, снабдить боеприпасами. В приграничных сражениях РККА потеряла массу оружия и военной техники и значительную часть мобилизационных запасов. Откуда же взялось вооружение для все новых и новых масс войск?

Неожиданности продолжились и в 1942 г. Нанеся нашим войскам тяжелые поражения на юге, вермахт продвинулся к Волге и на Кавказ. И опять на его пути взамен разгромленных вставали все новые и новые соединения, подтягивавшиеся из глубины страны.

Германия требовала от своего союзника, Японии, вступить в войну с СССР, в качестве аргумента перечисляя количество соединений, переброшенных на европейский театр военных действий из Сибири и с Дальнего Востока. Японцы, не отрицая этих сведений, утверждали, что все советские дивизии, которые занимают позиции вдоль границы, остаются на месте. Самое интересное в том, что и те, и другие были правы. Во внутренних округах СССР одна за другой формировались все новые и новые дивизии и направлялись на фронт.

Где СССР брал для них вооружение и боевую технику? Ведь Германия не только превосходила СССР по экономическому потенциалу, она еще и оккупировала территории, где до войны производилось около половины промышленной продукции СССР, а по некоторым критически важным позициям (алюминий и взрывчатые вещества) — значительно больше.

Главное сражение 1941 г. — эвакуация промышленности

Для того чтобы понять это, надо снова обратиться к ходу военных действий. Не слишком часто обращают внимание на то, что Советский Союз, вплоть до зимы 1941 г. проигрывавший Германии все крупные сражения, все-таки выиграл одно, оказавшее решающее влияние на провал гитлеровской

авантюры. Это было сражение за спасение советской промышленности.

Для руководства эвакуацией был создан Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником, а его первыми заместителями были назначены А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин. Совет осуществлял централизованную координацию вывоза населения, материальных ценностей и промышленных предприятий из тех местностей, которые оказались под угрозой оккупации. Успех операции по сохранению производственных мощностей военной промышленности сделал возможным восстановление резко сократившегося в конце 1941 – начале 1942 г. военно-промышленного потенциала СССР и обеспечение армии необходимыми вооружениями и военной техникой. Спасение производственных мощностей, рабочих и инженерно-технических кадров военной промышленности обеспечило последующее наращивание ее выпуска, создание и освоение новых ее образцов.

В мировой истории больше нет примеров такого широкомасштабного перебазирования промышленности в ходе войны. На восток перемещалось множество предприятий военного назначения, либо связанных с обеспечением военной промышленности. Вывозились главным образом крупные заводы и фабрики: из общего числа эвакуированных предприятий в количестве 1523 крупных предприятий было 1360 (*Вознесенский, 1948. С. 41*). Чтобы сохранить и восстановить работоспособность этих предприятий вместе с ними на восток эвакуировались и квалифицированные кадры, которым предоставлялась бронь от призыва на фронт. В общей сложности организованная эвакуация охватила около 10 млн чел.

Советское руководство прекрасно понимало, что жизнеспособность страны зависит не только от возможности вооружить армию всем необходимым, но и от спасения научного и культурного достояния советского народа. Поэтому наряду с военными предприятиями из-за угрозы оккупации перемещались во внутренние районы страны вузы, научно-иссле-

довательские институты, музеи, библиотеки, которые возобновляли свою деятельность в новых пунктах размещения. На восток были отправлены также и значительные запасы продовольствия, сырья, материалов, комплектующих, готовых изделий. Удалось также перевезти или перегнать около 2,4 млн голов крупного рогатого скота.

Для эвакуации по железным дорогам только в 1941 г. потребовалось 1,5 млн вагонов. Подвижной состав тоже уходил на восток, что в условиях вынужденного резкого сокращения производства паровозов и вагонов было крайне важно. По водным путям было вывезено 870 тыс. т грузов (История Второй мировой войны..., 1975. С. 140).

Тяжелейшая и сложнейшая работа по размещению эвакуируемых людей и предприятий в новых местах дислокации была проделана в кратчайшие сроки. Потребности фронта требовали скорейшего восстановления производства, и работа по вводу в строй эвакуированных предприятий шла с величайшим напряжением сил. Размещение эвакуированных предприятий на востоке привело к созданию там новых больших промышленных районов. Они появились в Поволжье, где было размещено 266 предприятий, в Западной Сибири – 244, в Казахстане и Средней Азии – 308, в Восточной Сибири – 78. На Урале возник самый большой промышленный район, вобравший в себя 667 эвакуированных предприятий.

Этому способствовала предвоенная политика более рационального размещения производительных сил, в том числе и из геостратегических соображений. В результате в ходе третьей пятилетки (1938–1942 гг.) на Урале, в Сибири и других восточных районах было начато строительство множества промышленных предприятий. Их площадки, фундаменты, коммуникации и возведенные корпуса послужили базой для развертывания значительной части эвакуированных заводов.

Хотя из прифронтовой полосы во внутренние районы страны различными путями было вывезено 25 млн чел., из них только 10 млн составляли эвакуированные в организованном порядке. Значительная часть остальных представляла

собой стихийных беженцев. Их положение на новых местах было чрезвычайно сложным. Хуже всего было тем, кто утратил документы, поскольку без них было почти невозможно оформиться на работу, а по карточкам иждивенцев и без того скудное снабжение продовольствием осуществлялось по самым низким нормам.

Преимущества централизованной плановой системы

Потеря значительной части производственных мощностей, оставшихся на оккупированных территориях, массовое нарушение кооперационных связей и логистических цепочек, вызванное перебазируанием промышленности на восток, создали для советской промышленности крайне тяжелую обстановку. Многие заводы утратили часть оборудования и кадров, перестали получать материалы и комплектующие изделия, им не хватало энергетических мощностей. Все это вызвало значительное снижение военного производства.

Эта ситуация грозила полным распадом военной промышленности, однако с помощью советской плановой системы удалось в течение нескольких месяцев преодолеть наиболее болезненные трудности. Была создана новая сеть кооперационных связей между предприятиями, решались вопросы мобилизации рабочей силы для нужд оборонных заводов, вводились новые энергетические мощности, осваивались новые технологии и виды продукции, чтобы заменить выпавшие звенья в системе разделения труда.

Централизованная плановая система СССР оказалась в состоянии обеспечить такой уровень мобилизации хозяйственных ресурсов и такую эффективность координации работы предприятий, которые позволили не только восстановить предвоенный уровень военного производства, но и значительно превзойти его. В кратчайшие сроки изменились структура выпуска продукции и направления потоков материальных ресурсов. Этот результат был достигнут, несмотря

на потерю значительной части производственных мощностей и снижение выпуска стали, цветных металлов, производства электроэнергии, добычи угля и нефти. Вряд ли другая экономическая система смогла бы справиться с тем уроном, который был нанесен народному хозяйству СССР, и при этом еще увеличить военное производство.

Разумеется, в условиях сузившейся ресурсной базы обеспечить рост военной промышленности можно было только за счет сокращения производства в гражданских отраслях. Производство предметов потребления резко понизилось, снабжение населения даже предметами первой необходимости стало крайне скудным. Не обеспечивались даже нормы карточного снабжения. Но иначе невозможно было остановить и разгромить противника, ставившего своей целью уничтожение Советского государства и народа.

В то же время в нацистской Германии даже программа «тотальной мобилизации» экономики для нужд войны, развернутая в 1943 г., не смогла в такой же мере сконцентрировать хозяйственные ресурсы для потребностей военного производства. Нацистское руководство оказалось не в состоянии посягнуть на интересы крупного капитала и, кроме того, опасалось чрезмерно урезать снабжение населения, не надеясь на его лояльность, и памятуя о революционных событиях ноября 1918 г.

Советский Союз потерял значительную часть посевных площадей, немалую долю поголовья крупного рогатого скота. Из сельского хозяйства в ходе мобилизации была изъята большая часть мужской рабочей силы, существенное количество автомобилей и тракторов. Производство зерновых упало почти вдвое по сравнению с довоенным периодом. И тем не менее массовый голод удалось предотвратить. Было организовано жесткое рacionamento продовольственного снабжения населения, что позволило обеспечить по карточкам крайне скудную, но достаточную для выживания и некоторой поддержки работоспособности норму питания. Население систематически недоедало, в его рационе ощущался крайний

недостаток витаминов, белков и жиров, росла заболеваемость из-за низкого уровня и плохой структуры питания. Нередки были и случаи голодной смерти. Однако чего-либо подобного массовому голоду 1932–1933 гг. удалось избежать.

Для обеспечения скорейшей перестройки производства на военный лад, мобилизации мощностей предприятий гражданского назначения для нужд военного производства применялись достаточно жесткие меры. Ряд руководителей, отстававших с налаживанием выпуска военной продукции, были сняты с постов и понижены в должности. В то же время сам по себе факт невыполнения плановых заданий вовсе не обязательно влек за собой какие-то санкции, так как существовали объективные сложности, связанные с разворачиванием выпуска вооружений и военной техники в условиях разрушения сложившихся хозяйственных связей.

Более того, жесткость системы планового руководства фактически была смягчена ради того, чтобы позволить руководителям и организаторам производства проявить всю возможную инициативу ради решения вопросов снабжения фронта всем необходимым. В таких условиях обычно закрывали глаза на отход от установленных регламентов и инструкций, если это позволяло решить главную задачу — наладить и увеличить производство вооружений и боевой техники.

Таким образом, именно опираясь на преимущества плановой системы, позволявшей осуществлять значительное перераспределение ресурсов и глубокую структурную перестройку в масштабах всего народного хозяйства, СССР удалось выиграть военно-экономическое соревнование с Германией. Хотя нацисты опирались не только на свои ресурсы, но и всех союзников и оккупированных стран Европы, Советский Союз превзошел Германию по уровню выпуска военной техники и вооружений. Именно опираясь на преимущества плановой экономики, нашему государству удалось резко поднять удельный вес материальных ресурсов, направлявшихся на производство военной продукции, причем до такого уровня, который был существенно выше, чем в любой другой воюющей

стране. «...В расчете на каждую тысячу тонн выплавленной стали советская индустрия производила в пять раз больше танков и артиллерийских орудий, на тысячу выпущенных металлорежущих станков – в восемь раз больше самолетов, чем германская промышленность». (История Второй мировой войны..., 1982. С. 170).

Потеря значительной части производственного потенциала на территориях, оккупированных в 1941 и 1942 гг., неизбежно вела к сокращению общих объемов производства. Объем произведенного национального дохода падал вплоть до 1943 г. Сокращалось и производство основных видов промышленной продукции – нефти, угля, чугуна, стали, проката, цветных металлов. К окончанию войны уровень производства все еще отставал от довоенного. Иначе обстояло дело с выпуском продукции военного назначения. Лишь в самый тяжелый период войны, когда осуществлялась эвакуация предприятий и налаживание хозяйства на новом месте, произошло сокращение производства в военной промышленности. Но уже к середине 1942 г. уровень производства был восстановлен и далее продолжал только наращиваться. Необходимый результат был достигнут. «По размерам среднегодового выпуска орудий полевой артиллерии Советский Союз превосходил среднегодовое производство Германии более чем в 2 раза, минометов – в 5 раз, противотанковых орудий – в 2,6 раза, но несколько уступал ей по выпуску зенитных орудий» (там же. С. 168).

Когда после Сталинградского поражения нацисты спохватились и стали проводить политику тотальной мобилизации промышленности, им удалось существенно нарастить военное производство. Например, производство танков в мае 1944 года достигло в Германии своего высшего значения – месячный выпуск составил 1450 танков. Однако этого было недостаточно. В Советском Союзе за период 1942–1944 гг. средний ежемесячный выпуск танков превосходил 2 тыс. Военно-экономическое соревнование было Германией проиграно.

Производительность труда в военном производстве

Во времена перестройки и особенно после нее появилось немало желающих спекулировать как на замалчивании исторической наукой советского периода ряда тяжелых проблем с организацией военного производства, так и на былой закрытости советской статистики. Были подвергнуты сомнению официальные данные о выпуске военной техники, и без всяких фактических оснований выдвинут тезис, что они основаны на масштабных приписках. О таких сомнениях упоминает в своем учебном пособии Л.А. Кацва: «Вызывают сомнения и приведенные председателем Госплана Н.А. Вознесенским сведения о резком снижении трудовых затрат в военном производстве.

Двукратное увеличение производительности труда в течение двух лет в условиях значительного ухудшения состава работников не может быть объяснено ни массовым энтузиазмом, ни поставками современной высокопроизводительной техники по ленд-лизу. Поэтому ряд современных авторов приходит к выводу о значительном распространении приписок в военном производстве — тем более, что планы, составленные на основании завышенных заявок военных, нередко оказывались нереальными, а искажение отчетности облегчалось неизбежной неразберихой военного времени» (Кацва, 1999).

Кто они, этот «ряд современных авторов»? Можно обратить внимание на статьи скандально известных своими надуманными подсчетами военных потерь Б.В. Соколова (Соколов, 1998) и Г.Г. Попова (Попов, 2010). «Методология» их утверждений хорошо видна из статьи последнего: указывается на сокращение производства стали во время войны и, без всякого изучения вопроса о нормах расхода броневой стали на производство танков, делается вывод о том, что официальные данные завышены в несколько раз. Это утверждение подкрепляется приведением отрывочных сведений о состоянии танкового парка вооруженных сил в отдельные кварталы 1942 г. и об уровне потерь в ходе некоторых операций.

Но если сослаться на приводимые, в том числе и самим Г.Г. Поповым, данные о производстве броневых листов в СССР (Попов, 2010. С. 47), о поставках союзников (составлявших несколько процентов советского производства броневых листов для легких танков) (Report..., 1945. P. 24) и учесть фактический его расход на производство танков (Ермолов, 2009. С. 302–304), то окажется, что этого количества вполне хватало. Так что выдумка о «бумажных танках» не выдерживает проверки фактами.

Разумеется, можно сослаться также на действительно произошедшее во время войны сокращение числа рабочих в промышленности и на замещение ушедших на фронт женщинами и подростками, имевшими заведомо более слабую профессиональную подготовку. Из одного этого факта некоторые сомневающиеся выводят утверждение, что обеспечить отраженный в статистике рост производительности труда было невозможно. Однако оно представляет собой не что иное, как домысел, поскольку выдерживаются отдельные факты и не принимается во внимание вся совокупность данных, характеризующих ситуацию в военной промышленности.

Отчетные данные по выпуску военной техники не так-то просто зависеть за счет приписок. Натуральный учет производства в СССР, при всех возможных подтасовках в отчетности, был в достаточной степени достоверным. Если валовые объемы производства или, скажем, объемы производства строительных работ поддаются манипуляции с помощью ценовых факторов или подтасовки различных нормативов, то в советских данных по производству продукции в натуральном выражении не сомневались и разоблачители советской официальной статистики — как среди западных, так и среди российских экспертов. Наличие дополнительного жесткого контроля со стороны военной приемки еще более затрудняло любые махинации. Бывало, что контрольные органы вскрывали приписки в производстве боеприпасов, но для военной техники такие случаи неизвестны. Самое большее, что могло

произойти – через приемку удавалось протащить бракованные или некомплектные изделия, но такие отказывались принимать представители вооруженных сил, и их все равно возвращали на переделку.

Но как же быть с производительностью труда при производстве военной техники и вооружений? Нельзя ведь отрицать, что действовали факторы, не способствующие ее росту. Однако более пристальное изучение вопроса показывает, что в советской экономической системе существовали определенные возможности, позволявшие добиться значительного подъема производительности даже и в крайне неблагоприятных условиях.

Факторы роста производительности

Какие же факторы работали на рост производительности?

Во-первых, продолжительность рабочего времени увеличилась в 1,4 раза. 26 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были введены обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день и отменены отпуска (Решения..., 1968. С. 37–38). Нередко коллективы рабочих и партийные организации принимали решения о продолжении работы за пределы 11-часового рабочего дня.

Во-вторых, было достигнуто значительное увеличение интенсивности труда, превосходившее, с точки зрения стороннего наблюдателя, все мыслимые пределы (люди работали буквально на износ). Слова «Все для фронта, все для Победы!» были не просто ярким лозунгом. Это был поистине принцип жизни большинства тружеников тыла. Немалую роль в мотивации увеличения выработки сыграло социалистическое соревнование под лозунгом: «Работай за себя и за ушедшего на фронт!». Так, в 1944 г. число рабочих, выполнявших две суточные нормы, в станкостроении достигло 25%, электропромышленности – 23,3%, авиационной промышленности –

23%, на предприятиях по производству минометного вооружения — 21,5%, в тяжелом машиностроении — 17%, промышленности боеприпасов — 11%. (Ямпольский, 1944. С. 73).

В-третьих, военная промышленность в первоочередном порядке снабжалась современным оборудованием, инструментом, материалами и комплектующими, поступавшими по ленд-лизу.

Стоит специально остановиться на оценке роли западных поставок в функционировании военной экономики СССР. Относительно меньшей была роль поставок готовой военной техники (пожалуй, за исключением радиолокационного оборудования), а вот поступление некоторых других видов продукции играло подчас критическую роль. Значительный вклад в функционирование советской военной промышленности внесли поставки высокоточных станков и инструмента, алюминия и комплектующих изделий для авиационной промышленности, а также паровозов, что позволяло поддерживать грузоперевозки, компенсируя вынужденное сокращение производства локомотивов внутри страны. Но среди таких важнейших по значению поставок надо особенно выделить поступление взрывчатых веществ. В условиях, когда большая часть мощностей по производству тринитротолуола была потеряна на оккупированных территориях и, кроме того, возник дефицит сырья для его производства из-за сокращения добычи нефти, эти поставки буквально спасали положение. Более половины взрывчатых веществ, использованных в советской военной промышленности для производства боеприпасов, было поставлено союзниками. Трудно даже себе представить, каким было бы положение на фронте, если пришлось бы опираться только на внутреннее производство.

К сожалению, в самый тяжелый период войны доля поставок союзниками взрывчатых веществ была заметно меньше (примерно треть от общего выпуска), чем в последующие годы.

Поставки различных видов техники занимали неодинаковый удельный вес в удовлетворении потребностей нашей

армии, играя существенную роль там, где недостаточным было внутреннее производство. Об этом дают представление данные табл. 2.

Таблица 2. Доля ленд-лиза в общем объеме снабжения армии и народного хозяйства

Наименование	Удельный вес, в %
Радиолокационная аппаратура	свыше 80
Грузовые и легковые автомобили	66,1
Паровозы	42,1
Боевые корабли	32,4
Металлорежущие станки	23,1
Тракторы	20,6
Зенитная артиллерия	18,4
Бронетанковая техника	16
Самолеты	15,3

Составлено по: (Бутенина, 2002).

При этом союзники действовали отнюдь не из альтруистических побуждений или соображений гуманизма. Такие категории в геополитических отношениях играют роль скорее прикрытия борьбы за национальные интересы. Поэтому и поставки в СССР, и прямое участие союзников в боевых действиях диктовались желанием возможно большего сокращения потерь своих собственных вооруженных сил. Снабжая СССР, союзники предоставляли нам честь вынести на своих плечах основную тяжесть боевых действий.

Разумеется, произошедшая после войны оттяжка с оплатой по долгам за поставки никого не красит. Но союзники прекрасно осознавали, за что они давали нам в долг. Согласно словам президента США Гарри Трумэна, «деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно спасли множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, сокращал военные опасности для нашей собственной молодежи» (Truman, 1955. P. 34).

В-четвертых, еще одним фактором обеспечения производительности труда был значительно меньший, чем в целом по народному хозяйству, отток квалифицированных кадров из оборонной промышленности. Кроме того, кадры военной промышленности отчасти пополнялись за счет других отраслей народного хозяйства.

В-пятых, с началом войны произошла передача значительных мощностей предприятий гражданского назначения для выпуска военной продукции. Это улучшало снабжение военных предприятий сырьем, материалами и комплектующими, косвенно способствуя росту производительности труда в военном производстве.

Главные факторы роста производительности — инициатива и творчество советских людей

Последнее по счету, но отнюдь не последнее по значению — массовое проявление инициативы руководящих, инженерно-технических работников и рядовых рабочих по совершенствованию организации и технологии производства. Пожалуй, именно этот фактор был наиболее весомым в увеличении производительности труда.

Приведу здесь небольшую сводку фактов по этому вопросу.

На одном из заводов, производящих стрелковое вооружение, была проведена работа по совершенствованию технологии изготовления винтовки Мосина, вроде бы уже давно отработанной в этом отношении. В результате внедрение ряда рационализаторских предложений позволило сократить затраты времени на ее производство на 35%. При сокращении численности работающих и без установки какого-либо дополнительного оборудования выпуск военной продукции на этом заводе к концу 1941 г. удалось нарастить на 273% по сравнению с началом года. За этот же период себестоимость производства pistols-пулеметов удалось снизить в 3,5 раза. «На Ковровском заводе за счет внедрения в производство меро-

приятий по снижению трудоемкости изготовления изделий, а также применения прогрессивных технологических процессов трудозатраты на изготовление заводом стрелкового оружия были снижены на 15–20%» (Оружие победы, 1985).

Осенью 1942 г. на одном из авиационных заводов рационализатор Иван Илларионович Монаков впервые использовал быстрорежущую сложную фрезу и приспособление, позволяющее вместо одной детали обрабатывать сразу двадцать восемь. «Норму он выполнил на 14 900 процентов. Чудо-фреза позволила ему одному выполнять работу пятнадцати фрезеровщиков, пятидесяти пяти слесарей, шестидесяти трех строгальщиков и пятнадцати разметчиков. Так до конца войны Монаков и работал практически за полтора года человека» (Шахурин, 1990).

Значительный эффект дало применение кокильного литья (отливка в металлическую форму), что существенно увеличивало не только скорость литья, но и точность отливки, и тем самым сокращало необходимость последующей механической обработки деталей. В результате внедривший этот метод авиазавод уменьшил время отливки головки цилиндров, картера редуктора и других деталей в 3,3 раза. При этом почти вдвое сократился расход металла и более чем вдвое – общее время, необходимое на изготовление этих деталей, освободалось металлообрабатывающее оборудование.

«Подобного рода усилия по совершенствованию технологии производства позволили снизить за годы войны трудоемкость при изготовлении штурмовика вдвое, а время его производства в цехе главной сборки сократить в пять раз. В два с лишним раза меньше стало затрачиваться труда на изготовление самолетов конструкции Лавочкина и Яковлева. С установкой поточных линий на заводах, производивших бомбардировщик Ту-2, трудоемкость изготовления этого самолета уменьшилась почти в три раза» (там же).

Изменение организации производства – внедрение поточной системы – дало возможность в 1943 г. увеличить производительность труда на авиастроительных заво-

дах на 20–25%. Поточная организация производства, внедренная на ряде предприятий Наркомата боеприпасов, дала возможность не только поднять производительность труда от 40 до 100%, но и высвободить от 15 до 50% вспомогательных рабочих. При этом «выпуск продукции с единицы оборудования и производственной площади увеличился в среднем на 50–70%, длительность производственного цикла сократилась на 30–50%, себестоимость продукции снизилась на 25–50%» (История социалистической..., 1978. С. 658).

Трудоемкость производства штурмовика Ил-2 снизилась с 1941 по 1944 гг. в 1,8 раза, а себестоимость – в 1,5 раза. Трудоемкость производства танка Т-34 за тот же период снизилась в 2,2 раза, а себестоимость – в 2 раза (Губанов, 2005. С. 3–24).

В танковой промышленности стал применяться ряд высокопроизводительных технологий: конвейерная сборка, литье в многоразовые формы, поточные линии с использованием специализированных станков. Академиком Академии наук УССР Е.О. Патеном был разработан метод автоматической сварки бронекорпусов под флюсом, который существенно повысил производительность сварочных работ и прочность сварных швов.

С 1942 г. до 1945 г. трудоемкость изготовления танка Т-34 снизилась на заводе № 183 более чем в 2 раза – с 6900 до 3209 чел.-ч. Почти в 4 раза за этот период снизилась трудоемкость на заводе № 112 – с 12 400 до 3380 чел.-ч. (Ермолов, 2015). Сводные данные по снижению трудоемкости производства некоторых видов танковой техники приведены в табл. 3.

Значительный вклад в дело повышения производительности труда в военной промышленности внесла работа по унификации и стандартизации производства. Если у артиллерийского орудия Ф-22 имелось 2080 деталей, то у ЗИС-3 – всего 719. Весила она на 400 кг меньше и обходилась в 3 раза дешевле.

При разработке тяжелого танка ИС-2 была проведена унификация с танками КВ и Т-34 по многим агрегатам, дета-

Таблица 3. Снижение трудоемкости основных видов продукции НКТП в 1943–1945 гг.

Продукция /Завод	Трудоемкость в чел.-ч.				Снижение трудоемкости к 1.07.1945, в %
	01.01.43	01.01.44	01.01.45	01.07.45	
Танк Т-34					
№183	5100	3617	3251	3209	37
№112	7500	5497	4439	3388	55
№174	7205	4574	3209	3094	57
Танк ИС-2					
Кировский завод (Челябинск)	Не производил	8187	5102	5323	35
Двигатель В-2					
Кировский завод (Челябинск)	1420	1129	973	1036	27
№76	1620	1090	896	831	49
№77	Не производил	2024	1050	1030	49

Источник: (Ермолов, 2010).

лям и узлам. Это не только привело к существенному сокращению времени разработки танка, но и обеспечило возможность взаимозаменяемости частей в процессе производства, эксплуатации и ремонта. «В двигательной установке ИС-2 имел более 70 унифицированных с КВ деталей, 20 унифицированных с Т-34 и менее 30 новых. По коробке передач число унифицированных деталей составляло более 250, а новых 90, по башне соответственно 260 и 15. Все это позволило в 2,3 раза сократить трудозатраты на изготовление ИС-2, обеспечить его высокую ремонтпригодность» (Ситнов, 2000. С. 31–35).

Если подводить итоги работы по повышению производительности труда, то за период, когда в основном была завершена эвакуация промышленности (май 1942 г. – май 1945 г.), она в целом по промышленности выросла на 43%, а в оборонных отраслях – на 121%. Не менее впечатляющий эффект был достигнут и по снижению себестоимости. «В 1944 году себестоимость всех видов военной продукции была в среднем

в 2 раза ниже, чем в 1940 году. Экономический эффект от ее снижения за 1941–1944 гг. составил почти половину всех расходов государственного бюджета СССР на военные нужды в 1942 году» (Масловский, 2015).

Немаловажное значение имел и тот факт, что СССР производил военную технику и вооружения, конструкция которых была технологически проще, чем германской. Парадоксально, но именно ставка на высокий технологический уровень таких совершенных образцов вооружений, как танк Pz.V (Пантера), трудоемкость изготовления которого была вдвое выше, чем у Pz.IV (Киличенков, 2013), или пулемет MG-34 (Семенов, 2013), послужила препятствием для достаточного уровня их производства. Напротив, советские танки Т-34 и ИС-2 имели меньшую трудоемкость изготовления, что позволяло выпускать их в массовых масштабах. Также производились крайне простые в технологическом отношении образцы стрелкового вооружения, подобные пистолету-пулемету Судаева.

Помимо этого, в ходе войны в СССР проводилась постоянная работа по упрощению технологии производства и замене дефицитных материалов (высоколегированных сталей, цветных металлов) более простыми и дешевыми аналогами. Снижались допуски при изготовлении менее ответственных деталей боевой техники, некоторые детали вообще исключались из конструкции, устранялись операции по финишной отделке многих из них. Это могло приводить к некоторому снижению боевых качеств военной техники, но позволяло увеличивать производительность и поддерживать объемы ее производства на высоком уровне.

Решающая роль ростков социализма в экономической победе СССР

Таким образом, успехи военной экономики СССР в обеспечении превосходства Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне определяются целой сово-

купностью факторов. Однако решающими из них, на мой взгляд, были те, которые обусловлены характером социально-экономического строя СССР.

В политической экономии социализма выделялись в качестве базовых производственных отношений нового строя такие, как планомерная организация всего общественного производства и его ориентация на всестороннее развитие личности человека, что, в свою очередь, трактовалось как важнейший фактор развития производства. Эта взаимосвязь возводилась в ранг основного экономического закона социализма.

Впоследствии эти теоретические положения были отброшены многими бывшими представителями советской политэкономии как схоластика, не имеющая ничего общего с действительностью. Однако внимательное изучение процессов, происходивших в экономике СССР во время войны, показывает, что именно эта «схоластика» оказалась наиболее весомым фактором, позволившим Советскому Союзу выиграть военно-экономическое противоборство с нацистской коалицией. Конечно, вряд ли можно утверждать, что экономика СССР военного времени была нацелена прежде всего на развитие личности человека. Но факт остается фактом: она давала возможность для раскрытия творческого потенциала советских тружеников и опиралась на этот потенциал.

Без этих черт советского строя не были бы достигнуты ни высочайшая степень управляемости экономики, которую удалось в полной мере сориентировать на нужды военного производства, ни его скорейшая структурная перестройка, ни успешная эвакуация промышленности на восток, ни резкое повышение интенсивности труда, опирающееся на энтузиазм простых тружеников, ни столь же массовые проявления творческой инициативы в деле совершенствования технологии и организации производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутенина Н.* Ленд-лиз: сколько же мы должны? // Мир истории. 2002. №1. www.historia.ru/2002/01/butenina.htm (дата обращения 04.04.20).
2. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.
3. *Губанов С.С.* Системные факторы Победы // Экономист. 2005. № 5. С. 3–24.
4. *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009.
5. *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в период войны: механизм успеха // Стенограмма заседания клуба «Конференция “Реальная война”». 2010. 20.04. www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=60&id=473 (дата обращения 04.04.20)
6. *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность – основа победы. Объемы производства бронетанковой техники в СССР превосходили аналогичные показатели Германии // Независимая газета. 2015.30.04. www.ng.ru/economics/2015-04-30/4_victory.html.
7. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Председатель ред. комиссии А.А. Гречко. Т. 3 / Гл. ред. П.М. Деревянко. М.: Воениздат, 1974.
8. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Председатель ред. комиссии А.А. Гречко. Т. 4 / Гл. ред. Н.Г. Андроников. М.: Воениздат, 1975.
9. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Председатель ред. комиссии А.А. Гречко. Т. 12 / Гл. ред. С.А. Тюшкевич. М.: Воениздат, 1982.
10. История социалистической экономики СССР. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1978.
11. *Кацва Л.А.* Великая Отечественная война: Из нового учебного пособия // История. 1999. № 43. С. 1–7. his.1september.ru/1999/his45.htm (дата обращения 04.04.20).
12. *Килличенков А.А.* Т-34 против «Пантеры» // Военное обозрение. 2013. 16 февр. topwar.ru/41-t-34-protiv-pantery.html (дата обращения 04.04.20)
13. *Масловский Л.* Производство вооружения для армии в СССР и Европе // Завтра (блоги). 2015.16.05. zavtra.ru/blogs/proizvodstvo-vooruzheniya-dlya-armii-v-sssr-i-evrope (дата обращения 04.04.20).

14. Оружие победы / Под ред. В.Н. Новикова. М.: Машиностроение, 1985. www.shooting-ua.com/arm-books/arm_book_173.htm (дата обращения 04.04.20).
15. Попов Г.Г. «Бумажные» танки Сталина (загадка советской военной экономики периода Великой Отечественной войны) // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. №3. С. 105–126.
16. Попов Г.Г. Военно-экономическое значение ленд-лиза для СССР // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. Т. 7, №1. С. 34–53.
17. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат, 1968.
19. Семенов А. Пила Гитлера и ее наследники (от MG42 до MG3) // Военное обозрение. 2013. 18 окт. topwar.ru/34624-pila-gitlera-i-ee-nasledniki-ot-mg42-do-mg3.html (дата обращения 04.04.20).
20. Ситнов А. Значение стандартизации и унификации ВВТ в ходе войны и в послевоенный период // Стандарты и качество. 2000. №5. С. 31–35.
21. Соколов Б.В. Роль ленд-линза в советских военных усилиях, 1941–1945 / Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998.
22. Шахурин А.И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1990. militera.lib.ru/memo/russian/shahurin/08.html (дата обращения 04.04.20).
23. Ямпольский М. Производительность труда в советской промышленности // Плановое хозяйство. 1944. № 1. С. 72–81.
24. Report on War Aid Furnished by the United States to the USSR. Foreign Economic Section Office of Foreign Liquidation Commissioner. Department of State. Prepared by the Protocol and Area Information Staff of U.S.S.R. Branch and the Division of Research and Reports. November 28, 1945.
25. Truman Harry S. Memoirs. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1955.

И.В. Караваева

д.э.н., зав. сектором экономической безопасности, зав. кафедрой
экономической теории Института экономики РАН

О РОЛИ ФИНАНСОВ НАСЕЛЕНИЯ В СОЗДАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ¹

В статье исследуется явление возрастания значимости финансовых взносов населения в условиях мобилизационной экономики военного и послевоенного периодов (1941–1950 гг.). Описываются методы привлечения денежных средств населения для финансирования нужд военной экономики, включая фискальные выплаты и денежные государственные займы. Охарактеризованы финансовые механизмы регулирования экономической и социальной ситуации в регионах, используемые органами местного управления в условиях военного времени. Показано, каким образом они на основе расширенного привлечения денежных средств граждан во время войны и в годы послевоенного восстановления экономики смогли обеспечить формирование финансовых ресурсов, позволивших в самые тяжелые периоды успешно решать проблемы нормализации социально-экономической ситуации на местах и поступлений в бюджет.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационная экономика, местное управление, местные финансы, бюджет, государственные займы, фискальные выплаты населения.

Возрастание роли финансовых взносов населения в государственной бюджетной политике военного периода

Великая Отечественная война Советского Союза с гитлеровской Германией стала самым жесточайшим испытанием для экономики нашей страны. Ни одному из вступивших во Вторую мировую войну государств не приходилось реорганизовывать практически полностью свою экономику в столь тяжелых условиях. На территории СССР, оккупированной

1. В данной статье используются опубликованные результаты архивных исследований, нашедшие отражение в работах (Караваева, 2010. С. 29–39; Экономический фундамент Победы..., 2015).

к ноябрю 1941 г., находилось до 40% всего населения страны; на нее приходилось 63% всей добычи угля, 68% выплавки чугуна, 58% выплавки стали, 60% производства алюминия, 38% производства зерна, 84% производства сахара, 38% численности крупного рогатого скота и 60% поголовья свиней (Вознесенский, 2009. С. 110–111).

Неудивительно, что крупные зарубежные политики высказывали мнение о безнадежном экономическом положении СССР и неизбежном поражении. Но этого не произошло. Советский Союз сумел в исключительно короткие сроки перестроить свою экономику сообразно с требованиями современной войны, создать принципиально новую систему мобилизационной экономики, способной взять верх над военно-хозяйственным комплексом противника. И значительная, можно сказать, огромная роль в решении этой сверхзадачи принадлежит местным управленческим структурам и населению малых городов, рабочих поселков, райцентров — тем людям, которые проводили своих отцов и сыновей на войну и остались, чтобы каждый день в тяжелых условиях создавать экономический фундамент будущей Победы.

В первые годы Великой Отечественной войны финансирование потребностей невоенных отраслей экономики и социальной сферы существенно снизилось. При этом на государственном обеспечении официально находилось до 77 млн чел.: государственных служащих, учащихся, нетрудоспособных граждан, членов семей военнослужащих, работников невоенных предприятий, транспорта и пр. В течение первых военных лет государственный бюджет объективно формировался с превышением расходов, но дисбаланс последовательно снижался с 1,8 млрд руб. в 1942 г. до 0,6 млрд руб. в 1943 г., а в 1944–1945 гг. доходы бюджета уже превышали расходы соответственно на 0,2 и 0,4 млрд руб. (Зверев, 1967. С. 25). Такая ситуация стала возможной, прежде всего, за счет серьезного реформирования налоговой политики на государственном и местном уровнях. Также была суще-

ственно активизирована роль местных фискальных доходов в едином федеральном бюджете.

На первом этапе войны (1941–1942 гг.) наблюдалось существенное сокращение доходов государственного бюджета. Нижней точки этот процесс достиг к концу 1942 г., когда потери бюджета составляли свыше 10% по сравнению с базовым 1940 г. (см. табл. 1).

Таблица 1. Доходы государственного бюджета СССР и темпы его роста в военный период (млрд руб.)

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
Темп роста (%)	100,0	98,2	91,6	113,4	149,1	167,6
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Темп роста (%)	100,0	88,0	62,7	67,0	89,6	116,2
Отчисления от прибыли	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4*	16,9
Темп роста (%)	100,0	108,3	70,5	92,6	98,6	77,8
Доход от оплаты работ МТС	2,0	1,5	0,7	0,6	0,7	0,7
Темп роста (%)	100,0	75,0	35,0	30,0	75,0	75,0
Подходный налог с кооперации и хозорганов общественных организаций	1,8	1,4	0,6	1,2	1,5	1,3
Темп роста (%)	100,0	77,8	33,3	66,6	83,3	72,2
Подходный налог с колхозов	0,8	1,2	1,0	1,2	1,5	1,5
Темп роста (%)	100,0	150,0	125,0	150,0	187,5	187,5
Налог с нетоварных операций	0,64	0,54	0,34	0,42	0,46	0,53
Темп роста (%)	100,0	84,4	53,1	65,6	71,9	82,8
Местные налоги и сборы	1,9	1,3	2,0	3,4	5,8	6,3
Темп роста (%)	100,0	68,4	105,3	178,9	305,3	331,6

*Вместе с изъятием оборотных средств.

Источник: (Сучков, 1955. С. 139).

К началу 1943 г. темпы роста двух основных бюджетообразующих налогов существенно снизились. Так, в 1942 г. темпы роста налога с оборота составили 62,7% по сравнению с 1940 г., а отчисления от прибыли – 70,5%. Государственный бюджет уже не мог полностью обеспечить оборонный ком-

плекс страны необходимыми денежными ресурсами, вследствие сокращения в нем удельного веса именно этих двух налогов. Сложившаяся ситуация привела к необходимости переложения основной нагрузки при формировании новых источников бюджетных доходов в военные годы на гражданское население страны, избежавшее оккупации, и местные структуры управления.

Если же иметь в виду, что были оккупированы вся Прибалтика, Украина, Белоруссия, не считая автономий Северного Кавказа, окажется, что к 1945 г. по сравнению с 1940 г. налоговая нагрузка только по статье «Налоги с населения» возросла более чем в 4,2 раза. Поступления в бюджет от налогов и сборов с населения в 1943 г. были наивысшими и составили 14% – этот ресурс оказался более гибким и мобильным нежели все другие (табл. 2).

Таблица 2. Удельный вес налогов и сборов с населения в общем объеме доходов бюджета за период 1940–1945 гг.

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР (млрд руб.)	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
Налоги и сборы с населения (млрд руб.)	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Темп роста (%)	100,0	114,9	229,8	304,3	393,6	423,4
Удельный вес налогов и сборов с населения в доходах бюджета (%)	5,2	16,4	13,1	14,0	13,8	13,2

Источник: (Сучков, 1955. С. 137).

С первых дней войны в налоговую систему были внесены следующие поправки, направленные на увеличение доходной части государственного бюджета за счет фискальных выплат населения на местах:

- введен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан;
- повысились ставки сельскохозяйственного налога;
- культсбор (сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства) с рабочих и служащих был объединен с подоходным налогом;

- подоходный налог с сельского населения был увеличен в 5,3 раза;
- с 1942 г. установлен специальный военный налог. Его платили все мужчины и женщины с 18 лет, находящиеся в тылу (за исключением военнослужащих и членов их семей, получавших государственное пособие);
- крайне дифференцированная система специальных местных налогов была заметно укрупнена и упрощена.

В итоге поступления в бюджет за счет налогов и сборов с населения на местах заметно увеличились. Так, до войны они составляли 9,4 млрд руб., или 5,2% всех доходов бюджета, а всего за четыре с половиной года войны выросли до 37 млрд руб., или до 13,2% доходов госбюджета (*Марьяхин, 1964. С. 134*).

Финансовые механизмы привлечения денежных средств населения в местные бюджеты в условиях военного времени

Необходимость поиска новых источников фискальных доходов неизбежно требовала реформирования в сфере как реструктуризации системы налогообложения, так и расширения применения обязательного страхования. Причем новые реформы не всегда были результативными. Совершенствование бюджетной и налоговой политики осуществлялось путем проб и ошибок, что было вполне понятно в условиях необходимости поиска новых источников бюджетных доходов в крайне ограниченные сроки.

Буквально в начале войны, 3 июля 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения». Надбавка устанавливалась в размере 100% к сумме сельскохозяйственного налога, а также 50, 100 и 200% — к сумме подоходного налога в зависимости от величины заработка. Кроме того, в целях укрепления местных бюджетов 75% средств, собранных на селе по самообложению, включалось в сельский и рай-

онный бюджеты и использовалось по целевому назначению на финансирование социально-культурных мероприятий.

Однако данная система не смогла обеспечить значительный рост поступлений за счет налогов с населения. Это объяснялось тем, что данные налоги имели плавную прогрессию, сменявшуюся при определенных размерах доходов пропорциональным обложением. Наряду с этим от обложения освобождалась по различным признакам большая группа граждан, особенно семей военнослужащих, инвалидов войны и т. п. Так, в 1941 г. от обложения сельскохозяйственным налогом освобождалось свыше 30% хозяйств колхозников, рабочих, служащих и единоличников. Все это вело к значительному уменьшению налоговых поступлений в бюджет.

Кроме того, военная обстановка закономерно привела к конъюнктурному росту цен на сельскохозяйственную продукцию. Это вызвало оседание в деревне значительной денежной массы, которая из-за острого недостатка товаров не могла быть использована. Неизбежным следствием такого положения явилось сокращение привоза сельскохозяйственных продуктов на городские рынки, с одной стороны, и развитие натуральных форм обмена — с другой.

Сложившаяся ситуация серьезно угрожала устойчивости советского рубля. Возникла острая необходимость использовать финансовые механизмы, способные обеспечить увеличение спроса на деньги и усилить тем самым приток сельскохозяйственной продукции в промышленные районы.

Эту роль смог достаточно эффективно выполнить введенный в 1942 г. военный налог, с установлением которого была отменена 100%-ная надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогам. В основу построения военного налога был положен принцип подушного обложения. Это позволило значительно увеличить контингент плательщиков налога как на селе, так и в городе. К таким плательщикам стали относиться неработающие по найму трудоспособные члены семей колхозников и единоличников, рабочих и служащих, кустарей и ремесленников, члены семей офицерского состава Советской

армии и флота. В отношении плательщиков с твердофиксированными размерами доходов принцип подушного обложения в военном налоге сочетался с принципом доходности — ставки налога с рабочих и служащих и других групп несельскохозяйственного населения устанавливались в зависимости от размеров получаемых ими доходов. Это означало, что военный налог служил дополнением к подоходному, однако он исчислялся не по прогрессивной таблице ставок, а по ступенчатой шкале.

Военный налог отличался от других действовавших налоговых платежей еще по одному параметру: его размеры увеличивались на 50% для тех граждан, которые по возрасту подлежали призыву в армию, но по тем или иным причинам не были мобилизованы. Этот принцип вытекал из его особенностей как налога, введенного в период войны с целью увеличения ресурсов государственного бюджета. В действовавшей шкале была установлена предельная годовая сумма налога: 2700 руб. для лиц непризывного возраста и 4050 руб. — для лиц призывного возраста. Сумма, уплаченная сверх этого предела, возвращалась рабочему или служащему. С лиц, имевших источники доходов от работы не по найму (сельское хозяйство, домовладение, кустарный промысел), военный налог взимался по удвоенным годовым ставкам, установленным для рабочих и служащих. При этом исчисленная таким образом сумма военного налога не могла быть ниже 100% подоходного налога, уплаченного этим плательщиком за текущий год. В таком же порядке уплачивали военный налог члены семей данной группы плательщиков, не работавшие по найму и не имевшие никаких других источников дохода.

Сельское население уплачивало военный налог по твердым ставкам, которые дифференцировались по республикам, областям, районам и даже по отдельным селениям в зависимости от размеров доходов колхозного двора в данной местности. Необходимость такой дифференциации была связана главным образом с различным уровнем цен на сельскохозяйственные продукты и с другими особенностями отдельных местностей. Дифференциация ставок военного налога по республикам,

областям и районам, а в отдельных случаях даже по селениям, придавала ему подходящий характер и сближала его с сельскохозяйственным налогом, взимающимся с хозяйства в целом.

В целом военный налог сыграл важную роль в вовлечении в оборот осевшей в деревне денежной массы и увеличении притока сельскохозяйственной продукции на колхозные рынки. Подобная мера имела тем большее значение, что касалась не только главы колхозного двора, но и каждого трудоспособного его члена, участвовавшего своим личным трудом в хозяйстве.

Привлечение к военному налогу как в городах, так и на селе всех трудоспособных членов семьи в значительной степени способствовало вовлечению в трудовой процесс неиспользованных в народном хозяйстве трудовых ресурсов. За период 1942–1945 гг. поступления военного налога в бюджет составили свыше 72 млрд руб., что сыграло важную роль в финансировании военных расходов и в изъятии денежной массы из обращения (Марьяхин, 1964, с. 207).

Вторым, введенным в период войны, был налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Налог на холостяков (1941 г.) явился одним из источников покрытия государственных расходов на оказание помощи одиноким и многодетным матерям на содержание и воспитание детей. Расходы государственного бюджета на эту цель в период Великой Отечественной войны были значительными. Одни только государственные пособия многодетным и одиноким матерям, не считая расходов на содержание детских учреждений, составили в 1941 г. 2,1 млрд руб., увеличившись по сравнению 1940 г. почти в два раза.

Налог уплачивали граждане, достигшие 20-летнего возраста, не имеющие детей. Взимание налога прекращалось при достижении 50 лет мужчинами и 45 лет женщинами. Это означало, что налог уплачивался лицами, не обремененными иждивенцами и, следовательно, более обеспеченными материально. Принципы построения налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан (также как и военного

налога) резко отличались от порядка взимания основных налогов с населения (см. табл. 3). Для привлечения к налогу главным критерием являлся не доход, а возраст и семейное положение граждан. Это придавало ему подушный характер. В отношении граждан, имевших личные доходы, подушный принцип сочетался с принципом подоходного обложения. При этом пропорциональные ставки налога дифференцировались в зависимости от семейного положения граждан.

Таблица 3. Ставки налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР

Категории граждан	Не имеющие детей	Имеющие одного ребенка	Имеющие двоих и более детей
Рабочие и служащие	6% от их заработка	1% от их заработка	½% от их заработка
Прочие граждане по доходам, облагаемым подоходным налогом	6% от облагаемого дохода	1% от облагаемого дохода	½% от облагаемого дохода
Колхозники и другие граждане, уплачивавшие сельскохозяйственный налог	150 руб. (независимо от размера дохода)	50 руб. (независимо от размера дохода)	25 руб. (независимо от размера дохода)
Граждане, не имевшие никаких источников дохода	90 руб.	30 руб.	15 руб.

Источник: (Марьяхин, 1964. С. 208–209).

К особенностям налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР следует также отнести объем предоставляемых гражданам льгот, которые носили специфический характер и были значительными по своим размерам. Полностью освобождались от налога женщины, получавшие пособие от государства на содержание детей независимо от их количества, граждане, у которых дети погибли на фронтах Великой Отечественной войны, солдаты, младший командный состав и их жены и др. Учащиеся высших и средних учебных заведений привлекались к обложению этим налогом с 25 лет.

Серьезные изменения были внесены и в иные взимаемые местными органами управления налоги.

В зависимости от экономических особенностей тех или других областей, районов и селений Советам Министров союзных республик и исполкомам областных Советов депу-

татов трудящихся было предоставлено право изменять средние нормы сельхозналога: республиканские — для отдельных областей, а областные — для отдельных районов на 30% в сторону уменьшения или увеличения. Кроме того, облисполкомам было предоставлено право изменять районные нормы доходности для отдельных селений в сторону повышения или понижения в зависимости от их расстояния до рынков сбыта и размеров рыночных доходов колхозных дворов от продажи сельскохозяйственной продукции.

Наряду с нормами доходности были пересмотрены и ставки сельскохозяйственного налога, поскольку прежние при новых нормах дохода могли превратить прогрессивную шкалу обложения в пропорциональную. По действовавшей до войны шкале обложения прогрессия ставок при годовом доходе хозяйства в 4 000 руб. обрывалась. При повышении норм доходности прогрессивность обложения в значительной мере была бы утрачена. Поэтому с увеличением норм доходности шкала обложения была пересмотрена в сторону продолжения прогрессии до 10 000 руб. годового дохода.

В результате сумма налога с колхозников и единоличников, которые имели более высокие доходы от своего сельского хозяйства, увеличилась. Исчисленная сумма налога в среднем на одно хозяйство единоличника была в 1945 г. почти в два раза выше, чем на хозяйство колхозника, и в три раза больше, чем на хозяйство рабочих и служащих. В то же время в период войны значительно возросло количество хозяйств, пользовавшихся льготами по сельскохозяйственному налогу. Льготы всем категориям хозяйств составили в 1945 г. 48,4% к общей сумме исчисленного налога, а в 1940 г. — только 16,3% (Лавров, Дьяченко, 1946. С. 17). Основные льготы предоставлялись семьям военнослужащих и инвалидам Великой Отечественной войны, престарелым гражданам, в хозяйстве которых не было трудоспособных членов семьи.

В условиях войны и недостатка в предметах народного потребления большое значение имело более широкое развитие кустарно-ремесленных промыслов. В целях содействия их раз-

виту были внесены некоторые изменения в систему их налогового обложения. Так, кустари-надомники, работавшие одновременно на артель и на частных граждан, стали облагаться как некооперированные кустари только по той части дохода, которая получена от работы на стороне. Доходы же, полученные от работы в артели, облагались по ставкам, установленным для кооперированных кустарей. Кроме того, для некооперированных кустарей, изготавливавших изделия из собственного материала, было отменено повышение исчисленной суммы налога на 35%. Помимо этого финансовым органам разрешалось изменять в течение года, однако не более одного раза, размеры исчисленных авансов подоходного налога с кустарей и ремесленников в случаях значительного увеличения или уменьшения их фактических доходов. В условиях военного времени это имело важное значение для обеспечения своевременного поступления в бюджет тех сумм, которые по ранее действовавшему Положению могли поступить лишь в следующем году, после определения финансовыми органами размеров дохода.

Новый закон о подоходном налоге стимулировал также развитие сельского хозяйства в городах. Теперь при определении облагаемого дохода у лиц, занимающихся сельским хозяйством в городах, не учитывались доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов на рынке. Тем самым поощрялось развитие огородничества в городах, что имело в период войны немаловажное значение. В целом же новый закон о подоходном налоге, значительно упростив технику его начисления, усилил его фискальный эффект.

Феномен возрастания значимости фискальных выплат населения в условиях военного и послевоенного периодов российской экономики

Попытаемся дать рассмотренным финансовым реформам в период военного времени обобщающие характеристики на основе анализа динамики поступлений различных фискальных выплат населения.

Таблица 4. Поступление налогов и сборов с населения и темпы их роста в период Великой Отечественной войны (млрд руб.)

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Налоги и сборы с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Темп роста (%)	100,0	114,9	229,8	304,3	393,6	423,4
В том числе						
Сельхозналог	2,1	2,2	1,1	3,8	5,0	5,0
Темп роста (%)	100,0	104,2	52,4	180,9	238,1	238,1
Подходный налог с населения	3,7	4,9	2,9	6,4	9,0	10,6
Темп роста (%)	100,0	132,4	78,4	173,0	243,2	286,5
Культжилсбор	3,5	3,6	2,4	–	–	–
Темп роста (%)	100,0	102,9	68,6	–	–	–
Налог с единоличных крестьянских хозяйств, имеющих лошадей	0,053	0,015	0,009	0,007	0,007	0,007
Темп роста (%)	100,0	28,3	17,0	13,2	13,2	13,2
Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан	–	0,123	0,092	1,3	2,2	3,4
Темп роста (%)	100,0	12,3	9,2	13,0	22,0	34,0
Военный налог	–	–	14,0	17,0	20,7	20,3
Темп роста (%)	100,0	–	140,0	170,0	207,0	203,0
Государственные займы	11,4	11,5	15,3	25,5	32,6	29,0
Темп роста (%)	100,0	100,9	134,2	223,7	286,0	254,4

Источник: (Зверев, 1967. С. 256).

Анализ данных табл. 4 позволяет сделать вывод, что стабильный и значительный рост характерен для всех видов налогов с населения, исключая только культжилсбор, который был отменен в 1943 г. Следует также обратить внимание на колоссальные объемы поступлений от обязательных государственных займов, которые по своей сути являлись самым тяжелым налогом, выплачиваемым населением в годы войны и обеспечивавшим более 10% бюджетных доходов военного времени.

За годы войны были выпущены четыре государственных займа на сумму 72 млрд руб., каждый в двух выпусках, не считая государственного займа третьей пятилетки, который

был принят накануне войны 2 июня 1941 г., но размещался уже в период военных действий. Ресурсы, мобилизованные с помощью четырех военных займов, на 25% превысили первоначально объявленную величину облигаций (Родионова, 1996. С. 60).

К первому виду относились займы, размещаемые среди населения по подписке. Эти займы были выигрышными. Доход по ним из расчета 4% годовых выплачивался в виде выигрыша, тираж определялся условиями выпуска займа. Государство строго соблюдало сроки проведения тиражей. Выигрыши также выплачивались в полном объеме держателям облигаций. Суммы подписания на займы рабочими и служащими составляли их месячный оклад, иногда полторы—две заработные платы. Интересно отметить, что пик подписки на займы со стороны населения приходился на самые тяжелые годы войны — 1942 и 1943. В атмосфере высокого патриотического подъема граждане отдавали последние деньги для победы над врагом. Одними принудительными методами получить столь значительные средства было бы невозможно. По подписке на займы деревня и город в годы войны дали вдвое больше, чем за весь довоенный период (Военная экономика..., 2006. С. 184).

Второй вид государственных займов ориентировался на колхозно-кооперативную собственность и размещался среди колхозов и промысловых артелей. Размер подписки на заем каждый колхоз или артель определяли самостоятельно, в зависимости от своего финансового положения, и утверждали на общем собрании членов кооператива. Колхозные и артельные займы размещались независимо от индивидуальной подписки граждан. Они были процентными (из расчета 2% годовых), в отличие от индивидуальных, которые были выигрышными.

Третий вид займов предполагал использование свободных финансовых средств сберегательных касс и органов Госстраха СССР. Эти займы были беспроцентными и безоблигационными и позволяли использовать денежные сред-

ства населения на общегосударственные нужды. К четвертому виду можно отнести свободно обращающиеся займы. Например, государственный внутренний выигрышный заем выпуска 1938 г., реализованный за наличный расчет и предназначенный для свободного хождения. Для сохранения в фондах государства денежных средств сберкассам было запрещено покупать у населения облигации этого займа. Их покупка возобновилась только с января 1946 г.

Следует также отметить, что за годы войны произошли существенные изменения в пропорциях социального состава участников кредитования государства. До войны займы на 80% размещались среди городского населения. За годы войны число подписчиков на займы в городе выросло в 2 раза, а на селе — в 4. В целом же с помощью военных займов правительство СССР покрывало около 15% всех прямых военных расходов (Тамарченко, 1974. С. 81–82). Все военные займы носили долгосрочный характер и выпускались на 20 лет. За время войны население страны дало в долг государству более 100 млрд руб.

В целом темпы роста показателя «Налоги и сборы с населения» к 1945 г. достигли 423,4%, а их объем увеличился в 4,2 раза и составил за период 1941–1945 гг. 137,8 млрд руб. Подписка населения на займы составила 113,9 млрд руб., размер специальных вкладов равнялся 10,3 млрд руб., поступления в фонд обороны и Красной армии насчитывали 12,4 млрд руб. Таким образом, вся сумма обязательных и добровольных платежей населения в бюджет достигла 274,4 млрд руб., что составило более 26,4% всех бюджетных доходов (Сучков, 1955. С. 140).

Если мы сопоставим эти цифры с объемами поступлений от налога с оборота, реальным плательщиком которого в конечном счете также являлось население, то становится очевидным, что более чем на $\frac{3}{4}$ финансовые ресурсы государственного бюджета в годы войны формировались за счет отчислений из доходов населения усилиями местных органов управления.

Таким образом, мы вправе говорить о феномене возрастания значимости фискальных выплат населения в условиях

военного и послевоенного периодов развития советской экономики. Налоги и сборы с населения, а также добровольные пожертвования граждан во время войны и в годы послевоенного восстановительного периода оказались мощным дополнительным финансовым ресурсом, за счет которого в самые тяжелые периоды правительство и местные власти могли успешно решать задачи наполнения и государственного, и муниципальных бюджетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенский Николай Алексеевич. Стратег экономической Победы. Глава «Военная экономика СССР в период отечественной войны». М.: Дом «Экономической газеты», 2009.
2. Военная экономика России в первой половине XX столетия / Под ред. И.В. Караваевой. М.: ИЭ РАН, 2006.
3. Зверев А. Советские финансы в первый период Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1967.
4. Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. М.: Финансы, 1970.
5. Караваева И.В. Вклад населения в формирование бюджетных доходов в годы войны и послевоенного восстановленного периода (1941–1950 гг.) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. №6. С. 29–39. elibrary.ru/item.asp?id=15507457.
6. Лавров В.В., Дьяченко Н.А. Планирование налогов и сборов. М.: Госфиниздат, 1946.
7. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М.: Финансы, 1964.
8. Родионова В.М. Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1996.
9. Сучков А. Доходы государственного бюджета СССР. М.: Госфиниздат, 1955.
10. Тамарченко М.Л. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Экономика, 1974.
11. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985.
12. Ширкевич Н.А. Местные бюджеты. М.: Финансы и статистика, 1991.
13. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: монография / Под общей ред. И.В. Караваевой. М.: ИЭ РАН, 2015. inecon.org/docs/Karavaeva_book_2015.pdf.

А.С. Сенявский

д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН

ПОЧЕМУ СССР ПОБЕДИЛ НАЦИСТСКУЮ ЕВРОПУ

СССР с момента своего возникновения находился в агрессивном капиталистическом окружении и, даже решая задачи мирного развития, вынужден был готовиться к войне. Фундамент Победы в Великой Отечественной войне над нацистской Германией, задействовавшей в 1941–1945 гг. в агрессии против СССР потенциал Европы, создавался в ходе социалистического преобразования общества, форсированной индустриализации и коллективизации, приобщения рабочих и крестьян к образованию и культуре. Преодолев за 15 лет отставание от развитых стран, социальные и национальные антагонизмы буржуазной эпохи, СССР встретил войну с патриотически настроенным и сплоченным народом, готовым к самопожертвованию и массовому героизму при защите своей страны. И советское государство, и общество, и плано-мобилизационная модель экономики выдержали военные испытания. После тяжелых этапов войны Советская армия победоносно завершила войну, освободив Восточную Европу и закончив войну в Берлине.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, причины и факторы Победы, социалистическое строительство, плано-мобилизационная модель экономического развития, форсированная индустриализация, коллективизация, социальная мобильность, патриотизм.

Причинам Победы СССР в Великой Отечественной войне посвящено множество статей и книг, по большей части имеющих «пафосный», во многом идеолого-пропагандистский характер, элементы которого проникают даже в научные исследования. И хотя перечисляемые в них факторы Победы, как правило, действительно имели место, желательнее более трезво, научно-корректно, может быть, даже отрезвляюще жестко разобраться в системе тех из них, которые при изначальном превосходстве врага в военно-экономическом потенциале, крайне неблагоприятном для СССР начальном периоде и очень напряженном и далеко не predetermined по результатам хода войны, в конце концов обеспечили победоносное ее завершение.

Исход большой, судьбоносной для каждой из сторон войны является сложным и не всегда поддающимся формальным измерениям и расчету совокупным результатом динамической системы обстоятельств, условий, факторов и т.д. Именно поэтому война является объектом изучения не только науки, но и военного искусства. Последнее, к сожалению, в основном ограничивается действиями вооруженных сил. При примерно равном соотношении сил и прочих равных условиях победа на стороне тех, кто лучше подготовился, а значит, лучше сумел предвидеть, просчитать многочисленные «вводные», проанализировать разные сценарии развития событий, спрогнозировать действия противника и спланировать собственные стратегию и тактику, подготовить к войне фронт и тыл, обеспечив устойчивость страны к экстремальным военным условиям, и т.д. На практике хотя бы примерного равенства сил у противников никогда не бывает: даже сопоставимые по совокупному потенциалу они всегда в чем-то сильнее, а в другом — слабее. И исход войны в конечном счете определяется тем, как этим потенциалом сторонам удастся распорядиться: максимизировать свои преимущества и нивелировать (компенсировать) свои недостатки.

А далее он решается на полях сражений, во многом определяется эффективностью тылового обеспечения вооруженных сил, стратегов, полководцев, руководства стран-противников и «военным счастьем», стечением обстоятельств, которые тоже нужно уметь использовать.

В ожидании «большой войны»

По сути вся постреволюционная советская история связана с ожиданием и подготовкой к «большой войне». Молодое советское государство возникло в уникальной мировой исторической ситуации транзита общества от аграрного к индустриальному, от сельского к городскому, в рамках общемирового вектора индустриальной модернизации, осуществлявшейся в разных странах с различной скоростью,

в зависимости от локализации в центре или периферии мир-системы, в авангарде или иных «эшелонах» модернизации. Это был период расцвета «рыночной экономики» и капиталистической системы, переходящей в «империалистическую стадию», с сопутствующими следствиями разного порядка, важнейшими из которых были: тотальное обострение межгосударственных противоречий, выплеснувшихся в невиданные по масштабам и жертвам вооруженные противостояния в рамках мировых войн; ожесточенная борьба за передел мира; деградация, кризис и распад традиционных имперских государств (в том числе колониальных), подорванных, а затем и сокрушенных мировыми войнами и стимулированными ими социальными и национальными революциями.

Уникальной была и мировая идеолого-политическая ситуация: утверждение «мир-проектной», идеологической, социальной и политической альтернативы буржуазному обществу и либеральному проекту («левый» — коммунистический, который собственно и продвигал СССР, и «правые» — фашистский, а затем и национал-социалистский проекты).

Революция 1917 г. и рождение Советского государства явились для России следствием Первой мировой войны и формой выхода из нее. Военная дестабилизация выявила все слабости Российской империи, и в начале 1917 г., когда, казалось бы уже были преодолены проблемы начального периода (ликвидирован «снарядный голод», войска обеспечены достаточным вооружением, они готовились к генеральному наступлению и т.д.), дали знать о себе как фундаментальные социально-экономические противоречия страны, находившейся в начальной стадии индустриальной модернизации, так и политическая нестабильность: вытеснив левых радикалов, власть оказалась бессильной перед правой, либеральной оппозицией, заговоры которой вышли далеко за стены Государственной Думы, затронули не только буржуазную элиту, но и генералитет и императорскую фамилию. Именно мировая война впервые так явно продемонстрировала, что победа не только добывается на полях сражений, но и обе-

спечивается за счет надежности тыла: эффективного руководства страной, способности мобилизовать и перестроить экономику для нужд армии, сохранения социального мира, готовности народа терпеть военные лишения, способности структур безопасности держать ситуацию под контролем и т.д. Патриотическая эйфория начала войны из-за многочисленных военных неудач, длительности военных действий, растущих тягот сменилась ростом антивоенных и антиправительственных настроений.

В ходе февральского переворота правые, желая сохранить монархию, сменив «персону на троне», в действительности обрушили ее и всю имперскую систему. Недостаточный подвоз хлеба в столицу вызвал стихийные выступления питерских низов, последовавший бунт тыловых частей гарнизона, с перерастанием в революцию. Верные власти части не были пропущены в Петроград, а Николая II вынудили отречься от престола.

Пришедшие к власти буржуазно-либеральные круги оказались еще бездарнее имперской бюрократии. Они не сумели остановить эскалацию революционной стихии, нарастание «левых» настроений в обществе, и после нескольких революционных кризисов, почти без сопротивления, власть захватили левые радикалы-большевики, которые в ситуации хаоса, развала государства и армии начали трансформацию общества согласно своей классовой доктрине. Они также вынуждены были подписать с Германией, по их собственным признаниям, «похабный Брестский мир», с огромными территориальными и материальными потерями. Ущемленные социальные категории не смирились ни с политикой новой власти, ни с потерей своего статуса, и вскоре разразилась Гражданская война, сопровождавшаяся иностранной военной интервенцией почти двух десятков стран как Антанты, так и ее противников. Причем «белые», как правило, являлись союзниками интервентов, т. е. выступали как антинациональные, антироссийские силы. Поэтому их разгром, истребление (в обоюдной логике гражданской войны), вытеснение остав-

шихся в эмиграцию являлись важными элементами будущей внутренней стабилизации советского общества и обеспечения его безопасности.

«Красные» победили, потому что их политика оказалась созвучна настроениям большинства, а организационно они были более сплоченными и эффективными. При этом к «бывшим», даже пошедшим на службу к советской власти, сохранялось (и не без оснований) настороженное отношение: в 1920–1930-е гг. они (и не только они) являлись участниками многочисленных антиправительственных заговоров, бандформирований, шпионской агентуры враждебных государств и т.д.

Выйдя победителями из Гражданской войны (основные боевые действия – с лета 1918 г. по осень 1920 г., полное завершение в 1922 г.), изгнав иностранных интервентов, воссоздав единое государство из многочисленных осколков бывшей империи (потеряв при этом Бессарабию, Финляндию, Прибалтику, Польшу, от которой потерпели сокрушительное поражение и которой отдали западные территории Украины и Белоруссии, и др.), большевики оказались хозяевами разоренной страны, во враждебном капиталистическом окружении. После крестьянского Тамбовского и военного Кронштадтского восстаний они вынуждены были перейти от политики «военного коммунизма» к нэпу, ставшей инструментом оживления и восстановления экономики отчасти за счет рыночных механизмов, но при сохранении командных высот в руках государства.

Со второй половины 1920-х гг., а тем более в 1930-е гг., в руководстве большевистской партии над идеологией возобладал прагматизм: нереализованная идея мировой революции как самоцель (для которой историческая Россия рассматривалась как «разрушающий таран») была отодвинута, а мировое коммунистическое движение стали рассматривать как инструмент обеспечения национально-государственных интересов СССР.

Решение внутренних проблем формировавшегося Советского государства осуществлялось в условиях экстре-

мальной геополитической и военно-политической ситуации межвоенного периода (между Первой и Второй мировыми войнами).

Власть осознавала временность «мирной передышки». Версальский мир, которым завершилась Первая мировая война, по оценкам многих современников, несла в себе потенциал новой мировой войны, прежде всего, реваншизма со стороны потерпевшей поражение Германии и ее союзников. А молодое Советское государство было крайне слабым экономически и, как следствие, в военном отношении. Опасались даже слабой Польши.

Преимущественно крестьянская (на $\frac{4}{5}$) по населению и аграрная по экономическому фундаменту экономики, особенно после Первой мировой и Гражданской войн и разрухи, Советская Россия не могла эффективно противостоять внешним угрозам. Необходимо было не просто восстановить народное хозяйство, доставшееся по наследству от империи, а перевести страну на современные индустриальные рельсы.

Новая экономическая политика в конкретно-исторических условиях 1920-х гг. имела весьма ограниченный потенциал, являясь инструментом *восстановления* разрушенной войнами и революцией экономики преимущественно за счет возвращения в строй старых производственных фондов и оживления крестьянского мелкотоварного хозяйства, и она никак не могла послужить основой индустриального рывка (шире — системной модернизации). И рывок, и очередная индустриальная модернизация объективно, по внутренним и внешним причинам, в условиях «исторического цейтнота» были необходимы не только для развития, но и сохранения России как целостной и независимой страны, державы и даже цивилизации. Поэтому нэповский курс на восстановление экономики во второй половине 1920-х гг. постепенно сменяется курсом на форсированное развитие.

В ряду факторов, обусловивших переход к форсированной индустриализации, угроза войны занимала одно из важнейших мест: с учетом опыта военной интервенции

и жесткости последующего давления на СССР внешнего капиталистического мира масштабное военное столкновение с «коллективным Западом» рассматривалось как очень вероятное, а в перспективе — неизбежное. Необходимо также отметить, что и в мире в целом неизбежность новой «большой войны» фактически была предопределена. Все это способствовало выдвиганию на первый план задачи укрепления обороноспособности (и ее экономической основы), и по мере ухудшения международной обстановки, роста военной угрозы она становилась все актуальнее.

Индустриализация позволяла решить сразу несколько задач: 1) укрепить материально-технический фундамент создаваемого «социалистического общества», строительство которого провозгласили как альтернативу капитализму; 2) расширить ядро социальной базы власти, которым считали, прежде всего, индустриальный рабочий класс; 3) укрепить экономический фундамент союза рабочего класса и крестьянства, экономическую «смычку города и деревни», наладив поставку техники и промышленных товаров для села, в котором проводилась коллективизация; 4) создать материальные условия для постоянного перевооружения армии, поддержания ее боеспособности в соответствии с требованиями времени.

Выработка экономического курса проходила в многолетних ожесточенных внутрипартийных дискуссиях, и на решение того, как развивать экономику, проводить индустриализацию, какими темпами и методами, за счет каких источников и т.д., внешнеполитическая динамика и военный фактор оказали ключевое влияние. Курс на индустриализацию формировался в контексте острой политической (внутрипартийной) борьбы между отдельными группировками элиты, отражавшей внутренние общественные противоречия (не без влияния извне) и потенциальные альтернативы развития страны.

Уже позднее, в феврале 1931 г. (в разгар первой пятилетки) И.В.Сталин в речи на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности произнес про-

граммные слова: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...» (Сталин, 1951. С. 38).

Этот рывок был обеспечен за счет планово-мобилизационной модели развития, главным стимулом для формирования которой являлась внешняя угроза в контексте кардинального военно-экономического отставания от потенциальных противников. Для Советской России (СССР) предопределенность военного столкновения усугублялась и актуализировалась в контексте враждебного капиталистического окружения (продолжавшего в обостренном идеологическом формате старые геополитические противоречия имперского периода), постоянного агрессивного военно-политического и экономического давления Запада, с периодическими обострениями в виде провокаций и локальных столкновений («ультиматум Керзона» 1923 г., «военная тревога» 1927 г., конфликт на КВЖД 1929 г. и др.). Внешняя угроза заключалась не только в военной опасности, исходившей как от отдельных соседних государств, поддерживаемых наиболее сильными державами Запада, так и от консолидированного «капиталистического мира», но и в стимулировании извне внутренних проблем и социальной напряженности по многим направлениям и во многих регионах страны. Эта напряженность была довольно значимой, и она до сих пор недооценивается историками.

В таком международном и внутреннем историческом развитии СССР было подчинено форсированному преодолению отсталости от наиболее передовых западных держав и обеспечению внешней экономической и военной безопасности (оборонеспособности) страны.

Историческая уникальность (и инновационность) советской мобилизационной экономической модели заключалась в том, что она являлась инструментом не только ситуационного выживания (государства с его режимом), но и двигателем радикальной системной трансформации и форсированного развития, причем не только экономики, но и всех сфер жизни страны, согласно идеологически сформулированным

ценностям и целям, а также разрабатываемым пятилетним планам. Данная модель способствовала выполнению задач индустриальной модернизации, которые в должной мере не решила империя (переход к индустриальному и городскому обществу), при этом вытеснялась, а частично и уничтожалась, прежняя элита (и феодальная, и буржуазная), и упор делался на подавляющее большинство населения — низшие классы, для которых открылись соответствующие социальные лифты. Причем осуществлялось это с весьма низких стартовых экономических позиций, во враждебном внешнем окружении, под угрозой «большой войны» и внутреннего социального взрыва. Но ключевым моментом для понимания советской модели развития было то, что она формировалась и эволюционировала в рамках системной трансформации, радикально преобразовывавшей страну, ранее (в рамках империи) двигавшейся в русле общемирового мейнстрима (и являвшейся ближней периферией капитализма), но теперь противопоставившей ему вектор своего развития.

Цель использования модели в среднесрочной перспективе (10–15 лет) заключалась в форсированном преодолении отставания от развитых стран для обеспечения обороноспособности (от внешних угроз); экономической и научно-технологической независимости страны; реализации выдвинутых внутренних социально-экономических задач. С ее помощью решались не только исторически-ситуационные задачи выживания, но и стратегические, и даже преследовалась фундаментальная цель радикального преобразования общества.

Советская мобилизационная модель являлась «инструментальной» частью возникающей в России советской общественной системы, строившейся на наследии (и развалинах) имперского потенциала, но провозгласившей целью радикально трансформировать всю систему общественных отношений на иных ценностных, институциональных, структурных, организационных основаниях. Ее ценностно-идеологические основы, исторически противопоставленные доминировавшим в то время в мире, были «кодифицированы» в «коммунистиче-

ском проекте» на стадии «социалистического строительства». Данная система действовала в условиях невиданного в истории торжества этатизма, распространявшего глубинный контроль на все сферы и уровни жизни общества, а потому государство приобрело исключительные возможности и рычаги для социальной мобилизации, в том числе и для решения экономических и социальных задач, и трансформировала экономику под централизованно-плановую систему управления, использовавшую институт планирования и соответствующие организационно-управленческие структуры. Вместе с тем она ориентировала на максимальную мобилизацию ресурсов социума для решения поставленных задач «любой ценой».

Менее чем за три пятилетки удалось сконцентрировать предельно ограниченные ресурсы, совершить рывок и создать многоотраслевую, передовую по тем временам, индустриальную экономику, организационная модель которой в экстремальных условиях будущей войны оказалась более результативной, чем превосходящий по масштабам совокупный потенциал противника. По итогам первых пятилеток СССР вышел на второе место в мире по объемам промышленного производства (за счет высочайших темпов роста) — с опережающим развитием тяжелой промышленности. Именно планово-мобилизационная модель экономики позволила совершить индустриальный рывок, в том числе до июня 1941 г. создать более 9 тыс. крупных промышленных предприятий, практически с нуля целую группу отраслей и производств, включая станкостроение, тракторную, автомобильную, авиационную, химическую промышленность и др. В целом классово однородным стало общество, состоявшее из социальных категорий трудящихся — рабочего класса, колхозного крестьянства, новой интеллигенции, рассматривающих власть как свою, выражающую их интересы. Были разрешены или смягчены межнациональные противоречия, дружба между народами не была пустым звуком. За годы советской власти выросли молодые поколения преданных своей стране, патристически настроенных людей, более образованных и подго-

товленных. Маршал Жуков через много лет после войны отметил, что именно «молодежь принесла главную жертву войне».

Большевики учли просчеты и уроки Первой мировой войны для России в случае военных испытаний: и значимость военно-технического обеспечения армии — своевременно, в достаточном количестве и при должном уровне; и важность прочности и надежности тыла, единства власти и народа, готовности народа к тяготам и жертвам; и роль верности и преданности элиты, стойкости армии и др.

Важное значение для будущей войны имела предвоенная подготовка. После прихода Гитлера к власти военная угроза намного возросла. СССР пришлось вести борьбу со многими «игроками»: трансформируемой нацистами Германией; великими державами — «демократиями», каждая из которых имела свои интересы, но была озабочена становлением нацистского режима с явными реваншистскими установками; целым рядом стран-соседей, зависимых от великих держав, но по своему опасных для СССР, особенно — с Польшей; Японией на Дальнем Востоке, проводившей агрессивную политику на протяженной советской границе, и др.

В преддверии и ожидании неизбежной «большой войны» главные задачи предвоенной внешнеполитической стратегии СССР заключались в следующем:

- по возможности максимально оттянуть сроки начала войны, а главное — втягивание в нее СССР;
- не допустить складывания единого антисоветского блока западных государств с участием Германии, Франции и англосаксов, а на Дальнем Востоке — Японии;
- по возможности обеспечить максимально благоприятные условия на советских западных границах в еще довоенной ситуации.

До начала Второй мировой войны советским политикам и дипломатам в основном удалось решить эти задачи, хотя далеко не полностью.

Из-за политики западных «демократий» по «умиротворению Гитлера» не удалось создать коллективную систему безопас-

ности и сколько-нибудь единый антифашистский блок в Европе. Однако большой победой явилось (уже после мюнхенского соглашения Запада с Гитлером, раздела Чехословакии и аншлюса Австрии) заключение договора о ненападении с Германией, так называемого пакта Молотова—Риббентропа (кстати, СССР стал последним из стран, заключивших с Германией подобный договор, благодаря которому отсрочил гитлеровское нападение и отодвинул восточные границы, вернув себе часть прежних владений Российской империи, отторгнутых от страны в результате Первой мировой войны кайзеровской Германией, а позднее — при поддержке стран Антанты). Гитлер напал на Польшу (враждебную СССР, набивавшуюся Гитлеру в союзники), открыв тем самым «официальное» начало Второй мировой войны и втянув в нее Францию и Англию. Но даже после этого, в условиях «странной (сидячей) войны» (3 сентября 1939 г. — 10 мая 1940 г.), которую Гитлер активно использовал как стратегическую паузу, разгромив Польшу, захватив Данию и Норвегию, подготовив вторжение во Францию, Англия и Франция оказывали военно-материальную помощь для поддержки боевых действий Финляндии, с которой СССР находился в состоянии войны. Разгром Гитлером за шесть недель считавшейся одной из сильнейших в Европе французской армии (с бегством англичан на свои острова) еще раз предотвратил возможное складывание единого фронта против СССР.

Суммируя то, что сделал СССР в межвоенный период для Победы в будущей войне, нужно отметить следующее: государство, страна, ее экономика, народ и общество прошли через такие преобразования, когда они стали способны выстоять в любой экстремальной ситуации, при самом неблагоприятном развитии событий.

Факторы победы в ходе войны

Для того чтобы в полной мере осознать значение и смысл, весь масштаб и величие Победы в Великой Отечественной войне, причины, по которым победил СССР, следует сначала

понять, кто в действительности за что и против кого воевал, какой и чем для нашей страны была эта война.

Социальные явления лучше познаются в сравнении. Многие становятся ясными, если сравнивать участие Российской империи в Первой мировой войне и СССР во Второй мировой, в которых был примерно тот же состав стран-участников, существовали аналогичные противостоявшие коалиции. В них обеих участвовало одно и то же геополитическое образование — Россия (в советском варианте — лишь без польских и финских земель), с теми же основными союзниками (Великобритания, а позднее США), против того же врага — поднимавшейся политически и экономически, милитаризовавшейся Германии, стремившейся к силовому перераспределению влияния и ресурсов в Европе и мире, как главного инициатора и мотора войны. Только в Первой мировой для Германии ключевым был западный фронт, против Франции и Англии, тогда как российский театр военных действий — второстепенным. Здесь и боевые действия велись с переменным успехом, хотя к 1917 г. Россия потеряла всю Польшу и часть Прибалтики.

Во Второй мировой войне рейх, до начала агрессии против Советского Союза подмявший под себя всю континентальную Европу со всеми ее ресурсами, до 1943 г. (высадка в Италии) не имел в тылу врагов (кроме Англии на морях и за пределами Европы, да очень слабое движение Сопротивления в отдельных странах). Таким образом, Гитлер смог сконцентрировать и обрушить на СССР всю накопленную силу, сосредоточив до $\frac{3}{4}$ своего военно-экономического потенциала (Германия в начале войны обладала вдвое большими военно-экономическими ресурсами, чем СССР).

Российская же империя не выдержала гораздо меньшего напора кайзеровской Германии, понеся с начала войны до 1917 г. хотя и значительные, но намного меньшие людские, территориальные и материальные потери, чем позднее СССР. Изначально невнятные были мотивы вступления России в войну: для широких масс было непонятно, зачем следует

проливать большую кровь, защищая какую-то неизвестную им Сербию (пусть и «братскую», славянскую, православную), элитарным слоям — зачем такую цену платить за мечту о «контроле над проливами» с маловероятным результатом (англо-французские «союзники» — вековые враги России — все равно не допустят).

Вступив неподготовленной к длительной ширококомасштабной войне (нехватка вооружений, снарядный и патронный голод и т.д.), Российская империя к концу 1916 г. преодолела военно-экономическую слабость и готовилась к решающим битвам. Однако она потерпела поражение не на фронтах, а в тылу, и, обладая неисчерпаемыми ресурсами, накануне планируемого генерального наступления, сулившего победу, рухнула как государство — из-за совокупности причин: некомпетентности и безволия верховной власти, внутренней организационной слабости, острых социальных противоречий, предательства и заговора либеральных элит, подрывных действий врага и козней союзников. Причем февральский государственный переворот 1917 г. запустил механизм эскалации революционной катастрофы, обрекший Россию на неизбежный выход из войны — поражение от противника, который сам вскоре пал по тем же причинам слабости тыла.

При всем внешнем сходстве Великая Отечественная война принципиально отличается от Первой мировой, в которой столкнулись две империи, боровшиеся за расширение своего влияния или удержание позиций, но не полное уничтожение друг друга, к тому же с традиционными династиями и даже взаимными родственными связями, с еще сохранявшимися (хотя бы частично) понятиями о нормах ее ведения. В 1941 г. в смертельной схватке сошлись две цивилизации, два принципиально новых политических режима, две системы ценностей и новые общественные системы, несовместимые друг с другом.

Великая Отечественная война стала продолжением многовекового, традиционного уже геополитического и цивилизационного противостояния Западной Европы и России, в кото-

ром Европа всегда выступала агрессором, целью которого было «загнать этих русских варваров в монгольские степи», а в случае успеха — лишить ее политической (и исторической!) субъектности. Однако уникальность этой войны — в обретении ею экзистенциального смысла «быть или не быть», в принципиальном отказе агрессора от цивилизованных форм ведения войны, в доведении противостояния до крайних форм ожесточения, а потому и невозможности каких-либо компромиссов. Цивилизационное противостояние «Европа—Россия» тоже обрело уникальные формы: кризис западной либеральной цивилизации, воплотившийся в «прорвавшихся нарывах» Первой мировой войны и Великой депрессии, вызвал к жизни радикальную правую альтернативу — фашистский и нацистский мировые проекты, воплощением чего и стал гитлеровский режим в Германии, а до этого — режим Муссолини в Италии. Еще ранее условия мировой войны стимулировали реализацию левой альтернативы в России — пришедшей из Европы в виде «коммунистического проекта», реализованного постреволюционным большевистским режимом. Таким образом, западная «германо-романская» цивилизация, трансформированная правой нацистско-фашистской идеологией, с расистскими установками, пошла войной на восточно-славянскую, русскую цивилизацию, строившую новое «социалистическое общество» под знаменем левой интернациональной коммунистической идеологии. И если у Российской империи (и особенно ее европеизированной элиты) могли быть точки соприкосновения в ценностях, психологии, даже родственных связях «правящих домов» с европейскими империями (существовавшими в едином политическом и культурном поле), то столкновение крайних правого и левого политических полюсов придало цивилизационному противостоянию предельные ожесточение и бескомпромиссность.

Великая Отечественная война уникальна, потому что впервые в истории враг поставил под вопрос само существование России как государства, страны, цивилизации, жизнь русского и включенных в его социокультурную и политиче-

скую орбиту народов, их право быть людьми, а не «унтерменшами», обреченными на массовую гибель, а оставшихся — обслуживать новых «арийских» господ.

СССР победил не одну Германию, а фактически всю Европу. К моменту нападения на Советский Союз нацистская Германия контролировала всю континентальную часть Европы к западу от советской границы: либо объединила в своем блоке радикальные правые режимы фашистского типа (Италия, Испания и др.), либо разгромила целый ряд стран (Чехословакия, Франция, Голландия, Польша, Норвегия, Дания, Югославия и др.), частью оккупировав их, в других поставив марионеточные режимы, либо активно используя ресурсы немногих формально оставшихся нейтральными стран. Движение Сопротивления приобрело значимые масштабы лишь в немногих странах, но, помимо Югославии, не имело военного значения. Причем население практически всех подвергшихся завоеванию государств массово и активно сотрудничало с оккупантами и их ставленниками-коллаборантами, укрепляя и наращивая потенциал Третьего рейха. Например, чешские рабочие ударно трудились на своих заводах и фабриках, так что производительность труда на них была на треть выше, чем на немецких заводах. Повсеместно население и союзных, и даже поверженных Германией стран выискивало и сдавало властям «врагов рейха», поддерживая германский «новый порядок».

Европа «легла под Гитлера». Многие (даже среди объявленных «неарийскими», т. е. «неполноценными», народов) оказались «обольщены» мощью новых властителей Европы и «с энтузиазмом» пошли служить нацизму.

После того, как были разгромлены Польша, Франция, а британские войска были сброшены в море, СССР остался один на один с покоренной Германией континентальной Европой, с Третьим рейхом, чей вождь задолго до новой мировой войны откровенно провозгласил, что «жизненное пространство» для немецкой нации нужно искать «на востоке». И в агрессии против СССР участвовали Финляндия, Румыния,

Италия, Венгрия, Словакия, Дания, а также добровольцы из Франции, Голландии, Испании, чехи, поляки, люксембуржцы, норвежцы и шведы. В совокупности, помимо немцев, речь идет о миллионах оккупантов.

Таким образом, Советский Союз противостоял не только агрессии Германии, но и военному нашествию и военно-экономическому потенциалу всей Европы, подчиненной и объединенной Гитлером. И то, что СССР выстоял в течение почти четырех лет в самой жестокой, кровопролитной и разрушительной в истории военной схватке против беспощадного врага, изначально обладавшего несоизмеримо большими военной мощью и совокупным экономическим потенциалом, можно было бы считать чудом, если бы его не совершили люди — власть и народ, руководители государства и миллионы простых граждан, генералитет и рядовые солдаты, объединенные волей к сопротивлению захватчикам, готовностью идти на невиданные жертвы ради защиты Отечества и победы над врагом.

Похожие ситуации уже были в истории, когда мощные коалиции европейских держав обрушивались на Россию. Но во всех прежних войнах целями агрессоров были лишь разгром армии, ослабление российского государства, отторжение части территории, захват части его ресурсов.

СССР не мог выбрать — вступать или не вступать в войну: 22 июня 1941 г. он стал жертвой агрессии Германии, ранее развязавшей новую мировую войну и уже покорившей остальную Европу. Причем еще по характеру ведения войны в Европе уже стало ясно, что провозглашенные Гитлером расистские идеи и экспансионистские цели поиска жизненного пространства для «высшей германской арийской расы» на востоке являются не «теоретическими упражнениями», а руководством к действию. Провозглашая Германию форпостом и защитником европейской цивилизации, германские нацисты по-разному покоряли Европу: даже захваченные силой страны, если их относили к «своим», «цивилизованным», они старались сделать союзниками, насаждая там «дружественные»

режимы (Франция, Дания, Норвегия и др.), тогда как Польшу, Югославию, Грецию (славянские и православные страны) подвергали массовому террору и репрессиям.

Довоенные представления о том, что будущую войну Красная армия будет вести «малой кровью, на чужой территории», разбились о реалии германской агрессии в первые же дни. Оказалось, что на СССР напала современная мощная армия, отобилизованная и получившая большой опыт победоносных военных кампаний в Европе, громившая армии не только Польши и более мелких стран, но и великих держав — Франции (за 6 недель) и Великобритании, вынужденной эвакуировать экспедиционный корпус на свои острова. За спиной Германии стоял военно-экономический, ресурсный, людской потенциал всей Европы, союзной Германии, подчиненной или покоренной ею.

Советское политическое и военное руководство недооценило силу противника и далеко не сразу в полной мере осознало всю опасность положения, в котором оказалась страна. В начальный период войны особенно остро проявились ошибки в подготовке к ней: недостаточная укрепленность западных границ; расчет на то, что краткий период приграничных оборонительных сражений сменится наступательной войной; отрицание возможности повторения Гитлером стратегии блицкрига на огромных пространствах СССР; ослабление кадрового состава армии из-за репрессий; незавершенность реорганизации армии, которая планировалась к 1942 г., а в связи с этим и недоукомплектованность вооружением, техникой и командными кадрами раздутых соединений; острая нехватка радиотехнических средств, а во многих частях и боеприпасов; неэффективность существовавшей структуры для оперативного управления, а вследствие этого и небоеспособность многих частей, и др. Уровень обеспеченности приграничных войск современными типами вооружений составлял от 10 до 20%, причем новая техника была плохо изучена. Основные советские силы были размещены не на направлении главного удара врага (через Белоруссию),

а на юго-западном направлении. Тыловые части не были развернуты, а основные силы были разделены на три эшелона, которые не имели оперативной связи. Будучи развернуты вблизи границы, советские войска из-за темпа германского наступления быстро попадали в «котлы», оказываясь в окружении. Несмотря на то, что немцы во многом были оснащены трофейной техникой и вооружением, по ряду позиций они имели преимущество. Особенно значимым было наличие в частях радиосвязи, тогда как в советской армии использовалась преимущественно проводная связь.

В начале войны было допущено немало ошибок командования: оно не рассчитывало на немецкий блицкриг, предполагая в период продолжительных приграничных сражений провести полную мобилизацию; неудачно были расположены войска, в результате чего три армии в первые же дни были окружены, а уже 28 июня был взят Минск; советские дивизии, в отличие от немецких, не были развернуты; попытки контрнаступлений зачастую оказывались провальными и т.д.

Перед СССР встала задача выдержать натиск врага, предотвратить успех блицкрига, в многочисленных сражениях сдерживать скорость наступления, обеспечив подготовку новых оборонительных рубежей, создание новых частей и соединений, эвакуацию людей, предприятий, материальных ценностей на восток и перевод экономики на военные рельсы. Но никто в июне 1941 г. не предполагал, что война продлится почти четыре года, а на пути к победе враг сначала дойдет почти до Москвы, а потерпев поражение под ней, будет еще силен и способен на перехват стратегической инициативы; что будут судьбоносные и переломные Сталинградская битва и сражения на Курской дуге, освобождение сначала советской земли, а затем и всей Восточной Европы.

Стране предстояло еще пережить оккупацию западных и южных, наиболее населенных и экономически развитых территорий страны — Белоруссии, Молдавии, Украины, частично РСФСР, Прибалтики, составлявших около 9% всех советских земель, где в совокупности до войны проживало

более 80 млн чел. (около 42% населения), находилась почти половина пахотных земель, располагались многие крупные города, наиболее оснащенные предприятия различных отраслей промышленности, производилось более $\frac{1}{3}$ всей промышленной продукции. В результате за вторую половину 1941 г. объем промышленного производства в СССР в целом упал в 2,1 раза (Маркова, 2010. С. 25).

Большим достижением и проявлением организационной эффективности советского аппарата управления стала эвакуация на восток около 17 млн чел., более 2,6 тыс. предприятий, в том числе наиболее ценных для обороны. (Куманев, 2010. С. 61).

Эти масштабные мероприятия способствовали решению главной хозяйственной задачи — переводу экономики на военные рельсы, созданию мощной военной экономики. Уже к концу года на новых местах возобновили работу 122 авиазавода, 244 предприятия химической промышленности, десятки танковых, минометных заводов, производств боеприпасов и т.д.

В марте 1942 г. восточные регионы страны уже выпускали военно-промышленной продукции столько, сколько до войны весь СССР, а к 1943 г. советская военная промышленность уже работала на полную мощность (Тюрина, 2010. С. 104). Через год после начала войны военное производство в СССР превзошло германское. Основным арсеналом армии стал Урал, где за годы войны произошел индустриальный подъем: к концу войны металлурги выплавляли более половины чугуна и стали, производившихся в стране, выпускали $\frac{2}{3}$ танков (больше, чем во всей Германии) и до 40% всего военного производства (Сперанский, 2010. С. 425–426).

Располагая меньшим чем противник совокупным экономическим потенциалом, советская система сумела распорядиться им более эффективно. Самоотверженный труд в тылу, где на предприятиях работали в основном женщины и подростки, стал не менее важным фактором Победы, чем массовый героизм советских людей на фронте. Во многих регионах

страны, на ее оккупированных территориях развернулось массовое партизанское движение.

Сложилась широкая антигитлеровская коалиция, включавшая к моменту окончания Второй мировой войны 53 государства, в том числе СССР, вошедшего в нее с нападением Германии, и США — после нападения на них Японии. Пока шла война в Европе США развернули беспрецедентное военное производство.

Отдельно следует оценить весьма неоднозначную роль союзников СССР в войне, прежде всего Англии и США.

Стратегия англосаксов по ведению войны в периферийных регионах мира и затягиванию открытия Второго фронта в Западной Европе в действительности была продолжением предвоенной политики, нацеленной на то, чтобы направить агрессию Гитлера на восток и столкнуть между собой «два тоталитарных режима» для их взаимоуничтожения. Она привела к перекалыванию основной тяжести ведения войны и военных жертв на СССР. Англо-американские союзники рассчитывали на взаимное изматывание нацистской Германии и СССР, чтобы ближе к окончанию войны самим прийти без особо больших потерь, полными сил, нарастившими военный потенциал и, нанеся завершающий сокрушительный военный удар, стать настоящими победителями в ней и диктовать свою волю послевоенному миру. Ленд-лиз (сыгравший свою позитивную, хотя и преувеличиваемую роль) вполне вписывался в эту стратегию, потому что, кардинально не укрепляя военно-экономический потенциал СССР, он уменьшал вероятность его поражения, несколько увеличивал способность СССР к сопротивлению нацистской агрессии и длительность ведения боевых действий, т. е. взаимное перемалывание живой силы и техники двух противников, их военно-экономических потенциалов. Подавляющую часть вооружений СССР производил сам. Тем не менее именно в начале войны поставки по ленд-лизу, две трети из которых составляли боевая техника и вооружения, сыграли существенную роль, частично восполняя выбытие из строя советской

техники на фронтах. С 1944 г. поставляемая продукция уже была почти полностью невоенной (Экономический фундамент..., 2016. С. 283).

Чем дольше продолжались война, взаимное истребление противников в Европе на Восточном фронте, тем в большем выигрыше оказывались США, а с ними и Великобритания.

Хотя СССР много сделал для победы до войны, однако ее исход решался на полях сражений. Именно СССР вынес на себе основную тяжесть войны, сделав максимум возможного для достижения Победы. Потеряв огромные, наиболее индустриально развитые и населенные территории в начале войны, СССР использовал время для эвакуации важнейших предприятий и кадров на восток, прежде всего в места, уже подготовленные в предвоенный период для развертывания оборонной промышленности. Он также переводил на военные рельсы предприятия «двойного назначения» и сугубо гражданские производства. Сначала были восстановлены предвоенные объемы военного производства, а к 1943 г. СССР стал производить намного больше передовых вооружений и военной техники. СССР выстоял перед сокрушающими ударами врага в начальные периоды войны, остановив его сначала под Москвой, а во второй половине 1942 г. — начале 1943 г. — в Сталинградской битве. И это укрепило военно-стратегические позиции СССР. С одной стороны, поражение вермахта сначала под Москвой, а затем и в Сталинграде исключило вступление в войну Японии и Турции, что могло кардинально переломить ее ход в пользу Германии (появление двух новых театров военных действий почти по всей дальневосточно-азиатской и закавказской границе СССР), с другой — англо-американские союзники наращивали свой военно-экономический потенциал, а с ним и объемы материальной помощи СССР. Кровавопролитная борьба СССР всем участникам антигитлеровской предоставляла выигрыш во времени: силы коалиции росли, а возможности рейха сокращались.

Германия не выиграла войну, потому что недооценила главного противника — СССР, его мобилизационный потен-

циал, эффективность плано-мобилизационной экономической модели и прочность общественного строя, единство народа и власти в борьбе с нашествием агрессоров, в целом — сплоченность народов при решающем вкладе русского народа с его национальным характером, готовность людей на фронте и в тылу к массовому героизму и самопожертвованию, способность командного состава учиться на своих и чужих ошибках, так что во второй половине войны советские полководцы переигрывали германских уже в наступательной войне. Недоучли стратеги рейха и естественно-природные факторы: невозможность блицкригом преодолеть огромные пространства при ожесточенном сопротивлении русских, что усугублялось и действием природно-климатических факторов (распутица, суровые морозы, да еще и плохие дороги, да горячее и обмундирование, не приспособленные к суровым морозам). Большая протяженность границ сокращала концентрацию сил «ударных кулаков», а оккупация больших территорий — расплывала силы и средства. Расовые установки и режим террора еще более усилили сопротивление врагу.

Победить СССР с его огромными мобилизационными возможностями нацистская Германия, даже со всеми ее союзниками и ресурсами покоренных стран, могла только посредством реализации концепции блицкрига, но его предотвратило героическое сопротивление. К затяжной войне Германия была не только не готова, но и обречена на радикальное изменение соотношения сил в пользу противника. Фактор времени работал против Третьего рейха по всем направлениям: геополитики и геоэкономики; военно-технического и собственно военного потенциала; военного искусства и военной стратегии; опыта командования и уровня подготовки войск; качества (и количества) вооруженных сил; мировой политики и дипломатии и т.д. Несмотря на огромные людские и материальные потери, мощь Красной армии постоянно возрастала.

С точки зрения политической и военной стратегии Гитлер проиграл войну против СССР еще до ее начала (Сенявский, 2002. С. 60–74).

С момента поражения под Москвой Третий рейх вел войну не за победу, а за выживание (хотя его руководство еще питало иллюзии о возможности переломить ход войны и обеспечить если не победу, то приемлемый выход из нее), тогда как после 1943 г. — фактически за продление любой ценой собственной агонии.

СССР не проиграл войну Германии потому, что благодаря массовому героизму сумел выстоять при колоссальных потерях, перестроить экономику, мобилизовать ресурсы, получил возможность маневрировать военными резервами, перебрасывая их из восточных регионов, получив сведения о том, что Япония не готова вступить в войну. СССР выиграл войну, поскольку, выдержав первый сокрушительный натиск врага, далее эффективно воспользовался всей совокупностью преимуществ перед противником, достигнутых еще в ходе довоенного развития.

СССР был главной страной, которая обеспечила Победу во Второй мировой войне, оплатив максимальными жертвами, но ее плодами в максимальной степени воспользовались США, которые «выиграли послевоенный мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куманев Г.А.* Война и эвакуация 1941–1942 гг. / Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. М.: Гриф и К, 2010.
2. *Маркова А.Н.* Экономические факторы великой победы / Экономика победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. Очерки. М.: ИЭ РАН, 2010.
3. *Сенявский А.С.* Сталин—Гитлер: стратегическая дуэль с точки зрения теории игр // Военно-исторический архив. 2002. №6. С. 60–74.
4. *Сперанский А.В.* Трудовой вклад населения Урала в Победу / Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. А.Н.Сахаров, А.С.Сенявский. М.: Гриф и К, 2010.
5. *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. / Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.

6. *Тюрина Е.А.* Опыт промышленной эвакуации первого года Великой Отечественной войны (на основе рассекреченных документов РГАЭ) / Экономика победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. Очерки. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 94–105.
7. *Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: монография* / Под общ. ред. И.В. Караваевой. М.: ИЭ РАН, 2015.

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор,

руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В МИР-СИСТЕМНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье отстаивается мысль о решающем вкладе Советского Союза в Победу над германским фашизмом, поддержанным почти всей остальной Европой. Особое внимание уделено беспримерному в истории тыловому подвигу советского народа. Предлагается рассматривать войну в контексте кризиса капиталистической мир-системы, сформировавшейся еще в XVII в.

Ключевые слова: советский народ, трудовой подвиг советского тыла, кризис капиталистической мир-системы, историография.

Три четверти века — огромный срок, за который сменилось не только несколько поколений, но и произошли эпохальные и отнюдь не только прогрессивные геополитические, социально-экономические и культурные изменения в мире. Распад СССР, ставшего после Великой Отечественной войны сверхдержавой, но не выдержавшего бремени внешнего давления и внутренних противоречий, не мог не отложить отпечатка на ретроспективное восприятие Победы. Бывшие союзники Советского Союза во Второй мировой войне вскоре после нее в новой войне — «холодной» — использовали против него идеологический снаряд под названием «тоталитарное государство», взятый как «трофей» у итальянских фашистов и оказавшийся, увы, довольно действенным. Сегодня не только остается все меньше и самих участников войны, и тех, кто слышал их живые рассказы, но и из культурного обихода выпадают произведения, передающие дух того времени, память о «героях огненных лет», как говорили в советскую эпоху. Сегодняшним школярам не знакомы не только «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого и его же

рассказ «Последний день Матвея Кузьмина» о самом пожилом Герое Советского Союза, но и стихи Елены Трутневой о всенародном боевом и трудовом подвиге.

Несомненно, что, как и в наше время, в обозримом будущем оценки Великой Отечественной войны останутся предметом острой идейной борьбы, в том числе и в историографии. В краткой статье невозможно остановиться на большинстве аспектов этой борьбы, но на некоторых я бы хотел акцентировать внимание.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что решающую победу во Второй мировой войне одержал **Советский Союз при поддержке мирового антифашистского движения**. Приведу отрывок из одного потрясающего документа — последнего выпуска газеты-листочка «Окопная правда», которую делал погибший пионер Валерий Волков (*Соколовский*, 1967), укрывавшийся вместе с горсткой однополчан в составе боевой десятки в здании одной из школ Севастополя:

«Наша десятка — это мощный кулак, который враг считает дивизией... Нет силы в мире, которая победит нас, Советское государство, потому что мы сами хозяева, нами руководит партия коммунистов. Вот посмотрите, кто мы...

1. Командир морского пехотного полка майор Жидилов, русский.
2. Капитан, кавалерист, грузин Гобиладзе.
3. Танкист, рядовой Паукштите Василий, латыш.
4. Врач... капитан Мамедов, узбек.
5. Летчик, младший лейтенант Илита Даурова¹, осетинка.
6. Моряк Ибрагим Ибрагимов, казанский татарин.
7. Артиллерист Петруненко из Киева, украинец.
8. Сержант, пехотинец Богомоллов из Ленинграда, русский.
9. Разведчик, водолаз Аркадий Журавлев из Владивостока.
10. Я, сын сапожника, ученик 4-го кл., Волков Валерий, русский» (цит. по: *Ларина*, 1963. С. 6).

1. Ей посвящена биографическая повесть известного осетинского писателя. См.: (*Джамиев*, 1978).

Такой перечень можно бесконечно продолжать, начиная с пионеров-героев, юных партизан и девушек-снайперов и увенчивая командующими фронтами, среди которых, кроме русских Жукова, Василевского, Конева, Мерецкова, Толбухина и других, поляк Рокоссовский, мордвин Пуркаев, армянин Баграмян, украинцы Ерёменко и Малиновский.

Если же говорить о мировом антифашистском движении, то здесь сложно переплелись движение Сопротивления (где главной, хотя и не единственной, силой были коммунисты в фашистских и оккупированных странах) и действия англо-американских союзников СССР, для которых после победы на первый план вышла задача «сдерживания» коммунизма. Советскому народу, несомненно, принадлежит главная заслуга в Победе, но не он, к сожалению, более всего выиграл от нее. Послевоенная «атомная дипломатия» вышеупомянутых англо-американских союзников и режим власти Генералиссимуса Сталина привели к новым лишениям советского народа, особенно колхозного крестьянства.

Главная составляющая культа Сталина, прежнего и нынешнего, — его заслуги как Верховного главнокомандующего, хозяйственного стратега и дипломата. Но, на мой взгляд, эти заслуги не покрывают военных просчетов и политико-социальных преступлений Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Вопрос о Сталине, думаю, неизбежно останется очень трудным и болезненным. В годы войны он, как известно, был не только Верховным главнокомандующим, но и Председателем Совнаркома и Госкомитета обороны. А перед войной, следуя ленинскому принципу: «не останавливаться перед варварскими средствами борьбы против варварства», руководил форсированной индустриализацией страны. Сталин направлял сформированную партией большевиков директивно-мобилизационную систему, которая в итоге одолела германский фашизм с его военной машиной. Эта система не могла бы функционировать без мобилизационной идеологии. Ее организующую роль Сталин ясно понимал и культивировал, насаждая при этом и собственный

культ как коммунистического вождя и «классика марксизма-ленинизма», а затем и «гениального полководца».

С одной стороны, форсированная индустриализация «сталинских пятилеток» подготовила почву для чуда эвакуации – стремительного перебазирования в годы войны промышленного производства на приуральские и зауральские заводы-дублиры. Не могу не согласиться с выдающимся военным историком А.И. Колгановым, что эпопея с эвакуацией советской промышленности на восток не имеет себе равных в мировой истории и она стала решающим фактором начального этапа Великой Отечественной войны, обеспечившим в итоге военно-техническое превосходство над Германией (Колганов, 2010. С. 230–231).

Но, с другой стороны, репрессии, возведенные Сталиным в атрибут «социалистического строительства», и предвоенные стратегические просчеты привели к огромным людским, материальным, территориальным потерям, особенно на первом этапе войны, которые значительно увеличили цену Победы, после которой, увы, репрессии не прекратились.

Директивно-мобилизационная система, как подчеркивает А.И. Колганов, позволила не только сконцентрировать ресурсы государства на выпуске военной продукции и довести ее долю в общем объеме производства до недостижимых для других воюющих стран величин, но и заменить на производстве рабочие руки ушедших на фронт мужчин изнемогающим трудом женщин и подростков (там же. С 232). Тыловая трудоваяковка Победы – это тоже исключительное явление в мировой истории (отмечу отмечу книгу об этом современного белорусского исследователя С.Ю. Девярых (*Девярых*, 2015)).

Добавлю к фактору тыла и директивно-мобилизационной системы лишь одну деталь. Расхожее представление, что Россия «богатейшая страна», унаследованное от СССР и оставшееся ныне как «мем», является продуктом именно форсированной советской предвоенной и военной индустриализации, в которую были интегрированы геологические исследования и службы. Для сравнения: ни о какой «богатейшей» Российской

империи в начале Первой мировой войны у серьезных людей речь не шла². Но экспедиции Академии наук СССР, созданная Вернадским, Ферсманом и их учениками геохимия обеспечили ту уникальную базу стратегического сырья (Ферсман, 1948. С. 241, 245–247; *Shimkin*, 1953), которой располагал только Советский Союз и без которой Победа едва ли бы состоялась.

Напоминание о вкладе в Победу отечественной научной и инженерно-конструкторской мысли подводит к еще одной теме, связанной со Сталиным, — его известном тосте про русский народ, который «является наиболее выдающейся из всех наций, входящих в советский народ». С каждым поколением становится все труднее оценить сплав в советском патриотизме патриотизма русского и коммунистической идеи (включавший, между прочим, и пафос подъема производительных сил страны). Явно не коммунистическая идея стояла за подвигом, например, самого старшего по возрасту Героя Советского Союза — крестьянина с Псковщины Матвея Кузьмина. Но все же невозможно отрицать, что основной удар схватки с фашизмом приняли на себя выросшие уже в советские годы. Например, среди более 60 летчиков-асов, удостоенных во время войны звания дважды Героев Советского Союза, три четверти, включая трижды Героя Ивана Кожедуба, родились в 1917 г. и позже. Те, кто в юном возрасте учили стихи Владимира Маяковского, отстояли воспетую им «страну-подростка».

И раз уж я вспомнил о поэзии, хочу привести стихотворение, написанное сразу после войны пермской поэтессой Еленой Трутневой (1884–1959), когда-то заслуженно входившее в хрестоматию «Родная речь» для начальных классов и передающее значение единства фронта и тыла для Победы:

2. В.И. Вернадский, основывая легендарную КЕПС (Комиссию Академии наук по изучению естественных производительных сил России), отмечал в 1915 г., что с началом войны перед русским обществом неожиданно открылась «недопустимая для сильной, здоровой страны... экономическая зависимость нашей жизни от Германии», связанная с очень слабым знанием о собственных минеральных ресурсах, особенно о запасах цветных металлов (*Вернадский*, 1915. Сер. 6. Т. 9. №8. С. 680–682).

Слава герою-бойцу!

С врагами я бьюсь, — сказал боец, —
На это и жизни не жаль,
Но штык для меня ковал кузнец,
Крепка закаленная сталь.

Я выковал штык, — кузнец говорит, —
Как жар он на солнце горит!
Но звонкую сталь — драгоценный дар —
Выплавил брат-сталевар.

Конечно, — сказал сталевар, — металл
Я сам из руды достал,
Но в темные недра Уральских гор
Спускался не я, а шахтер.

Да, это правда, — шахтер сказал, —
Забой у меня каменист.
Руду я достал, но к вам на вокзал
Ее привозил машинист.

Ну да, — сказал машинист, — по стране
Я езжу во все концы,
Но хлеб добывают и вам и мне
Родные наши жнецы.

Что ж, это правда, я всех кормлю, —
Сказал машинисту жнец, —
Но землю, которую я люблю,
Сберег для меня боец.

К сожалению, сегодня под видом «полноты культурного наследия» даже в школьные программы проникают сочинения всяких там «белых» эмигрантских «классиков словесности» наподобие Ильина, Шмелёва, Мережковского или грузина Робакидзе. Они выступили подголосками кликуш Третьего рейха, голосящих о международной миссии борьбы с большевизмом, и «поплыли» к берегам нацизма на верхушке айсберга настроений европейских обывателей, уповавших на фашизм как на противовес «большевизации» Европы.

А вот пример, так сказать, европейской «цивилизованной подлости» от знаменитого швейцарского психоаналитика К. Юнга. Он заявил в интервью американскому журналисту (1938): «Единственный путь спасти демократию на Западе — не пытаться остановить Гитлера... Я предлагаю направить его на Восток. Переключить его внимание с Запада и, более того, содействовать ему в том, что удержит его в этом направлении. Послать его в Россию».

Заметим, что это — реплика из «нейтральной» страны. А вот — не только реплика из другой «нейтральной» страны — Швеции, оказавшейся между примкнувшей к фашистской «оси» Финляндией и коллаборационистской Норвегией. Войска вермахта перебрасывались между этими странами по скандинавским железным дорогам. Социал-демократическое правительство Швеции, обеспечивая стране возможность разрешения экономического кризиса в рамках «государства всеобщего благоденствия», отказалось от экономического бойкота нацизма. Что неудивительно — ведь военная машина Третьего рейха обеспечивала обширный внешний рынок (до 90% шведской торговли) с гарантиями выгодного сбыта железной руды, качественной стали, ферросплавов, лучших в мире знаменитых шарикоподшипников и других стратегических товаров (Чернышева, 1980. С. 151–153).

С учетом того, что кроме «нейтральных» Швейцарии и Швеции неоккупированными в континентальной Европе остались только пиренейские профашистские государства, не будет преувеличением сказать, что советскому народу пришлось воевать против германского фашизма (нацизма), обеспеченного ресурсами почти всей Европы.

Но позволю себе поставить этот вопрос в более широком историческом контексте.

Фашизм — это болезнь западной цивилизации, принявшая злокачественную форму вследствие двух величайших кризисов капитализма — 1914–1919 и 1929–1933 гг.

Школа мир-системного анализа, к которой я примыкаю, определяет 1914–1945 гг. как «Тридцатилетнюю войну» XX в.

и ставит в один ряд с Тридцатилетней войной XVII в., спровоцированной как конкуренцией европейских государств за доступ к источникам денежного богатства, так и кризисом западнохристианского мироотношения из-за Реформации. «Реформация — один из удивительнейших духовно-идеологических процессов: ее отдаленные последствия благотворны; ее ближайшие результаты — чудовищны» (Соловьев, 1991. С. 128). Вековой конфликт Реформации и Контрреформации, а также Тридцатилетняя война, которая стала величайшей после пандемии чумы XIV в. демографической катастрофой, привели к победе капиталистической мир-системы (Валлерстайн, 2001. С. 101).

Тридцатилетняя война XX в. также стала демографической катастрофой, но связанной уже не со становлением, а с перетряской капиталистической мир-системы и новым кризисом мироотношения. Ему предшествовали секуляризация, классовый конфликт в индустриальном обществе, крушение гуманизма, социал-дарвинизм и, наконец, особенно трагический для России конфликт революции и контрреволюции, с мутациями живучих в человеческой природе «вирусов» морального уродства и садизма.

Средневековое мироотношение было пронизано религиозной и сословной оболочкой психической оппозиции «мы — они». Раскол западного христианства, с одной стороны, отразил усиление позиций «неблагодарного» сословия и формирование национально-государственных интересов; с другой — добавил к психической оппозиции «мы — они» протестантскую доктрину предопределения (меньшинство избрано к спасению; большинство обречено на адские муки). «Заря капиталистического накопления» (Маркс) — это не только конкистадорско-колонизаторский геноцид туземцев, работорговля, бесчинства европейских наемных армий и сожжения «ведьм» и «еретиков», в чем «протестанты перещеголяли католиков» (Энгельс). Это и расползание морального уродства в форме, описанной персонажем «Трех мушкетеров» лакеем Мушкетером, чей отец во время религиозных войн, обзаведясь пищалями, прики-

дывался то ярым католиком, чтобы ограбить гугенота, то ярым гугенотом, чтобы ограбить католика.

Расползание моральной «коричневой чумы» XX в. — фашизма — происходило в питательной среде:

- замещения христианского фундаментализма социал-дарвинизмом в разных вариантах;
- этноцентризма как простейшего способа садистического самоутверждения обывателя над «они» в составе «мы» (идентификация с «избранной» нацией и «высшей» расой);
- ожидания «голосующим стадом финансового капитала» (*Гильфердинг, 1922. С. 416, 418*)³ доходов и карьер от империалистической экспансии;
- массовой фрустрации после Версальского передела, которым капиталистические «великие державы» искромсали мир, принуждая «заплатить за все» обкорнанные побежденные «центральные державы» (Германию, Австрию, Венгрию) и презрительно показав фигу союзникам (Италии, Японии);
- раздвинутых новыми технологиями и средствами массовой (дез)информации границ манипулирования социальными слоями, что создало возможности расширять, «омассовлять» опору диктатур;
- контрреволюционного наступления крупного капитала и остатков сословного строя на борьбу рабочего класса, подавление его организационной самостоятельности и активности.

Тридцатилетняя война XVII в. закрепила расхождение между странами-лидерами капиталистического накопления и отстающими феодальными странами Восточной Европы. В одних более или менее упрочивались позиции «среднего сословия» или «нового дворянства», расширявших применение наемного зарплатного труда (*Валлерстайн, 2001. С. 36–38*).

3. Знаменитый теоретик австрийской и германской социал-демократии Р. Гильфердинг был выдан французским режимом Виши нацистам и погиб в гестаповской тюрьме в Париже в 1941 г.

В других же «старая» военно-землевладельческая знать законсервировала «второе крепостное право», заимствуя при этом при подавлении народных возмущений некоторые военные приемы повстанцев (*Богданов, Степанов, 1923. С. 108*). В начале же XX в. европейский финансовый капитал, в борьбе за рынки уже проливший потоки крови «цветных рас», активно заимствовал новые приемы классовой борьбы у своего социального антагониста — пролетариата. В 1913 г., например, известные либеральные политэкономы и социологи братья Веберы опубликовали результаты одного обследования, показавшего масштабы новых приемов борьбы капиталистов Второго рейха с организованным рабочим движением, — пропаганды, поддержки «желтых профсоюзов», засылки штрейкбрехеров и т.п. А через несколько лет, после поражения Второго рейха, а затем — коммунистических восстаний в Германии, крикливый агент военного командования Германии Гитлер сумел с зародыша придать Национал-социалистической рабочей партии программный реваншистский и антисемитский характер, ставший потом краеугольным камнем Третьего рейха.

Революционная волна, разлившаяся по миру после победы в России «военно-коммунистического блока трудовых классов» (*Богданов, Степанов, 1926. С. 316*) во главе с партией Ленина—Троцкого, заставила крупный капитал и сословные остатки Европы в контрнаступлении объединяться с этноцентристским мелкобуржуазным бунтарством. В нем находили способы садистического самоутверждения обнищавшие, но обкатанные войной массы, включая изрядное количество *молодых* агрессивных маргиналов или, точнее сказать, *лиминалов* (*Вильчек, 1989. С. 116*). Изначально противостоявшие фашизму итальянские коммунисты еще в 1920-е гг. определили его как «несанкционированное законом насилие со стороны капиталистического класса» (*Грамини, 1957. С. 471*) и одновременно как «результат бунта мелкой буржуазии, задавленной в схватке между крупным капиталом и рабочим движением» (*Лонго, Салипари, 1974. С. 199–200*).

Агрессивные лиминалы появляются и в новых поколениях, растущих в условиях современного «фейкового капитализма» (А.В. Бузгалин) и классового реванша буржуазной олигархии. Молодежное садистическое самоутверждение в новых (или «хорошо забытых старых») формах может пересекаться с фашизмом, особенно если учесть незамысловатость этноцентризма и расизма и одновременно привлекательность для недоразвитого сознания мистической стороны фашизма.

В заключение позволю себе несколько замечаний о расползающейся тенденции ставить на одну доску «фашизм» и «коммунизм». Я не случайно закавычил эти определения, также как ниже буду вынужден закавычить и другие, поскольку слишком много было перемолото «измов» в XX в., слишком много пролилось из-за них крови, и слишком легко в наше время манипулировать отождествлением одних понятий с другими, заведомо ненавистными публике.

Известно, что в современной России, в «этой стране», есть немалое число тех, для кого быть «либералом» значит прежде всего оправдывать чрезмерное социально-экономическое неравенство и понимать «плюрализм» как право на заведомую ложь, невежество, подтасовку фактов. Таких «либералов» не без оснований называют «либерастами». Расплодился в XXI в. и носители российского «имперского коронавируса» — «патриоцаристы», или «имперасты», которых можно назвать также «лейкорастами» (от *греч.* «лейкос» — «белый» или *рус.* «лейка» — мелкий сосуд для поливки; в данном случае — для поливки исторической лжи о «передовой» Российской империи начала XX в.⁴, управляемой «дальновидным» царем Николаем II, «вклад» которого в Победу уже «всерьез» обсуждается).

Если целью главного антикоммуниста и военно-фашистского преступника XX в. — Гитлера — было (как он однажды резюмировал) «вычеркнуть из истории 1789 год», то нынешних антикоммунистов (как «либерастов», так и «импера-

4. См., например: (Глобели, 2016).

стов-лейкорастов») — несомненно, «вычеркнуть из истории 1917 год».

Но «либералы» — понятие широкое. На Западе со времен «смешанной экономики» так назывались и сторонники «государства благосостояния» (Самуэльсон, Гэлбрейт и т.п.), которые отнесли социалистическое планирование к «альтернативной» экономической системе, отнюдь не отождествляя ее с фашистской. В «первом мире», несмотря на «трофейный» запуск во время «холодной войны» формулы итальянских фашистов «тоталитарное государство» как идеологического снаряда против «второго мира», были отодвинуты на задний план упертые апологеты открытой и ничем не ограничиваемой поддержки монополистического капитализма. Однако рост популярности неоллиберализма, упорно именующего себя «классическим либерализмом» и без стеснения оправдывавшего как растущее неравенство в доходах, так и террористические диктатуры проамериканских «сукиных сынов» в «третьем мире», побуждал для легитимации монополистического капитализма атаковать и «распространенную точку зрения, что фашизм есть продукт современного капитализма», и даже призывать к отказу от «прокоммунистически окрашенного» слова «антифашизм», заменяя его каким-нибудь «основным антитоталитарным консенсусом». Ясно, что подоплека подобных подлогов — еще и стремление США и Англии присвоить себе все лавры победителей во Второй мировой войне.

Для доморощенных «либерастов» вроде нижегородского ламоля-чернокнижника Немцова версия об одной «красно-коричневой» доске — это важная часть легитимации разрушения СССР и «прихватазации» 1990-х гг., надолго (если не навсегда) превративших Россию в страну сырьевой специализации и вопиющего разрыва в доходах. Но 1990-е гг., как я уже говорил выше, проторили дорогу не только «либерастам», но и якобы «патриотическим» «имперастам-лейкорастам», всякого рода подонкам вроде бывшего директора цементного завода во Владимире, прихватазившего предприятие и на «свое» бабло устроившего теперь в Подмоскovie бело-коричне-

вый «музей антибольшевистского сопротивления». При этом тупорылые панегиристы Гольштейн-Готторп-Романовской ветви, кондотьера Антанты Колчака (почитателя «протоколов Сионских мудрецов») и казаков-«арийцев» в бело-коричневых власяницах и шкурах в упор не желают видеть, что «им» на Западе победы, отнимаемой у советского народа, не отдадут. А множить «фэнтези» о «победе» в Первой мировой войне, якобы украденной «жидобольшевицким» переворотом у нежизнеспособной Российской Республики, можно сколько угодно. Они годны разве что для остротки некоторых лиц еврейской национальности, падких ставить на одну доску идеологию классово-борьбы и нацистский расизм и антисемитизм.

Но нужно помнить и другое. Коминтерн в 1920–1930-е гг., под давлением Сталина, называл «социал-фашизмом» европейскую социал-демократию. Коминформ в конце 1940-х гг. объявило «фашистской кликой» руководство Союза коммунистов Югославии во главе с Тито. Число коммунистов, уничтоженных коммунистами Сталиным и Тито, мягко говоря, огромно. Среди них и такие видные фигуры Победы над фашизмом, как член Государственного Комитета Оборона и председатель Госплана СССР, автор книги «Военная экономика СССР в годы войны» Н. Вознесенский, руководитель словацких партизан Р. Сланский, начальник Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии А. Йованович. Наконец, и СССР в итоге развалили коммунисты с большими или малыми партстажами.

Великая Победа и ставшее возможным благодаря ей первенство СССР в практической космонавтике были высшими достижениями «советского проекта» как попытки выхода за пределы капиталистической мир-системы, ограничивавшей экономическую траекторию России «сползанием» на периферию. Но вопрос об убедительной мир-системной интерпретации истории СССР пока остается открытым. А тесно связанный с ним вопрос об отдаленных последствиях антикапиталистической революции имеет отнюдь не только академический интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов А.А., Степанов И.И.* Курс политической экономии. Т. II. Вып. 2. М.: Пг.: Госиздат, 1923.
2. *Богданов А.А., Степанов И.И.* Курс политической экономии. Т. II. Вып. 4. М.: Пг.: Госиздат, 1926.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга, 2001.
4. *Вернадский В.И.* Об изучении естественных производительных сил России // Известия Императорской академии наук. 1915. Сер. 6. Т. 9. №8.
5. *Вильчек В.М.* Алгоритмы истории. Философско-социологические этюды. М.: Прометей, 1989.
6. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М.: Госиздат, 1922.
7. *Глобели Г.* Чубайсофия, или Блеф и нищета «новой русской идеи» // Альтернативы. 2016. № 2. С. 277–303.
8. *Граммши А.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
9. *Девятых С.Ю.* Дети и подростки Страны Советов в Великой Отечественной войне. Минск: РИВШ, 2015.
10. *Джатиев Т.И.* Дика. М.: Советская Россия, 1978.
11. *Колганов А.И.* Миф 7. «За Родину! За Сталина!» / Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2010.
12. *Ларина В.* По следам «Окопной правды» // Правда. 1963. №39 (8 февраля).
13. *Лонго А., Салинари К.* Между реакцией и революцией. М.: Политиздат, 1974.
14. *Соколовский А.А.* Валерий Волков. Серия «Пионеры-герои». М.: Изд-во «Малыш», 1967.
15. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас. М.: Политиздат, 1991.
16. *Чернышева О. В.* Швеция в годы Второй мировой войны. М.: Наука, 1980.
17. *Ферсман А.Е.* Занимательная геохимия. М.: Детгиз, 1948.
18. *Shimkin D. B.* Minerals. A Key to Soviet Power. Massachusetts: Harvard University Press, 1953.

Ю.Г. Павленко

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник сектора политической экономики Института экономики РАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УРОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматривается социально-экономическая политика страны в предвоенные годы, направленная на создание материально-технического и человеческого потенциалов, способных обеспечить Победу в предстоящей войне. Представлены направление и содержание инновационной экономики, как условия адекватного ответа на современные вызовы. Обосновывается необходимость мобилизационной экономики, опирающейся на адекватную стоящим задачам мобилизующую идеологию, способную обеспечить экономическую и политическую независимость. Приводится успешный пример механизмов мобилизационной экономики в Китае. Затрагиваются проблемы качества управленческой элиты и ее соответствие «этике служения».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационная экономика, инновационная экономика, идеология, элита.

Победа в Великой Отечественной войне в 1945 г. несомненно является эпохальным событием в мировой истории и в истории нашей страны. Вместе с тем — это результат огромных усилий всего государства и общества, итог успешной мобилизации ресурсов страны как до, так и во время войны. Хотелось бы остановиться на осмыслении уроков Победы прежде всего с точки зрения тех современных вызовов, перед которыми оказалась наша страна в экономическом и геополитическом плане. Необходимы также шаги по формированию институциональных механизмов, способных обеспечить адекватные ответы на существующие вызовы, с опорой прежде всего на стабильный экономический рост.

Факторы Победы

Говоря о составляющих Победы, следует начать с того, что наша страна задолго и планомерно готовилась к войне. Приведем высказывание И.В. Сталина на Первой Всесоюзной

конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., где он так говорил о «волчьем законе капитализма»: «Ты отстал, ты слаб, значит, ты неправ, стало быть, тебя не надо остерегаться. Вот почему нам нельзя больше отставать... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Петров, 2013).

Подводя некоторые итоги предвоенным усилиям, историк С. Переслегин в одной из своих работ отмечает, что «...сдвиг, осуществленный Советским Союзом к середине 1930-х годов, был весьма впечатляющим. В эпоху индустриализации вошла страна, способная, в лучшем случае, воевать с Польшей. Из этой эпохи вышла военная и промышленная держава первого класса, сразу вступившая в мировое технологическое соревнование (Переслегин, 2006. С. 18). Тот самый скачок, о необходимости которого писал Сталин, Запад просто не заметил. В результате через десять лет, в 1941 г. Гитлер воспринимал СССР как «колосс на глиняных ногах», мощь которого все также соизмерима с Польшей. Не случайно, согласно плану Барбаросса, активные боевые действия должны были продлиться не более двух-трех месяцев. Схожими относительно сроков были и оценки британцев с американцами (Петров, 2013). В этой связи хотелось бы привести данные из опроса чешского интернет-издания «Parlamentnilisty.cz», проведенного в 2016 г. На вопрос, кто больше всего виноват в поражении Гитлера, 3% респондентов выбрали следующий из предложенных, с присущим чехам юмором, вариант ответов: «Гитлер сам проиграл благодаря своей глупости и мегаломании» (kdo se podle..., 2016).

Несомненно, важнейшим условием, обеспечившим нашу Победу, явилось, то, что на научном языке называется «человеческий потенциал». Известный русский историк и политик П.Н. Милюков в 1943 г., незадолго до своей смерти, находясь на юге Франции, написал статью, где приводил свидетельства русских эмигрантов, оказавшихся в рядах германской армии и общавшихся с русскими военнопленными. По их

утверждению, в России «народ изменился, стал гораздо развитее, сообразительнее». Советская власть «для них все. Она их вывела в люди, и они ничего другого не хотят». Милюков признал также, что за разрушительной стороной русской революции нельзя не видеть ее творческих достижений. Он отмечал, что революция — органическая часть русской истории и «четвертьвековой режим большевиков не может быть простым эпизодом» (Шкаренков, 1987. С. 190–191). В этой связи он писал о достижениях большевиков в таких областях, как укрепление государственности, развитие экономики, создание армии и военной индустрии, необходимого аппарата управления. В ходе полемики по поводу своей статьи Милюков заявил, что советский гражданин гордится своей принадлежностью к режиму. «Он не чувствует себя «рабом» и проявляет большую самостоятельность в поведении. А главное, он не чувствует над собой палки другого сословия, другой крови, хозяев по праву рождения» (там же).

Приведенные оценки русского эмигранта не случайны. В годы предвоенных пятилеток в стране произошла культурная революция. К концу первой пятилетки общие расходы на образование и просвещение выросли почти в 6 раз. К концу второй появилось более 20 тыс. новых школ — ровно столько, сколько было создано в имперский период за 200 лет, а расходы государства на культурное строительство — школы, вузы, учительские кадры, науку, печать и т.д. — более чем в 5 раз превысили затраты в первую пятилетку (Спицын, 2015. С. 257–258). С реконструкцией народного хозяйства была также тесно связана и деятельность всех научно-исследовательских институтов, количество которых за годы первой пятилетки увеличилось почти в 7 раз — с 30 до 205. А уже к концу второй пятилетки в стране насчитывалось почти 1230 научных учреждений, где работали почти 38 тыс. научных сотрудников и лаборантов, половина из которых были выпускниками уже советских вузов (там же. С. 260).

Таким образом, на своем пути к Победе Советский Союз опирался на созданную в предвоенные пятилетки мощь-

ную научно-производственную базу и развитый человеческий потенциал. Примечательная деталь, характеризующая разумное, плановое начало в тогдашнем руководстве страной: на случай вынужденной эвакуации на восток заранее была создана необходимая производственно-техническая инфраструктура для размещения предприятий не в чистом поле, а в соответствующим образом заранее подготовленных местах. Это позволило успешно провести масштабную эвакуацию и размещение техники и работников на востоке страны.

Организационный фактор, эффективное в целом централизованное руководство армией и тылом явились важнейшим условием Победы. Основой организационного успеха послужило единство и сплоченность народа, так называемое морально-политическое единство, основанное на более прогрессивной идеологии. Историки отмечают, что советские генералы рабоче-крестьянской армии победили немецких генералов — выходцев из дворянства. Вместе с тем в ходе войны имели место и серьезные просчеты, в том числе «системного» характера, обусловленного культом личности И. Сталина. Историк Е.Ю. Спицын приводит следующий эпизод в своей книге, посвященной истории Великой Отечественной войны. В октябре 1939 г., после установления новых западных границ СССР, по указанию И.В. Сталина руководство Генерального штаба РККА приступило к составлению нового стратегического плана развертывания войск. В июле 1940 г. рабочая группа под руководством начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова представила на утверждение Политбюро ЦК такой план. Однако в ходе его обсуждения И.В. Сталин не согласился с тем, что главным театром военных действий в предстоящей войне станет западное стратегическое направление. Он потребовал от руководства Генштаба срочно переработать план с учетом того обстоятельства, что главным театром предстоящей советско-германской войны станет юго-западное стратегическое направление (там же. С. 310). Как известно, Сталин ошибся в определении направления главного удара немцев, что в конечном счете нам дорого обошлось.

Сформулируем некоторые выводы, основывающиеся на опыте решений сложных проблем социального и экономического развития страны в предвоенные и военные годы, которые позволили нашему народу добиться Победы в Великой Отечественной войне. Во-первых, ускоренное развитие, обеспечивающее экономическую и политическую независимость, требует реализации мобилизационного проекта, опирающегося на научно-технические достижения и образованное, культурное население. Во-вторых, управлять страной должны лучшие. Кстати, И. Сталин крайне отрицательно относился к, как он выражался, «атаманству», когда кадры подбираются не по профессиональным качествам, а по дружбе, землячеству, личной преданности. В-третьих, в стране должно быть демократичное, коллективное руководство. Судьба страны не должна зависеть от состояния и поведения одного человека. В-четвертых, в основе растущей, эффективной экономики должна быть передовая идеология.

Инновационная экономика

Современное российское государство сталкивается с беспрецедентными, с периода окончания Второй мировой войны, геополитическими вызовами со стороны Запада. Все чаще приходится слышать высказывания о новой «холодной войне». Причем в отличие от предыдущей Россия сегодня не может опереться на многочисленных союзников. Невольно вспоминается высказывание императора Александра III о том, что у России есть только два союзника: армия и флот. Но они должны опираться на мощную экономику. А здесь, как известно, существуют большие проблемы. Они, на наш взгляд, вытекают из реализуемой консервативной или, если угодно, инерционной стратегии, когда развитие экономики (если вообще здесь можно говорить о нем) опирается на ее сырьевой потенциал.

В современных условиях обеспечить экономическую и военную безопасность и политическую независимость

страны можно только с помощью инновационной экономики и мощного научно-технического потенциала. При этом необходим креативно-инновационный подход к стратегии развития. Он предусматривает поиск новых форм социально-экономических, производственных отношений, учитывающих кардинальные изменения в материально-технической базе современной экономики. Суть таких изменений все чаще определяется понятием «экономика знаний». Данный термин ввел в оборот Фриц Махлуп (Fritz Machlup) в 1962 г. Первоначально это понятие относилось к соответствующему сектору экономики. Сегодня оно трактуется шире, под ним подразумевается «экономика, базирующаяся на знаниях» или инновационная экономика в целом (Макаров, 2003). Выбор креативно-инновационного направления стратегии определяется кроме того масштабами вызовов, обусловленными местом России на геополитической карте мира, которое диктует необходимый уровень ее политической и экономической независимости и самостоятельности.

Существенное отставание России в экономическом плане требует поиска и нахождения прорывных решений как социально-экономического, так и технологического характера, опирающихся на понимание глубинных закономерностей развития, перспективных трендов. Россия, в силу обретения значительного исторического опыта социальных инноваций — как положительного, так и отрицательного характера, а также накопленного научно-технического потенциала, вполне способна, как нам представляется, ответить на отмеченные вызовы.

Способность обеспечивать экономический рост в рамках креативно-инновационного подхода, реализуемого в современной экономике знаний, определяется, прежде всего, состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для его оценки в той или иной стране в рамках международных сопоставлений используются показатели наукоемкости, представленные в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Затраты на исследования и разработки (НИОКР) в 2015 г. (в % к ВВП)

Республика Корея	4,29
Израиль	4,11
Япония	3,59
США	2,74
Китай	2,05
Россия	1,13
Турция	1,10
Польша	0,94
Украина	0,66

Источник: (Индикаторы науки..., 2017. С. 255).

Таблица 2. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в 2015 г. (в расчете на 10 000 занятых в экономике)

Израиль	174
Республика Корея	135
США	89
Россия	66
Китай	20
Польша	50

Источник: (Индикаторы науки..., 2017. С. 272).

Данные табл. 1 позволяют сделать вывод о наличии определенной положительной корреляции между уровнем наукоемкости и уровнем экономического развития страны. В самой верхней части табл. 1 располагаются ведущие страны (Корея и Израиль), демонстрирующие ускоренные темпы развития в последние годы и делающие ставку на интенсивное использование научных достижений в условиях отсутствия природных ресурсов. Следует также отметить, что в наиболее крупных высокоразвитых странах показатели наукоемкости, как правило, не достигают наибольших величин в силу масштабов экономики и наличия уже накопленного научного потенциала. На фоне других стран тревожно выглядит скромный показатель наукоемкости в России, учитывая то обстоятельство,

ство, что в Советском Союзе он был одним из самых высоких в мире. В период радикальных реформ величина данного показателя в России снизилась почти в 3 раза.

О наличии определенной инерционности, относящейся к развитию кадровой составляющей научного потенциала России, свидетельствуют данные табл. 2, где отставание по этому показателю наукоемкости, измеряемому как соотношение занятых в сфере НИОКР и общей численности занятых в экономике, заметно ниже. Данные диспропорции указывают также на относительно более низкий уровень оплаты труда в российской науке по сравнению с общим объемом финансирования данной сферы.

Таблица 3. Объемы экспорта и импорта технологий в 2015 г. (млрд долл. США)

Страны	Экспорт	Импорт
Россия	1,65	2,21
Япония	34,55	48,43
США	136,27	89,42
Польша	6,0	5,7

Источник: (Индикаторы науки..., 2017. С. 298).

Приведенные в табл. 3 сравнительные данные по экспорту и импорту технологий свидетельствуют о значительном отставании России в плане масштабов интеграции с зарубежными странами в научно-технологической сфере, а также о низкой эффективности использования научного потенциала России, что отражается на показателях экспорта, и о недостаточной востребованности передовых технологий со стороны российских предприятий. Проблемы с внедрением научных разработок, инноваций в российской экономике, к сожалению, сохранились и в рыночных условиях, «перекочевав» из «директивного» советского прошлого. Все это указывает на наличие дисфункций системного характера в процессе формирования в России современной экономики знаний (Павленко, 2018. С. 129–141).

Мобилизационная экономика

Перед лицом трудностей и вызовов, с которыми сталкивается российская экономика, звучат предложения о переходе к реализации в нашей стране ее мобилизационной модели. Мобилизационная экономика в нашем представлении — это такая экономика, при которой ресурсы страны концентрируются на выбранных, ключевых направлениях развития народного хозяйства и общества в целом. Она предусматривает наличие соответствующих институциональных, организационных и мотивационных механизмов мобилизации ресурсов. Такая экономика может различаться в зависимости от конкретной страны и реализовываться в различных социальных системах — как в плановых, так и в рыночных. К наиболее «жестким» типам мобилизационной экономики следует отнести экономику в условиях военного времени, или просто военную экономику. В период существования СССР, в частности во время Великой Отечественной войны, в нашей стране был накоплен значительный опыт функционирования мобилизационной экономики как в военное, так и в мирное время. Исходя из поставленных перспективных целей, культурно-исторических традиций страны, ее положения в мировой экономике и геополитике, механизмы мобилизации ресурсов могут быть самые разные.

В современной России также наличествуют определенные организационные предпосылки и элементы мобилизационной экономики. Прежде всего, речь может идти о так называемой двухсекторной модели экономики. Первый сектор — государственный — формируют по большей части государственные корпорации, в задачи которых входит реализация инфраструктурных и оборонных проектов. Вторым сектором составляют частные предприятия. В рамках данной модели переплетаются рыночные и административные методы регулирования, государственная и негосударственная формы собственности.

Примером успешного опыта функционирования современной мобилизационной экономики смешанного рыночно-

планового типа может служить современный Китай. Одним из факторов успешности китайской экономики служит наличие в ней четких перспективных целей, механизмов их реализации, включающих меры как стимулирования, так и ответственности.

Система и механизмы мобилизационной экономики в современном Китае опираются на определенные методологические подходы, заслуживающие внимательного изучения. При этом в китайской модели реформ выделяются следующие основные моменты.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что при выборе приоритетов между реформами, развитием и стабильностью на первое место выдвигается последняя. Но речь при этом идет о стабильности в условиях динамично развивающейся экономики. Во-вторых, главной задачей модернизации становится ликвидация бедности и нищеты. В-третьих, обновление институтов строится на основе экспериментов. Когда-то, в советское время, и у нас эксперименты были достаточно распространенным явлением. Однако в условиях застоя они носили в основном формальный характер, и даже положительные их результаты не находили, как правило, достойного применения. Представляется, что есть все основания в новых условиях вернуться к этой несправедливо забытой практике. Наконец, в-четвертых, реформы в Китае осуществляются поступательно, шаг за шагом. Неэффективные институты не разрушаются, а постепенно реформируются. Используется последовательная очередность приоритетов: сначала более легкие реформы, потом более трудные, сначала в деревне, потом в городе, сначала в приморье, потом внутри страны, сначала в экономике, потом в политике (Бергер, 2009. С. 54).

Следует также добавить, что одним из источников успеха китайской экономической мобилизационной модели является ее последовательная кадровая политика, опирающаяся на высококвалифицированную и ответственную управленческую элиту. Она основывается на практике регулярной ротации обновления кадров, механизмах, позволяющих эффективно использовать кадровый, управленческий потенциал страны.

Идеология, геополитика, элита

В последние годы, перед лицом отмеченных выше вызовов, в общественной и научной среде периодически возникают дискуссии о необходимости государственной идеологии. И эти дискуссии не случайны. Во-первых, идеология, несомненно, сыграла свою роль в достижении Победы. Во-вторых, она, как и система ценностей, играет важную мобилизующую роль в любое время. Проблемы, так или иначе затрагивающие вопросы идеологии, возникают постоянно в контексте тех или иных событий. Затронули они и отношение современного российского государства к Победе. С одной стороны — беспрецедентное внимание к этому событию. Масштабы торжеств зачастую превышают то, что происходило в советские годы. Главным праздником считалась все же годовщина Октябрьской революции. С другой — некоторая пикантность, противоречивость ситуации, которая заключается в том, что отмечается Победа народа, которого формально уже нет. Речь идет о советском народе. Российский — это, строго говоря, не советский народ. Советский народ, пусть иногда формально, жил в условиях господства социалистической идеологии, по принципам: «человек человеку друг, товарищ и брат», «от каждого по способностям, каждому по труду». Сегодня, к великому сожалению, согласно предлагаемой де-факто идеологии, человек человеку в лучшем случае партнер. Невольно вспоминаются персонажи рекламных роликов МММ с их заклинанием: «Мы же партнеры». Все конечно знают, чем закончили свою деятельность МММ и его «партнеры». Но играть в «партнеров» в широком смысле страна продолжает.

Доминирующую сегодня в обществе идеологию можно, пожалуй, выразить одним понятием — личное обогащение. Правда, в рамках закона, мы же цивилизационное государство. Но возникают большие сомнения, что с вышеобозначенной идеологией наш народ смог бы победить. Нынешняя по факту идеология в РФ антипродуктивна, поскольку не способна мобилизовать страну и ее ресурсы. Другим основанием современной российской идеологии «по факту» явля-

ется антисоветизм. Наглядным примером может служить стыдливое прикрытие Мавзолея Ленина при проведении тех же Парадов Победы. И, наконец, бедный товарищ Сталин, который «хуже Гитлера», поскольку Гитлер якобы уничтожал только чужих, а Сталин своих. Откуда же некоторым российским чиновникам знать, что количество репрессированных нацистами политических противников сопоставимо с жертвами «сталинских репрессий», если, конечно, не считать последних по книжкам А.И. Солженицына.

В России даже у образованных граждан существует расхожее мнение о главном отличии Гитлера от Сталина: первый убивал чужих, второй — своих. Ничего подобного — в 1933—1945 гг. в концлагеря были отправлены 3,5 млн немецких граждан, из которых 500 тыс. погибли. В процентном отношении это больше, чем умученных в сталинском ГУЛАГе. Население Германии вместе с Австрией на 1941 г. составляло 76 млн чел. Таким образом, в стране через местный ГУЛАГ прошли 4,6% населения, а погибли в нем — 0,65% граждан Германии (это не считая немецких евреев, которые были истреблены почти поголовно). Население СССР на 1941 г. — 209 млн чел., через сталинский ГУЛАГ за все время его существования прошли 15—18 млн чел., погибли — 1,6 млн. Это составляет 7,5% отсидевших от общего числа заключенных и 0,76% погибших. Обе цифры немного больше, чем в Германии, но надо учесть, что как минимум половина советских граждан попали в сталинский ГУЛАГ за уголовные преступления. Гитлеровские же концлагеря на 70—80% составляли политические и «иные». Если учесть эту поправку, то окажется, что немецких граждан, погибших в концлагерях, больше, чем погибших в сталинских лагерях (Как Гитлер уничтожал..., 2013).

Любопытно наблюдать как те же, кому так не нравится Сталин, выражают официальное негодование по случаю сноса памятников в Польше или Чехии. Простые люди, кстати (как это было недавно с памятником маршалу Коневу в Праге), активно протестуют. И ни в одной, ни в другой стране, если иметь в виду рядового гражданина, русофобия и антисоветизм

особой популярностью не пользуются. В постсоциалистических странах в целом достаточно положительное отношение к прошлой жизни в условиях «реального социализма». Во-первых, граждане успели почувствовать на себе все прелести капитализма, во-вторых, уровень и качество жизни в бывших соцстранах были как правило значительно выше, чем в СССР. Кстати, на вопрос вышеупомянутой анкеты: «Кто, по вашему мнению, наиболее ответственен за поражение Гитлера?», 84% граждан Чехии ответили, что СССР (Kdo se podle..., 2016).

Есть еще один важный момент. В результате Победы наша страна отстояла свою независимость — политическую и экономическую. Можно ли сказать про современную Россию, что это в полной мере независимое государство? Интегрированное в «мировое сообщество» — да, но независимое — сомнительно. Иначе трудно было бы объяснить робость, позицию пресловутого «американского наблюдателя» перед лицом откровенного геноцида и этноцида (т. е. культурного геноцида) наших соотечественников, например, на Украине. Особенно тяжело наблюдать за тем, что происходит в Донбассе и в Новороссии, землях Украине никогда не принадлежавших и включенных в состав УССР из тактико-политических соображений. Надо подчеркнуть, что гражданское размежевание на Украине идет не по линии этносов, а по линии идеологий. Есть такая замечательная идеология — украинства, в своей крайней форме сыгравшая зловещую роль в прошлой войне и продолжающая ее играть в наше время (Павленко, 2019).

Перед лицом отмеченных противоречий следовало бы задаться некоторыми вопросами. В какой мере мы являемся достойными наследниками Великой Победы? Готовы ли мы встретить вызовы нового времени, связанные с системным кризисом глобального капитализма? И наконец, в какой мере мы должны и сможем сохранить преемственность нашего исторического развития и осознать всю глубину слов о революции как «органической части русской истории» и недопустимости рассматривать советский период как «простой эпизод»?

Кстати, вспоминая слова Александра III о союзниках отметим, что у СССР их было достаточно. Причем многие из них были, а некоторые и остаются верными друзьями. И это отнюдь не только «армия и флот». Отношение в мире к нашей стране в прошлом иллюстрирует следующий эпизод с Георгом Гроссом, выдающимся немецким художником-антифашистом, вынужденным эмигрировать в США перед войной. Один из его немецких друзей, эмигрантов, живущих в США, вспоминает: «Мне приходит на память один случай, относящийся к самому тяжкому периоду войны 1941–1945 годов, когда немцы приближались к Москве. Я пришел к Гроссу в его нью-йоркскую квартиру в точно назначенное мне время и был очень удивлен тем, что художник меня не встретил. Это было так непохоже на его обычные манеры. Войдя в мастерскую, увидел Гросса в самом тяжелом состоянии. Слезы струились по лицу его, и он не мог говорить спокойно. На мой вопрос, что случилось, он ответил: «Все кончено. Фашисты взяли Москву». «Кто тебе это сказал?» – спросил я. «Я знаю это, вчера они были уже так близко, я помню падение Парижа». Мне стоило большого труда убедить Гросса в том, что его отчаяние преждевременно. Так сильно чувствовал этот человек свою связь с отечеством революции. Я предложил ему заключить пари. «Хорошо, – сказал он, – если ты окажешься прав, бери любую из моих работ. Она твоя». – «Да, – ответил я, – но что же получишь ты, если я проиграю? У меня нет ничего». – «Если Гитлер возьмет Москву, мне ничего больше не надо. Это конец» (Гросс, 1975. С. 92). Предполагаю, что в послевоенной Германии, особенно в ее восточной части (ГДР), было много единомышленников Гросса, которые сегодня скорее всего ощущают себя преданными. Ведь вместо объединения Германии произошло поглощение западной ее частью восточной, со всеми последствиями для восточных немцев, далеко не только позитивными (Павленко, 2019b).

В современном мире и особенно в России, с ее экстремальными внешними условиями, особую роль играет управленческая элита. Как говорится, кадры решают все. К сожа-

лению, с нашими кадрами не все однозначно. За советом обратимся к классикам. В этой связи примечательно высказывание Макса Вебера в его работе «Национальное государство и народнохозяйственная политика», изданной в 1895 г., задолго до революционных событий в Германии 1918 г. Определяя критерии успешности государства в реализации социально-экономической политики, М. Вебер обращает внимание, по его словам, «не на то, что делает людей счастливыми, но на то, каких людей оно воспитывает». «Впрочем, — продолжает М. Вебер, — угрожающий момент нашей ситуации в том, что буржуазные классы как будто бы перестают быть носителями властных интересов нации. ... И конечное содержание социально-политической проблемы — это... скорее, вопрос о политической квалификации классов, господствующих» (Вебер, 2003. С. 37).

Невольно напрашиваются параллели с ситуацией в современной России, когда «содержание социально-политической проблемы», как нам представляется, связано во многом с поведением и с качеством управленческой элиты государства. Характеризуя отечественную постсоциалистическую бюрократию, Г.Г. Дилигенский отмечает, что она «унаследовала от старой номенклатуры авторитарный менталитет и стиль руководства, консерватизм, неспособность подчинять свою деятельность общественно значимым целям и ценностям. Главный ее интерес состоит в укреплении и расширении собственной власти, поэтому постсоциалистическая бюрократия сопротивляется любым структурным преобразованиям, способным расширить реальные права и возможности экономических и социальных субъектов, от этой власти независимых» (Вебер, 1990. С. 33).

Говоря о функциях и качестве правящей элиты, следует углубиться в анализ этического аспекта проблемы. И здесь снова приходится обратиться к М. Веберу. Анализируя различные этики различных слоев — классов общества, М. Вебер указывает на «специализацию этики». Для политика, бюрократа, чиновника — это этика служения, для бюргера, буржуа,

предпринимателя — этика выгоды, для представителей творческих профессий — этика творчества, общественно полезная деятельность (там же. С. 700).

Анализируя поведение современной российской управленческой элиты, невольно соглашаешься с многочисленными экспертами, отмечающими слабое присутствие у нее нормативных установок «этики служения». Кроме того, существует еще и проблема качества служения. Взять хотя бы общение некоторых представителей нашей элиты, ответственных за внешнюю политику, со своими западными «партнерами». С нашей стороны только и слышится плач Ярославны, а точнее нечто похожее на причитания Козленка из басни И. Крылова «Волк и Козленок». Напомню, исчерпав все доказательства своей невиновности перед Волком, Козленок вопрошает: «Ах, чем я виноват?». Не стану дальше пересказывать басню, скажу только, что начинается она так: «У сильного всегда бессильный виноват».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Вебер М. Политические работы 1895–1919. М.: Праксис, 2003.
4. Гросс Г. Мысли и творчество. М.: Прогресс, 1975.
5. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
6. Как Гитлер уничтожил немцев // Росбалт. 2013. 10 апр. www.rosbalt.ru/blogs/2013/04/10/1116316.html.
7. Макаров В.А. Экономика знаний: уроки для России // Наука и жизнь. 2003. № 5. С. 26–30.
8. Павленко Ю.Г. Социальное государство и инновационная экономика // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 129–141.
9. Павленко Ю. Российское государство перед «украинским вызовом» // Мир перемен. 2019а. № 2. С. 89–98.
10. Павленко Ю.Г. Западу нужна своя перестройка // Мир перемен. 2019б. № 4. С. 108–110.

11. *Петров В.* Либо мы сделаем это, либо нас сомнут ... Альтернативная история. 2013. 31.05. alternathistory.com/libo-my-sделаем-eto-libo-nas-somnut.
12. *Переслегин С.* Вторая мировая – война между реальностями. М.: Яуза: Эксмо, 2006.
13. *Спицын Е.Ю.* Россия – Советский Союз, 1917–1945 гг.: Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Кн. 3. М.: Концептуал, 2015.
14. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.
15. Kdo se podle vás nejvíce zasloužil o porážku Hitlera? 2016. 09.05. www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Zradili-jste-nas-Uprchlici-besni-na-nas-Evropany-cekali-od-nas-vic-434723.

М.И. Воейков

д.э.н., профессор, зав. сектором политической экономики
Института экономики РАН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье рассматриваются экономические проблемы Великой Отечественной войны с точки зрения политической экономики. Анализируются сущность и характер советской экономической системы, политическое устройство СССР, роль И.В. Сталина в организации Победы советского народа. Дается характеристика фашизма как антигуманистической идеологии. Проводятся параллели с либеральными экономическими реформами 1990-х гг., нанесших колоссальный экономический ущерб России, во многом превосходящий потери страны от фашистского нашествия. Описана военная судьба крупнейшего советского политэконома Я.А. Кронрода, прошедшего всю войну в боевых частях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский общественный строй, мобилизационная экономика, фашизм, либерализм, Кронрод.

Экономическая система СССР

Знать историю своей страны нужно и важно, по крайней мере для того, чтобы не делать ошибок и глупостей в практической работе, связанной с преобразованием общества и развитием экономики. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) для России и народов Советского Союза явилась колоссальным испытанием во многих отношениях. И важнейшим, а возможно, даже главным, было испытание экономической системы СССР. Она блестяще выдержала его и продемонстрировала всему миру ее преимущества в критические моменты истории.

Иногда задаются вопросом – кто победил в Великой Отечественной войне: советский народ, советская экономическая и политическая система, товарищ И.В. Сталин и жесткая административная (почти тоталитарная) система? На него можно дать такой ответ: конечно в войне победил и совет-

ский народ, и Советский Союз, и политическая система, которую тогда называли «социализмом», — ибо эти понятия нельзя отделять друг от друга. Конечно, особо стоит вопрос о роли И.В. Сталина. Если быть объективным, то следует признать и определенные его заслуги в достижении Победы над гитлеровской Германией. Сталин был хороший организатор и понимал, что и как надо делать. Вместе с тем он был требовательным и жестким, временами даже жестоким, руководителем и умело управлял государственной машиной.

Однако Сталин совершал и крупные, даже роковые ошибки. Так, известно, что в 1937 г. он репрессировал большую группу командиров Красной армии (героев Гражданской войны) во главе с М.Н. Тухачевским, чем нанес очень существенный удар по обороноспособности СССР. Если бы не было этого преступного деяния Сталина, а иначе это назвать нельзя, первый этап войны для СССР был бы намного легче, по крайней мере, немцы вряд ли смогли бы дойти до Москвы. Были и другие ошибки Сталина, которые значительно усилили тяготы войны для советского народа. Современные историки, признавая, что Сталин был «незаурядным администратором», справедливо отмечают: «Сохраняя некоторые приобретения революции, прикрываясь марксистской фразеологией, тиран цинично эксплуатировал многовековую реакционную традицию самодержавия и православия, долготерпение, доверчивость, неприхотливость, почитание и страх перед начальством, другие не лучшие свойства широких слоев населения» (*Мерцалов, Мерцалова, 1998. С. 4*). Таким образом, роль Сталина в организации Победы советского народа была существенной, но нельзя забывать его роковые ошибки и преступления.

При этом возникает и другой вопрос: была бы иной модель форсированной индустриализации без Сталина и эксцессов сталинизма? Конечно, индустриализация была объективной необходимостью для страны, и это хорошо понимали многие политические деятели того времени. Здесь необходимо различать период 1920-х гг., когда рыночные начала в эконо-

мике сочетались с государственным планированием народного хозяйства, и время с начала 1930-х гг. вплоть до косыгинской реформы 1965 г., когда по сути осуществлялась мобилизационная экономика с минимизацией рыночных начал.

Практически более эффективной модели развития в 1920-е гг. в стране не было. Но в эти годы не было форсированной индустриализации и диктатуры Сталина. Иное дело — конец 1920-х и начало 1930-х гг., когда создавалась модель мобилизационной экономики. О том, что в России надо проводить индустриализацию и даже ускоренными темпами признавали почти все руководящие работники. Расхождения между ними были по вопросу темпов. Так, наркомфин Г.Я. Сокольников предлагал постепенный переход к индустриализации на основе роста благосостояния крестьянства (Войков, 2008), сталинское окружение выступало за ускоренную индустриализацию, которую и осуществили в начале 1930-х гг. Причем Сталин всех своих противников и инакомыслящих репрессировал.

Главные «пороки» сталинской модели состоят в чрезмерной жесткости проводимой политики, граничащей с преступлениями. Скажем, если бы индустриализацию проводили сторонники Л.Д. Троцкого и «левой оппозиции», жертв и ошибок было бы значительно меньше. К объективной причине «пороков» сталинской репрессивной модели можно отнести отсталость России в цивилизационном развитии. Это не только грубость и жестокость лично Сталина и его ближайших сподвижников, но и общий уровень деловой культуры населения. Чтобы русский мужик, а население в то время было в основном крестьянское, сносно работал на стройке или заводе, он должен был бояться начальника. Материальные стимулы труда были не очень существенными и не имели большого значения, ибо избытка товаров в магазинах тогда не было и возможности как-то реализовать дополнительный доход были очень ограничены. В то время была хозяйственная, а следовательно, и политическая диктатура государственной власти. Но надо сказать, что почти все страны второго

эшелона экономического развития проходили этап экономической диктатуры. Конечно, форма ее могла быть разной.

К сильной стороне сталинской модели можно отнести высокую исполнительскую дисциплину. Рядовые работники и хозяйственные руководители боялись ее нарушать. Этому способствовала, кроме личных организационных способностей Сталина, созданная система очень эффективной исполнительной власти. Большую роль при этом играла Коммунистическая партия большевиков, которая на всех уровнях быстро и просто, порой очень жестко, решала организационные вопросы.

Мобилизационная экономика со всеми ее положительными и отрицательными сторонами способствовала созданию в СССР в сжатые сроки индустриальной основы для Победы в Великой Отечественной войне. Но главным победителем все же был советский народ, понесший громадные людские потери, героически сражавшийся на фронте, самоотверженно работающий в тылу, испытывавший много трудностей и горя.

Советский Союз победил по целому ряду причин. Прежде всего, это экономические основы победы, о которых речь пойдет далее. Здесь же назовем цивилизационные и политические основания Победы. Первые заключаются в том, что люди защищали свой дом, свою страну, свою Родину. Очевидцы рассказывали, что когда советские войска отступали с западных территорий страны, то крестьяне (особенно украинские и белорусские) думали, что придут немцы, освободят их от колхозов и дадут свободную жизнь. Однако все получилось наоборот. Немцы сохранили колхозы, а все продукты увозили в Германию. Более того, они ходили по избам, забирали все, даже необходимые для жизни продукты и вещи. Поэтому крестьяне на оккупированных территориях пошли в партизаны, чтобы защищать свой дом, свое имущество, свою жизнь.

Ко вторым можно отнести единство советского народа, которое было не просто лозунгом, а существовало на практике. В советской политической системе было много недо-

статков, но все люди были равны. Конечно, государственная бюрократия пользовалась особыми привилегиями, но они были, так сказать, «обозримы», т.е. не очень существенными и предоставлялись в соответствии с должностью. Это ни в какое сравнение не идет с тем, что творится сегодня в стране, когда госчиновники, мошенники и воры имеют такое имущество, что простому человеку все это невозможно и «обозреть». Советские люди знали о привилегиях чиновников, но во многом это было понятно и не разрушало единство народа. От врагов все страдали одинаково, и «все как один» готовы были защищать свою Родину.

Суть советской экономической системы, позволившей одержать победу над гитлеровской Германией, заключалась в плановом хозяйстве. Именно с помощью плановой системы удалось осуществить в 1930-х гг. индустриализацию, создать мощную промышленную базу для обеспечения Красной армии всем необходимым (оружием, боеприпасами, транспортными средствами и т.д.). Данная система способствовала четкой и организованной эвакуации промышленных предприятий из западных и центральных районов страны на Урал и дальше, что заложило основу для восстановления промышленного потенциала, достаточного для обеспечения Победы.

Известно, что экономика СССР в середине 1920-х гг. серьезно отставала от основных индустриальных держав, что создавало угрозу самому его существованию. Требовалось не просто увеличить мощности имевшихся в стране сырьевых и промышленных производств, но и преобразовать сам тип экономического развития, сместив центр тяжести экономической политики от традиционного аграрного сектора в индустриальный. Без создания собственного производства машин, станков, тракторов, турбин, двигателей внутреннего сгорания, без повышения агротехнического уровня сельскохозяйственного производства дальнейшее экономическое развитие было просто невозможно.

Индустриализация изменила облик советской экономики. За 1930-е гг. СССР из страны, ввозившей станки

и машины, превратился в страну, их производящую. Увеличилась и численность городского населения за это время. Были освоены новые промышленные районы на востоке страны. Возникли целые отрасли индустрии, которых не было в дореволюционной России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и др. Все это позволило СССР к началу 1940-х гг. превратиться в могучую индустриальную державу, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы просто невозможной.

По советской традиции многие авторы и сегодня советский общественный строй называют социализмом. Но это в корне неверно. Россия до 1917 г. по существу была феодальной страной со сравнительно небольшим развитием рыночных и капиталистических начал. Достаточно сказать, что 70% сельскохозяйственного производства было натуральным. И революция 1917 г., в том числе и октябрьская, была не социалистической, а буржуазно-демократической (Воейков, 2017). Тот общественный строй, который существовал в СССР, иначе как госкапитализмом назвать нельзя. Конечно, это не был классический госкапитализм, ибо не было распределения по капиталу. Но это, безусловно, была одна из его моделей, с очень заметной социальной составляющей. Можно даже говорить, что СССР был сильным социальным государством.

Основное достижение советского периода состоит в том, что Россия (СССР) из второразрядной страны превратилась во вторую сверхдержаву в мире. Была создана современная индустрия, люди в целом жили вполне благополучно, существовали доступная медицина, бесплатное образование, постепенно решалась жилищная проблема, наблюдался расцвет советской культуры, успешно развивалась наука. СССР был вполне респектабельным и конкурентоспособным социальным государством.

Однако были и провалы советской экономической системы. К неудачам и ошибкам советского периода можно отнести прежде всего неразвитость рыночных начал в экономике, слишком жесткую централизацию управления, отсут-

ствие демократизма и самоуправления на местном уровне. Совершенно необязательно было каждую парикмахерскую создавать как государственную. К сожалению, таких глупостей в советский период было много.

Жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства – вот основные экономические параметры Победы. Да, это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях войны невозможно было сохранить страну и победить врага. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и военной техники. Как отмечают специалисты, к началу 1941 г. в СССР было уже 1821 научное учреждение, в том числе 786 крупных научно-исследовательских институтов. Война «показала превосходство советской науки и прежде всего ее лучшую организацию, позволившую планомерно вести работу, кооперировать усилия многих коллективов для продвижения приоритетных оборонных изысканий» (Гусев, Макаров, Покатов, 2015. С. 93). К концу войны были созданы новейшие виды вооружения, не имевшие аналогов в мире. Достаточно вспомнить русскую «катюшу». В Германии же не было централизованной системы управления наукой. Поэтому «в системе вооруженных сил и в штаб-квартире Гитлера вопрос о военной технике был самым запутанным и необнадеживающим» (Шнейдер, 1957. С. 340). В Советском Союзе придавалось большое значение развитию науки, щедро финансировались все научные изыскания, создавались все условия для использования научных результатов в производстве. К тому же эти условия помогли СССР быстро восстановить экономику после войны. Уже к середине 1950-х гг. СССР превратился в мощнейшую державу мирового значения.

Таким образом, можно утверждать, что важнейшим звеном плановой системы и индустриализации в СССР было становление и развитие современной науки, во главе которой стояла Академия наук СССР. Это резко контрастирует с нынешним положением в стране, когда Академию наук

низвели до уровня мелкого подразделения одного из министерств.

Кроме того, надо иметь в виду, что мы воевали не просто против немцев и не против просто Германии, а против фашистской Германии. СССР воевал против фашизма. Фашизм — это одна из расистских теорий о превосходстве одной нации над другой. Он по своей сути — особая форма буржуазности второстепенной нации, которая хочет занять достойное место при дележе мирового пирога прибыльности. Германия в силу разных обстоятельств отстала в экономическом развитии от ведущих держав Европы (Англии и Франции), осталась без колоний, т.е. без дешевого сырья и рынков сбыта. Амбиции и аппетиты немецкой буржуазной элиты требовали своего куска прибыльности. И соперничество с европейскими ведущими державами за раздел мира вылилось в Первую мировую войну, в которой Германия потерпела сокрушительное поражение. Немецкая буржуазная элита жаждала реванша. И тут подвернулась идеология фашизма, которая обосновывала превосходство немецкой нации и большую долю в мировой прибыльности, чем это досталось Германии после 1918 г.

Так что фашизм — это особая форма национализма, т.е. агрессивной буржуазности в погоне за большей прибыльностью, доведенного до абсурда. И вот с этим абсурдом боролся советский народ и победил.

Либералы и фашизм

Известно, что либералы не любят фашизм, и это единственное, что их роднит с нормальными людьми. Во всем остальном это странные люди. Довольно часто либералы приравнивают советский социализм к фашизму, как будто это одно и то же, не желая понимать качественные отличия первого от второго. На это можно ответить прямо и грубо: потому что либералы недоумки или весьма политически ангажированные и жадные до денег от буржуазии деятели.

Но можно ответить и более пространно. Либералы смешивают социализм и фашизм потому, что под первым они понимают сталинский тоталитаризм, который действительно был внешне похож на фашизм. Но сталинский тоталитаризм с действительным социализмом, о котором много писали социалисты-утописты и марксисты, имел лишь внешнее, фразеологическое сходство. Либералы же, в силу тугости своего ума или политической ангажированности, не в силах за фразой увидеть сущность явления, т.е. форму и сущность они различать не умеют. И главное — сталинский тоталитаризм принципиально отличался от фашизма тем, что всех людей без различия национальности уравнивал, а фашизм одну нацию ставил выше всех остальных.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным. Коэффициент Джини был на уровне Скандинавских стран, характерном для социальной экономики, в 1992 г. он равнялся 0,28, а сегодня в России — примерно 0,41 (Анисимова, 2016). Либералы же не любят равенства. Они считают, что равенства не должно быть, ибо, по их мнению, оно не стимулирует рост производительности. Так, Л. Мизес пишет: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» (Мизес, 2000. С. 788). Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает» (там же. С. 796). Сегодня в России неравенство зашкаливает, переходя за все разумные пределы. Так, в 2019 г. доля богатства страны, сосредоточенная у 1% наиболее состоятель-

ных россиян, составила 58,2%. В большинстве основных европейских стран концентрация богатства у 1% населения не превышает 30% (Анисимова, 2020. С. 129). Итак, неравенство в современной России поражает воображение, а инвестиций как не было, так и нет.

Разница между социализмом и фашизмом очень большая и принципиальная. Социализм делает всех людей одинаковыми и требует уважать каждого человека в зависимости его трудовых достижений. Фашизм исходит из того, что надо уважать людей только одной нации и в зависимости от принадлежности к буржуазной элите этой нации. Социализм — это будущее человечества. Фашизм — это агрессивный национализм буржуазной несостоятельности молодых наций. Либералы любят буржуазность XVII или XVIII вв., когда она была прогрессивной формой перехода общества от феодализма к современности. Но в XXI в. веке глупо пробавляться ценностями 300-летней давности. Паровоз истории на своем пути сметет все архаические формы, что и доказал Советский Союз своей Победой в Великой Отечественной войне.

Как уже отмечалось, в СССР не было социализма в строго научном понимании этого слова. Либералы почему-то упорно верят словам И.В. Сталина, который первый объявил о построении социализма в нашей стране. Хотя в научной литературе хорошо показано, что социалистического общества у нас так и не было. Вот несколько мнений. Историки пишут: «Как можно признать социалистическим СССР, в котором не было правового государства, никогда не были решены продовольственная и жилищная проблемы, существовало отчуждение работника от средств производства, от участия в управлении хозяйством» (Мерцалов, Мерцалова, 1998. С. 24). Или вот мнение академика Л.И. Абалкина: «Надо ясно представлять себе, что социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили» (Абалкин, 2011. С. 22). Либералы не задумываются над этими вопросами и все валят в одну кучу.

Более того, либеральные экономические реформы 1991–1995 гг. нанесли России экономический ущерб, вполне сопо-

ставимый с потерями народного хозяйства от нашествия фашистской Германии и даже сильно их превосходящий. Так, если промышленное производство в 1945 г. сократилось по сравнению с 1940 г. всего лишь на 10%, то в 1995 г. по сравнению с 1990 г. — более чем на 50% (промышленное производство составило 49,7%)¹ Соответственно возникает вопрос: что для экономики России ущербнее — война с фашистской Германией или либеральные реформы, навязанные Вашингтонским консенсусом? На него хорошо ответил Ю.В. Якутин. Либеральные преобразования постсоветского периода, как отмечает он, «уполовинили национальную экономику, привели к разгрому созданных в СССР высокотехнологичных промышленных отраслей и комплексов, мощно ударили по индустрии народного потребления и фактически ликвидировали почти все социальные завоевания советского периода — так, что специалисты оценили соответствующие реформационные потери в качествекратно превышающих ущерб Советского Союза от гитлеровского нашествия!» (Якутин, 2015. С. 19). И это реальная цена либеральных реформ 1990-х гг. в России.

Политэконом на фронте

Теперь рассмотрим военную судьбу одного из сотрудников Института экономики АН СССР, выдающегося советского политэконома, который в 1941 г. добровольцем пошел на фронт. Всякий крупный экономист советского периода, а тем более такой выдающийся теоретик экономической науки, как Яков Абрамович Кронрод, неотделим от своей эпохи, своего времени, своей страны. И многие типичные черты эпохи, особенно ее идеологии, проявлялись в научном творчестве Кронрода.

1. *Рассчитано по:* (Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 55; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Логос, 1996. С. 492).

Ряд сотрудников Института в самом начале войны добровольцами отправились на фронт. Об этом хорошо написал в своих воспоминаниях Е.Л. Маневич. Он называет тех сотрудников, которые до конца остались в составе стрелковой дивизии: И.А. Анчишкин, Д.Т. Шепилов, Б.Л. Маркус, С.И. Бессонов, Я.А. Кронрод, Д.С. Телятников, М.И. Куркин, Е.Л. Маневич, Я.Г. Фейгин, аспиранты М.Т. Пономарев, А.А. Арутюнян, С.М. Иванов, В.В. Варанкин (Маневич, 2016. С. 59).

Родился Я.А. Кронрод в 1912 г. в небольшом городке Тульской области Алексин. В 1930 г. окончил среднюю школу в Москве, затем учеба на философском факультете МГУ. Параллельно с этим с 1931 г. работал в Госплане СССР, Мособлплане и в ЦСУ СССР. С 1940 г. до конца жизни (1984 г.) Я.А. Кронрод работал в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН). Именно в ИЭ проявились все его могучие способности, здесь он написал все свои основные теоретические работы, что сделало его одним из ведущих теоретиков страны в области политической экономики.

Сегодня очень сложно оценить политическую экономию советского периода, а стало быть, и вклад Кронрода в ее развитие. Но этим заниматься надо, ибо экономическая теория советского периода, т. е. теория советской экономики, при всех ее недостатках и упущениях, все-таки обеспечила развитие народного хозяйства страны в такой степени, что страна смогла выдержать Великую Отечественную войну и победить Германию. Однако о роли Кронрода в развитии экономической науки мы поговорим в другом месте, а сейчас коснемся его роли в защите отечества на фронтах мировой войны.

Кронрод с первых дней войны записался добровольцем в народное ополчение Москвы и прошел всю войну до Берлина. Тут уместно привести небольшой отрывок из воспоминаний Е.Л. Маневича о Кронроде, с которым он очень дружил. «Меня провожал Яков Кронрод, — пишет Маневич, — которого к этому времени мне с большим трудом удалось перевести из стрелковой роты в политчасть, где ему, под

мою ответственность, доверили раздавать газеты командирам и политработникам. В роте ему было тяжело, у него было большое сердце, а там тогда рыли окопы, и у Якова случился сердечный приступ. Я едва уговорил комиссара Крылова выдвинуть беспартийного Кронрода на эту «ответственную» работу... В тот же день я на полковой полуторке поехал в роту, которая рыла окопы далеко от полка, и забрал Якова в политчасть. Этим я спас его — вскоре начались бои, и весь первый батальон целиком погиб» (там же. С. 62–63). Таким чудесным образом, благодаря Е.Л. Маневичу, был спасен крупнейший советский политэконом.

Все свои правительственные награды Кронрод получил только за участие в боевых действиях: ордена — «Красной Звезды», «Отечественной войны 2-й степени», медали — «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и др. Сохранилось 170 писем Я.А. Кронрода с фронта, которые представляют сегодня чрезвычайный интерес. Благодаря усилиям профессора И.В. Можайсковой выдержки из этих писем были опубликованы и стали доступны для воспроизводства и анализа. Они демонстрируют, как молодой советский интеллект воспринимал войну, фронт, задачу защиты отечества. Современный исследователь творчества Я.А. Кронрода очень хорошо сказал про эти письма. «Эти письма необычны. — пишет Н.Ю. Ахапкин. — В них — и слова солдата, оторванного войной от дома, и человека, трезво, без иллюзий анализирующего происходящее, цепко в него вглядывающегося, и человека, который, и воюя, не мог не думать о главном для себя — о своей научной работе. А человека их прочитавшего, они могут уже и не отпустить. К ним, как к хорошей книге, будешь возвращаться» (Ахапкин, 2014, С. 75).

Начнем с характеристики, которую дал Я.А. Кронроду начальник политотдела 24-й армии полковник Д.Т. Шепилов (кстати, он перед войной занимал должность заведующего сектором в Институте экономики АН СССР, а впоследствии стал крупным политическим и общественным деятелем (Кузнецова, 2020)). «Тов. Кронрод Я.А. с первых дней

Отечественно войны добровольцем вступил в ряды Красной Армии и с этого времени непрерывно находится на передовой линии фронта в 173-й московской стрелковой дивизии сначала в качестве рядового бойца, затем политпросветработника 1311 сп, зам. редактора и, наконец, отв. редактора дивизионной газеты “Боевое Знамя”».

Тов. Кронрод Я.А. — активный участник боевых операций по разгрому немцев на подступах к Москве и под Сталинградом. Боевой и мужественный политработник. Самоотверженным трудом тов. Кронрода и руководимого им коллективом создана боевая, пользующаяся огромной популярностью в войсках дивизионная газета “Боевое Знамя”. Эта газета, благодаря ее оперативности, боевой направленности, теснейшей связи с массами, оказывала и оказывает серьезнейшую помощь командованию в деле обеспечения наступательного порыва войск, боевой выучки рядового и командного состава.

Лично тов. Кронрод — высококвалифицированный журналист, фронтовик и хороший массовик-организатор. Глубоко предан партии Ленина—Сталина. За боевые заслуги награжден медалью. Представлен ко второй правительственной награде. Имеет все данные для продвижения на более ответственную газетную работу.

Начальник политотдела 24-й армии полковник Д. Шепилов. Действующая армия. 24 февраля 1943 г.» (Судьба учебного..., 1992. С. 60–61).

Надо сказать, что такие блестящие характеристики, которые давали Я. А. Кронроду на фронте, в науке он никогда не получал. Так, например, в характеристике, данной ему руководством Института экономики АН СССР от 11 апреля 1972 г., можно прочитать следующее: «В материалах комиссии, изучавшей по поручению ЦК КПСС деятельность партийной организации Института, и на партийных собраниях Института подвергались критике отдельные ошибочные формулировки, изложенные в статье Я.А. Кронрода в журнале “Известия АН СССР”, № 3, 1971 г. Я.А. Кронрод не во всех случаях занимал правильную позицию в отношении теоретиче-

ских ошибок, допущенных некоторыми сотрудниками руководимого им сектора». Так же и правительственные награды Я. А. Кронрод получал только на фронте. Да и в других странах был только во время войны, с действующей армией. В период «развитого социализма» Кронрод был «невъездной», хотя его неоднократно приглашали в страны соцлагеря на различные научные конференции.

Но вернемся к военной поре. Кронрод, несмотря на старания того самого Д. Шепилова выдвинуть его на более ответственную работу, так и прошел всю войну от Москвы до Берлина в должности редактора дивизионной газеты.

Я.А. Кронрод пошел на фронт добровольцем, записавшись вместе с другими сотрудниками Института экономики в народное ополчение в самом начале войны. «6 июля 1941 г. я надел солдатскую шинель», — пишет Кронрод в одном из писем. В 1941 г. предстояли тяжелые бои под Москвой, отступление, окружение, прорыв через линию фронта к своим и, наконец, остановка немцев на подступах к Москве. Во всех этих этапах Кронрод принимал самое непосредственное участие.

Во всех военных эпизодах Кронрод проявил себе не просто с наилучшей стороны, а так как он проявлял себя и в дальнейшем: инициативным, уверенным, энергичным, умным деятелем. Вот один эпизод из его письма той поры (6 ноября 1941 г.): «Мне пришлось взять на себя командование батальоном, так как командир оказался тем, за кого мы его всегда и почитали. Я пришел к нему. Он решительно ничего не смыслил, перепугавшись известей об обходе. Собственной властью пришлось отстранить его, взять командование на себя. Это мне-то! Уйдя с глаз долой от этого негодяя с трясущимися от страха руками, решил все менять. Уже под сильным огнем поменял боевые порядки, расстановку орудий. Это была буквально удача, которая спасла нас от обхода и танковой атаки. Мы остались одни и прикрыли отход всех частей. Дальше последовал еще бой, а затем отряд пришлось вести по глубоким немецким тылам. 15 дней мы выходили из окружения ...В боях я лично ничего не “переживал”, я просто “работал”, спокойно, исправно, ну

точно у себя за столом, и соображал “по-военному”, оказывается, также быстрее других. Когда выходили долгими днями из окружения, у меня и тени сомнения не было — выйду ли?» Вот это — «без тени сомнения» — очень характерно было для всего научного творчества Я.А. Кронрода.

И еще несколько выдержек из писем со Сталинградского фронта. От 30 августа: «Представь себе широченную степь. Куда не повернешься — всюду степь, степь сухая, покрытая ковылем и уходящая куда-то в бесконечность. Степь, степь, степь, насколько хватает глаз. Я проехал вчера больше сотни километров машиной, и хоть бы один стоящий холм, хоть деревцо: то пески, то ковыль. Вот и все. Земля ровная, что поднос. А небо синее, ни облачка. И только самолеты. Гул почти не стихает. Наши, немецкие. Воюют друг с другом, атакуют землю. Швыряют бомбы. Сотрясается, стонет степная земля. Гром канонады. Артиллерия, минометы грохочут. Гул сливается». Надо сказать, что уже из этого отрывка можно почувствовать силу литературной одаренности Кронрода, когда немногими скупыми словами и особым ритмом предложения передается грозная атмосфера сталинградского фронта. Еще отрывок из письма от 28 сентября: «Тут только мы все, провоевавшие пятнадцать месяцев, узнали, что есть в самом деле современная война, война танков, авиации, артиллерии. Жарко, крепко, тяжело. Очень много людей стоит война...». И наконец из письма от 2 апреля 1943 г.: «На днях вручили мне орден Красной Звезды, потом — грамоту Сталинградского гарнизона и горсовета. Это за оборону Сталинграда».

Однако Кронрода все время тянуло к книгам и к научным проблемам. Читал он всегда и очень много. Всегда жаловался — «читать решительно нечего». И в следующем письме: «Напропалую читаю — Шекспир, Боевой Устав, психологию, физиологию и все прочее, что придет под руку». И с непреодолимой силой его тянуло к науке.

Уже в марте 1945 г., находясь в действующей армии в Восточной Пруссии, Кронрод садится за книгу о деньгах. В письме от 8 марта он пишет: «Меня приковывает к столу вся-

кую свободную от войны минуту». И несколько дальше: «Какая скверная доля — ощущать в себе хоть сколько-нибудь живой мозг и чувствовать, как он излучается в ничто». Действительно, живой мозг ученого требовал не войны, а науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.И.* Социализма мы не построили / Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011.
2. *Анисимова Г.В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14. № 1. С. 61–77.
3. *Анисимова Г.* Обострение социально-экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2020. № 9. С. 125–134.
4. *Ахлапкин Н.Ю.* О фронтовых письмах Я.А. Кронрода // Я.А. Кронрод в прошлом и настоящем / Под ред. Т.Е. Кузнецовой. М.: ИЭ РАН, 2014.
5. *Воейков М.* Логика экономической концепции Г.Я. Сокольниковца // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 141–154.
6. *Воейков М.И.* Великая российская революция: экономическое измерение. М.: Институт экономики РАН, 2017.
7. *Гусев Б., Макаров П., Покатов А.* Наука — военная экономика — Победа // Российский экономический журнал. 2015. № 1. С. 92–99.
8. *Кузнецова Т.Е.* Шепилов Дмитрий Трофимович / Институт экономики Российской академии наук в лицах: сборник / Отв. ред. М.И. Воейков. СПб.: Алетейя, 2020. С. 420–425.
9. *Маневич Е.Л.* Воспоминания о Родине, войне и мире. М.: Институт экономики РАН, 2016.
10. *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.
11. *Мизес Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
12. Судьба ученого и трагедия науки: К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Наука, 1992.
13. *Шнейдер Э.* Расцвет и упадок немецкой науки в период Второй мировой войны / Итоги Второй мировой войны: Сб. статей / Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
14. *Якутин Ю.* Уроки Великой Победы // Российский экономический журнал. 2015. № 1. С. 5–26.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

**Экономика победы:
уроки истории и современность
(К 75-летию Победы СССР
в Великой Отечественной войне)**

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Ерзнкян М.Д.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 20.12.2020.

Заказ № 34. Тираж 300 экз. Объем 7,9 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0682-5

9 785994 006825